САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ

НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНЫ І ІНФАРМАЦЫЙНА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

ВЫДАЕЦЦА ШТОКВАРТАЛЬНА З ВЕРАСНЯ 2005 г.

2’2016

Заснавальнік і выдавец –
прыватная ўстанова адукацыі
«БІП-Інстытут правазнаўства»

Выдаецца з удзелам

Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Інстытута гісторыі НАН Беларусі

Часопіс зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь.
Пасведчанне аб рэгістрацыі № 1120
Часопіс уключаны ў Пералік навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па юрыдычных і эканамічных навуках.
Адрас рэдакцыі: вул. Караля, 3, 220004, г. Мінск. Тэл. / факс 2110158

Мінск 2016

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ:

Галоўны рэдактар –
доктар юрыдычных навук,
прафесар
Сокал Сцяпан Фёдаравіч

Я. М. Бабосаў,
акадэмік НАН Беларусі,
доктар філасофскіх навук,
прафесар

В. К. Банько,
кандыдат філасофскіх навук,
дацэнт

М. П. Бяляцкі,
доктар эканамічных навук,
прафесар

У. А. Вітушка,
доктар юрыдычных навук,
прафесар

намеснік галоўнага рэдактара –
А. Ф. Вішнеўскі,
доктар гістарычных навук,
прафесар гісторыі, прафесар
права

намеснік галоўнага рэдактара –
В. Р. Галаванаў,
кандыдат юрыдычных навук,
дацэнт

А. А. Каваленя,
доктар гістарычных навук,
прафесар

В. С. Камянкоў,
доктар юрыдычных навук,
прафесар

І. В. Катляроў,
доктар сацыялагічных навук,
прафесар

А. М. Літвін,
доктар гістарычных навук,
прафесар

У. А. Мельнік,
доктар палітычных навук,
прафесар

В. Ф. Мядзведзеў,
член-карэспандэнт НАН
Беларусі,
доктар эканамічных навук,
прафесар

С. В. Рашэтнікаў,
доктар палітычных навук,
прафесар

А. М. Сарокін,
доктар гістарычных навук,
прафесар

Г. А. Хацкевіч,
доктар эканамічных навук,
прафесар

В. Г. Ціхіня,
член-карэспандэнт НАН
Беларусі,
доктар юрыдычных навук,
прафесар

Л. Ф. Яўменаў,
член-карэспандэнт НАН
Беларусі,
доктар філасофскіх навук,
прафесар

Адказны сакратар Н. В. Стрыбульская
Камп'ютарная вёрстка, дызайн М. М. Лебедзеў
Карэктар А. А. Карп

Падпісана ў друк 14.06.2016.
Папера афсетная. Друк афсетны. Фармат 70х100 1/16.
Ум.-друк. арк. 12,5. Ул.-выд. арк. 8,5. Тыраж 150 экз. Заказ № 3589.

Паліграфічнае выкананне: таварыства з абмежаванай адказнасцю «Медысонт»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010. Вул. Ціміразева, 9, 220004, г. Мінск

4 Отчет о проведении II Круглого стола «Актуальные проблемы гражданского и международного права в условиях интеграционных процессов на постсоветском пространстве»

ДЫСКУСІІ

6 *Сидоренко Б.И., Свиб А. Ф..* Социум и этнос: русские в Могилеве в свете данных демографической статистики

ПРАСТОРА ПРАВА

22 *Бабосов Е.М.* Использование теории сложности в современной системе правоведения

33 *Пастухов М.И., Пастухова Д.М.* Правовые аспекты участия Республики Беларусь в Болонском процессе

40 *Коляго В.В.* Критерии оценки деятельности субъектов профилактики правонарушений

53 *Закревский Л.Г.* К вопросу об участии представителей гражданского общества в осуществлении правосудия в Республике Беларусь

58 *Дементьева И.Н.* Социологический мониторинг оценки эффективности государственного управления

74 *Пилипенко Н.С.* Правовое содержание индивидуального трудового спора

83 *Михайловская Ю.В.* Криминологическая характеристика жертв мошенничества в товарно-кредитной сфере

93 *Бардашевич Я.В.* Статус эмбриона человека и его правовая защита

106 *Иванец К.М.* Правовые основы ведения государственного водного кадастра в Республике Беларусь

113 *Северский А.М.* Разумные сроки в уголовном процессе Украины, Российской Федерации и Молдовы

ЭКАНОМІКА І КІРАВАННЕ

121 *Гурский В.Л.* Моделирование процесса согласования промышленной политики стран ЕАЭС

135 *Самусева Л.А.* Государственная политика Рреспублики Беларусь в области развития информационного общества

146 **РЕЗЮМЕ**

150 **SUMMARY**

Усе артыкулы рэцэнзуюцца
Рэдакцыя можа не падзяляць пазіцыі аўтараў апублікаваных прац
© Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні

Отчет
о проведении II Круглого стола
«Актуальные проблемы гражданского и международного права в условиях интеграционных процессов на постсоветском пространстве»
(Гродненский филиал БИП, 12 февраля 2016 года).

12 февраля 2016 года кафедрой гражданского и международного права Гродненского филиала БИП был проведен II Круглый стол «Актуальные проблемы гражданского и международного права в условиях интеграционных процессов на постсоветском пространстве».

В его работе приняло участие более 20 исследователей, представлявших шесть учреждений высших образований из Беларуси, России и Литвы.

Среди иностранных участников следует отметить выступления:

— **Рожковой М. А.** (д.ю.н., профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина) с докладом «О проблемах определения компетенции Суда по интеллектуальным правам как специализированного арбитражного суда»;

— **Нестолия В. Г.** (к.ю.н., доцент, Иркутский институт (филиал) всероссийского государственного университета Министерства юстиции) с докладом «И астрэнт, и обязательство»;

— **Калинина В. Н.** (к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации г. Тула) с докладом «Реализация международных стандартов в области гражданства в законах о гражданстве Российской Федерации и Республики Беларусь»;

— **Иванова К. И.** (доктор права, доцент академического департамента права Европейского гуманитарного университета, г. Вильнюс)

В рамках развития сотрудничества с учреждениями высшего образования г. Гродно в работе круглого стола приняли участие представители Гродненского государственного университета им. Янки Купалы: **Вартанян А. М.** (к.ю.н., доцент, тема доклада: «Об основных этапах становления и развития сельскохозяйственной производственной кооперации в Республике Беларусь»), **Кирвель И. Ю.** (к.ю.н., доцент, тема доклада: «Обеспечение тайны завещания в современных условиях»), **Станкевич Н. Г.** (к.ю.н., доцент, тема доклада: «Коммерческое (торговое) право как частное право»), **Бодяк Н. Е.** (тема доклада: «Общества взаимного финансирования в системе потребительской кооперации Республики Беларусь»), **Гончар Т. М.** (тема доклада: «История возникновения и развития Гаагской системы регистрации промышленных образцов»), **Кудель Д. А.** (тема доклада: «Отдельные аспекты правового регулирования концессионных отношений по законодательству государств-членов ЕАЭС»).

В ходе работы круглого стола с основными результатами и перспективами своих научных исследований присутствующих ознакомили сотрудники кафедры гражданского и международного права и кафедры истории и теории права Гродненского филиала БИП: **Белова И. А.** (к.ю.н., доцент, доклад «Особенности электронных денег в Республике Беларусь: правовые аспекты»), **Богустов А. А.** (к.ю.н., доцент, доклад «Тенденции развития института ценных бумаг в Модельном законе О предпринимательстве»), **Мисаревич Н. В.** (к.ю.н., доцент, доклад «Иностранный элемент в частноправовых отношениях: исторический аспект (на примере городов с магдебургским правом)»), **Пилипенко Н. С.** (к.ю.н., доклад «Правовое содержание индивидуального трудового спора»), **Данькова Л. И.** (доклад «Судебное толкование: понятие и виды»), **Журомская Н. С.** (доклад «Суд присяжных как одно из средств борьбы с излишней криминализацией деяний»), **Забашта А. С.** (доклад «Основные тенденции развития института местного самоуправления в зарубежных странах на современном этапе»), **Михайловская Ю. В.** (доклад «Криминологическая характеристика жертв мошенничества в товарно-кредитной сфере»), **Скютте Д. Н.** (доклад «К вопросу о типологии литературных источников по проблеме политических прав женщин Беларуси»), **Рекеть Н. Н.** (доклад «Историография земельных реформ на Беларуси»), **Филипчик Т. В.** (доклад «Опыт зарубежных стран в решении отдельных проблем совершенствования законодательства»).

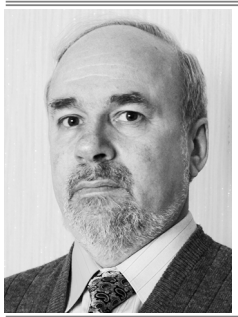
Участники круглого стола высоко оценили уровень его организации и высказали пожелание сделать его проведение традиционным.

Богустов Андрей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Заместитель директора Гродненского
филиала БИП по учебной и научной работе

УДК 316:314

Б. И. Сидоренко,
А. Ф. Свиб

СОЦИУМ И ЭТНОС: РУССКИЕ В МОГИЛЕВЕ В СВЕТЕ ДАННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ



Сидоренко Борис Игоревич *– кандидат исторических наук, доцент кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин Частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (Могилевский филиал). Автор более 150 публикаций и 120 научных статей, в том числе 3-х монографий, учебного пособия и 4-х разделов коллективной монографии по истории Беларуси и России, Могилева и Могилевщины.*

Свиб Анжелика Феликсовна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин Частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (Могилевский филиал). Автор около 40 публикаций, включая научные и научно-методические статьи, тезисы научных статей, курсы лекций, книги и монографии.*

Формирование этнической структуры белорусского города и ее количественные параметры, заданные почти 120-летней динамикой общественного развития — с момента проведения первой государственной переписи и до сегодняшнего дня,— одна из наиболее интересных и перспективных тем белорусской демографической и социальной науки. Изучение взаимодействия социума и этноса приводит к интересным выводам и обобщениям, которые касаются и не относящихся к коренному населению структурных составляющих демографической картины того или иного города. Генезис и развитие таких национальных меньшинств в количественном измерении и социальной обусловленности позволяет более рельефно представить их роль и место в жизни не только города, но и всего социума. О русских как этносе и их демографической и социальной нише в составе населения Могилева — одного из крупнейших белорусских городов — и пойдет речь в этой статье.

Самые ранние и наиболее достоверные количественные данные о численности этнических русских, проживавших в Могилеве, появились в результате Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной 28 января 1897 г. В основу ее был положен принцип опроса. Переписной формуляр включал более 10 вопросов: фамилия, имя, отчество лица, пол, отношения с главой семейства, семейное положение, сословие или звание, место рождения, место приписки и проживания, вероисповедание, родной язык, грамотность, занятие. Согласно данным этой переписи в Могилеве проживало 43119 человек, из которых на основании родного языка к русским (великороссам) отнесли себя 6844 человека, что составило почти 16% населения города. После евреев (21453 человека) и белорусов (12847 человек) русские занимали третье место в национальной городской структуре, но даже общее славяно-православное население (19772 человека) не превышало еврейского, хотя решающего преимущества перед славянами евреи в губернском центре не имели.

Подавляющее число русских в Могилеве относилось к военнослужащим (1435 человек) и членам их семей (219 человек), значительная часть (334 человека) несла службу в губернской, уездной и городской администрации, суде и полиции и вместе с находящимися на их иждивении лицами (625 человек) также составляла значительную группу. Частной и служебной деятельностью, поденной работой и услужением занималось 547 человек (48 членов их семей). За счет средств от казны, общественных учреждений и частных лиц существовало 502 человека. Остальные русские занимались торговлей, разного рода промыслами, работали в сфере услуг, обслуживали почту и телеграф, искали заработок. В пределах Могилевской губернии русские обладали высоким уровнем грамотности (285 грамотных на 1000 жителей) и, хотя по этому показателю уступали полякам и евреям, опережали белорусов и украинцев. Что же касается общей статистики по городам пяти западных губерний, то по количеству лиц с уровнем образования выше начального, как отмечают исследователи, русские

лидировали (134 человека на 1000 жителей)[1]. Большое число русских в статусе военнослужащих не должно вызывать удивления. Помимо губернских воинских и жандармских управлений в год проведения переписи в Могилеве квартировалась 1-я бригада 41-й пехотной дивизии в составе 161-го Александропольского и 162-го Ахалцыхского пехотных полков. Высокая доля русских в составе чиновничьего сословия — административного, управленческого, судебного, полицейского аппарата губернии, города и уезда — объясняется тем, что чиновником в Российской империи считался всякий государственный служащий, имевший чин — служебный разряд, под который попадал и учитель гимназии, и почтмейстер, и инженер-путеец. Чин, в свою очередь, зависел от уровня образования и благородства происхождения, так что высокая грамотность русских делала свое дело.

По месту рождения большинство русских жителей в днепровском губернском центре составляли выходцы из Костромской губернии (910 мужчин и 8 женщин), много было выходцев из Московской губернии (102 мужчины и 99 женщин) и из самой Москвы (92 мужчины и 85 женщин), Нижегородской (172 мужчины и 8 женщин), Санкт-Петербургской (55 мужчин и 67 женщин) и столичного Санкт-Петербурга (49 мужчин и 64 женщины), Смоленской (63 мужчины и 61 женщина), Калужской (99 мужчин и 24 женщины) губерний. Далее располагались Ярославская, Орловская, Тверская и Тульская губернии. Высокая доля костромичей и нижегородцев в населении Могилева при небольшом числе женщин позволяет предположить, что именно выходцами из Костромской и Нижегородской губерний был укомплектован рядовой состав воинского контингента Александропольского и Ахалцыхского полков. Русские составляли весомую часть в учебно-воспитательной, культурно-просветительной, финансово-хозяйственной и судебной сферах[2].

Утверждение отдельных авторов (например, П. Терешковича) о том, что белорус, живший на рубеже XIX-XX веков, видел в русском прежде всего помещика, чиновника и военнослужащего[3], опровергаются переписью 1897 г. В отношении губернского Могилева оно верно лишь отчасти, да и то с очень существенными оговорками. Национальные различия между этническими группами близкородственных народов, связанных общностью социально-бытовых условий, особенно в рамках одной и той же социально-классовой среды, будут воплощаться скорее во взаимном субъективно-психологическом восприятии. Вводить его в теоретический оборот столь же бессмысленно, как рассуждать о количестве счастья или несчастья, приходящегося на душу русского или белоруса в каждый миг бытия. Губернский центр той поры находился под сильным влиянием еврейской и польской

1 Каспяровіч Г. І. Рускія на Беларусі (дэмаграфічны аспект).
2 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. С. 196-197.
3 Терешкович П. Русские в Беларуси. С. 171.

традиции. Поскольку евреи жили полузамкнутыми общинами — кагалами, еврейская традиция, предельно консервативная в отношении иных этносов, не претендовала на какие бы то ни было политические преференции и ограничивалась доминированием в экономической сфере. Иное дело — польская традиция, ассоциировавшая себя с частью традиции общеевропейской (западной католической) и имевшая определенное количество почитателей. Она оказалась в Могилеве очень живучей благодаря своей внешней привлекательности и дистанцированности от всего русского. Однако она также не могла рассчитывать на первенство в силу своей оппозиционности к русской национальной идее, хотя и стала к исходу XIX века более лояльной к власти. Тем не менее по части культуры польский традиционализм уступать не хотел, хотя медленно, но верно сдавал свои позиции. И это при том, что чисто польского населения, в смысле племенного различия со славяно-православным, в городе было очень немного, к «полякам» на основе языка и веры в 1897 г. отнесло себя 1329 человек, к выходцам из Привислинских губерний — 196 человек. Проще говоря, еврей мог ассоциироваться с торговцем, маклером и не очень порядочным человеком, а поляк или полонизированный белорус — с высокомерным типом, который всем своим видом дает понять, что может требовать больше, чем ему положено. В отношении же русских и белорусов такая ситуация не приводила да и не могла привести горожан к корреляции и закреплению за представителями этих этносов сословно-классовых и административно-профессиональных признаков. Если перевести этот довод на язык цифр, то выяснится, что численность белорусов — служащих губернской администрации, суда и полиции — составляла 342 человека (и 623 члена семей) и была даже несколько выше, чем русских — 334 человека (и 605 членов семей). В воинских подразделениях, размещенных в губернском центре, белорусов — младших чинов и офицеров — насчитывалось 506 человек (и 57 членов семей), что составляло более 1/3 воинского контингента от числа русских[1].

В 1917 г. статистический отдел Могилевской губернской земской управы во время Первой мировой войны провел выборочную городскую перепись. Ее материалы хранятся в Государственном архиве Могилевской области и содержат интереснейшие факты о том, что в то время в Могилеве проживало 55951 жителей, из которых русскими назвались 12809 мужчин и 15478 женщин (всего 28287 человек), что составляло более половины населения города (50,6%)[2].

Особый интерес вызывает документ под названием «Состав населения по национальному признаку и состоянию в КПБ на 1 ноября 1924 г. (г. Могилев)», хранящийся в Архиве общественных объединений Могилевской области. Согласно массовому учету

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Том XXIII. С. 196-197.

[2] Терешкович П. Русские в Беларуси. С. 21.

населения, проведенному партийно-советским активом, население города составило к означенной дате 41625 человек и относило себя к следующим национальностям: белорусы — 8390, великороссы — 14525, евреи — 16742, поляки — 1312, литовцы — 245, латыши — 216, прочие — 195, при этом русские в общей массе составляли 34,9% жителей[1]. Столь значительные количественные расхождения также имеют свое объяснение — после провозглашения Литовско-Белорусской ССР в конце февраля 1919 г. Могилев выводился из состава этой республики и до марта 1924 г. входил в состав РСФСР, поэтому общее количество русских оставалось достаточно высоким, многие жители считали более приемлемым именоваться по названию страны проживания, опять же и те, и другие в различия по национальным особенностям не вникали.

ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОЙ ССР В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ 1919 г. МОГИЛЕВ ВЫВОДИЛСЯ ИЗ СОСТАВА ЭТОЙ РЕСПУБЛИКИ И ДО МАРТА 1924 Г. ВХОДИЛ В СОСТАВ РСФСР, ПОЭТОМУ ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО РУССКИХ ОСТАВАЛОСЬ ДОСТАТОЧНО ВЫСОКИМ, МНОГИЕ ЖИТЕЛИ СЧИТАЛИ БОЛЕЕ ПРИЕМЛЕМЫМ ИМЕНОВАТЬСЯ ПО НАЗВАНИЮ СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ

В 1926 г., когда по результатам первого укрупнения Могилев уже два года вновь развивался в составе БССР, была проведена Всесоюзная перепись населения, наиболее полная из всех довоенных переписей. На этот год в городе проживало 50063 человека, из них русских — 6706 человек, или 13,4% всех горожан[2]. Данные переписей 1897 и 1926 годов в части процентного отношения числа русских к общей численности населения Могилева практически сравнялись, зато теперь возобладала другая тенденция, искусственно поддерживаемая республиканской и местной властью и вызванная начавшейся и проводимой на государственном уровне политикой «коренизации» (белорусизации).

Результаты пробной переписи 1937 г. частично уничтожены, частично засекречены, на тот год в Могилеве проживало 85 тыс. жителей, но их национальный состав остается неизвестным. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. зафиксировала в Могилеве 99428 жителей, из них русских — 12499 человек, или 12,6% от общего числа горожан[3]. В процентном отношении ко всем жителям между переписями 1926 и 1939 гг. доля русского населения упала, поскольку покрывалась миграцией из деревни, но в абсолютных цифрах увеличилась более чем вдвое. Обращает на себя внимание высокий процент русских среди партийно-хозяйственного актива Могилева. Так, на 1 января 1941 г. Могилевская партийная организация КПБ включала в себя 2894 кандидата и члена партии,

---

1 Городская перепись 1917 г. Могилевская губерния. Статистический отдел Могилевской Губернской Земской управы. Ф. 1131. Л. 41.

2 Государственный архив общественных объединений Могилевской области. Ф. 6622. Оп. 1. Д. 272. С. 2-3, 7, 215.

3 Российский государственный архив экономики. Ф. № 1526. Оп. 336. Д. 995. Л. 258-259.

в том числе 607 русских (20,9%)[1]. Промышленное и культурное развитие города в годы первых пятилеток требовало большого числа квалифицированных специалистов в области текстильной промышленности, металлургии и машиностроения, которых в областном центре не хватало, что в свою очередь стимулировало и поощряло управляемую миграцию опытных кадров из РСФСР, прежде всего выпускников вузов и техникумов из промышленно развитых регионов. Появление в Могилеве дополнительного воинского контингента и воинских учреждений, вызванное усложнением международной обстановки на западных границах СССР, также способствовало увеличению числа русских в общей массе населения города.

Первая послевоенная Всесоюзная перепись населения СССР 1959 г. определила численность населения Могилева в 121712 человек. К русским из этого числа отнесли себя 18569 его жителей, или 15,3% населения. Русские прочно занимали второе место в городской национальной структуре, опережая евреев (6,3%), украинцев (2,6%) и поляков (0,5%)[2]. На увеличение, а затем и стабилизацию их процентного соотношения в населении города вновь повлияли миграционные процессы, вызванные последствиями войны и завершением восстановительного периода и обусловившие приток в город квалифицированных инженерно-технических и рабочих кадров, теперь уже в области химического производства, которое становилось определяющим в промышленной инфраструктуре Могилева.

Новая Всесоюзная перепись населения СССР 1970 г. установила общее количество населения Могилева в 202314 человек. Русские из них составляли 31362 человека (15,5%), больше, чем евреи — 8064 (4%), украинцы — 5229 (2,6%) и поляки — 817 (0,4%), в то время как в общей массе населения БССР русских было 0,7%[3]. Следующая Всесоюзная перепись населения 1979 г. установила численность городских жителей в 289708 человек. Русские вновь прочно обосновались на втором месте и составили 43514 человек (15%), опережая евреев — 7771 (2,7%), украинцев — 6988 (2,4%) и поляков — 1051 (0,3%).Наконец, последняя перепись, проведенная в СССР в 1989 г., зафиксировала следующую демографическую ситуацию: население Могилева достигло 356864 человека и по национальному признаку распределилось на: белорусов — 278992 (78,2%), русских — 56268 (15,7%), украинцев — 10323 (2,9%), евреев — 6670 (1,9%) и поляков — 1070 (0,3%)[4].

Распад Советского Союза сказался и на демографической статистике Могилева. Хотя в суверенной Республике Беларусь город вышел на третье место по количеству жителей, его население фактически перестало расти и согласно Республиканской

---

1 Там же. Ф. № 1526. Оп. 336. Д. 995. Л. 77-78 об.

2 Государственный архив общественных объединений Могилевской области.— Ф. 9. Оп. 3. Д. 18. С. 120-121.

3 Население Могилевской области: статистический сборник. С. 201.

4 Всесоюзная перепись населения СССР 1970 года. С. 37.

переписи населения 1999 г. остановилось на цифре 356457 человек, из которых русские составили 38455, или 10,8%[1]. Республиканская перепись 2009 г. дала общую численность населения Могилева в 358279 человек, в том числе русских в городе — 25601, или 7,1%[2]. Общая же доля русских в населении Беларуси за десятилетие с 1999 по 2009 гг. сократилась с 11,4% до 8,3%[3].

Конституция 15 марта 1994 года (в редакциях 1996 и 2004 годов) установила два государственных языка — русский и белорусский (статья 17)[4]. Таким образом, нельзя связывать уменьшение процентной численности русских в городе Могилеве с какими-то национальными, языковыми и пр. притеснениями. «Государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов», — гласит статья 14 часть 1 ныне действующей Конституции[5].

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА МОГИЛЕВА ПОКА ЕЩЕ НЕ СТАЛА ПРЕДМЕТОМ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ И ТРЕБУЕТ ПРОДОЛЖЕНИЯ ОБОБЩАЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Демографическая статистика Могилева пока еще не стала предметом всестороннего изучения и требует продолжения обобщающих исследований. Так, например, статистический материал не подтверждает тезис о численном преобладании русских среди чиновничьего сословия губернского Могилева, в равной степени как и об абсолютном доминировании их среди рядового состава и офицерства в воинских частях, размещенных в городе[6].

Аналогичный вывод может быть распространен и на 1920-1930 гг. «На наш взгляд, — указывает специально изучавший этот вопрос М. И. Старовойтов, — необходимо отказаться от стереотипа, что русские были только чиновниками»[7]. Следует отказаться и от другого схематического и ничем не подтвержденного образа русских, относящегося уже к послевоенному времени, и особенно к периоду «развитого социализма». Бытует представление, что в связи с масштабным промышленным строительством в Могилеве за русскими, прибывшими в город в качестве специалистов в области химического производства, закрепился приоритетный статус среди управленцев и инженерно-технических кадров среднего звена, тогда как белорусы — выходцы из деревни — представляли основной костяк рабочей силы. Исследования показали, что в целом по БССР уровень занятости русских в народном хозяйстве в 1979 г. составил: среди рабочих — 49,1%, служащих — 47,6%. Так что «в начальниках» русский не ходил

1 Население СССР: По данным переписи 1989 года. С. 120-121.
2 Население Могилевской области. Статистический сборник. С. 30.
3 Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Могилевская область. С. 8.
4 Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года.
5 Там же.
6 Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. С. 440.
7 Старовойтов М. И. Национальный состав и социокультурный облик населения Могилева (1920-1930 гг.). С. 355.

и «белой костью» себя не считал. При этом образовательный уровень русского населения на Беларуси был выше, чем в самой России, каждый второй русский занимался преимущественно умственным трудом. В 1987 г. на 10000 русских в БССР приходилось 33 доктора и 398 кандидатов наук[1].

Современное русское население Могилева представляют три основные группы. Первая — это потомки русских, которые поселились в городе с незапамятных времен и которые в культурно-бытовом отношении давно фактически слились с местными жителями, тем более что в условиях полиэтничности города их мало что разъединяло с коренным населением.

Ко второй группе можно причислить коренное русское население (старожилов), предки которых жили в Могилеве на протяжении нескольких поколений и сохранили память и родственные связи со своей исторической родиной. Эта группа всячески поддерживает контакты с Россией и живо интересуется всем происходящим в своем историческом отечестве. Ментальной устойчивостью эта часть русских была обязана объединенной общности признаков «советского народа», категорическим конституционным и партийно установленным запретом на какую бы то ни было дискриминацию по национальному и языковому признаку в интернациональном СССР, даже на бытовом уровне, и особенностью специфики содержания понятия культуры — «национальной по форме, социалистической по содержанию». Все эти установки, сформировавшиеся в советском прошлом, воспринимались его русскими носителями как сами собой разумеющиеся и были ими же перенесены в XXI век. Однако в советский период во всех анкетах, паспорте и иных документах присутствовала графа — «Национальность», что не коррелировало с пресловутым советским интернационализмом. Многие граждане скрывали свою истинную национальную принадлежность, опасаясь преследований по национальному признаку (поляки, евреи). Поэтому в быту в советское время была распространена фраза: «Бьют по лицу, а не по паспорту, запишись русским».

Третью, наиболее многочисленную группу русских в Могилеве представляют мигранты, которые прибыли в город не очень давно, в послевоенный период. Их появление связано со строительством в 50-60-е гг. XX в. в областном центре завода искусственного волокна им. В. В. Куйбышева (завод № 511) и крупнейшего на тот момент в Европе комбината синтетического волокна им. В. И. Ленина. Возведение и пуск этих «флагманов социалистической индустрии» требовали огромного количества специалистов — химиков и строителей разного профиля. Сооружение комбината было провозглашено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. По комсомольским путевкам и вузовским распределениям в Могилев попало большое количество этнических русских, особенно из числа выпускников институтов

[1] Каспяровіч Г. І. Рускія на Беларусі (дэмаграфічны аспект). С. 77-78.

и университетов Москвы, Ленинграда, Иванова, Кемерова, Красноярска, Курска. Эта группа ежегодно продолжала пополняться вплоть до распада СССР. Миграции способствовал сложившийся на государственном уровне курс на всестороннюю интернационализацию образа жизни трудовых и общественных коллективов, стирание классовых границ и этнокультурных различий. Окончательно сложившаяся в годы развитого социализма в Могилеве русско-советская культурная традиция делала процесс вживания мигрантов в городскую среду быстрым и безболезненным[1]. Что же касается белорусского социума в целом, бывшего большую часть XX века сельским по своей сущности, с характерными признаками психического склада аграрного сообщества, то и здесь трений не возникало. «Традиционное крестьянское общество,— приходит к выводу Ю. Борисенок,— в целом мирно уживалось с «москалями», и с евреями, и с поляками, а наступление цивилизации на пороге XX века привело к быстрому исчезновению наиболее архаичных представлений. В современном сознании белорусов, в том числе и на пограничье с Россией, описанные выше приметы практически не встречаются: политические, экономические и ментальные перемены были настолько глубоки и масштабны, что прежние традиции исчезли из народного ощущения мира»[2]. При этом отметим, что гораздо раньше, уже ко второй половине XIX века, в повседневной жизни губернского Могилева эти традиции и национальная архаика были начисто перемолоты городской средой, а в областном Могилеве никак о себе не напоминали.

С 1994 года этому во многом способствовала новая Конституция, которая, в отличие от многих конституций того периода на постсоветском пространстве, прямо отметила, что «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» (статья 22)[3].

Вместе с тем в результате снижения естественного прироста и почти полного прекращения миграции увеличение численности русских в Могилеве замедлилось, а за последние два десятилетия в связи с нарастанием депопуляционных тенденций и этнотрасформационных процессов прекратилось. Количество русских в Могилеве, как и в целом по республике, начало падать[4]. После распада СССР далеко не все русские положительно восприняли первые шаги нового правительства Республики Беларусь в области культуры, национальной и языковой политики, и, хотя большинство из них заняло выжидательную позицию, мало кто верил в декларируемое на самом высоком уровне сохранение их национальной идентичности. Русских настораживала откровенно русофобская

---

1 Старовойтов М. И. Национальный состав и социокультурный облик населения Могилева (1920-1930 гг.). С. 263.

2 Борисенок Ю. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре. С. 49.

3 Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года.

4 Рускія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.— Т. 6.— С. 144.

позиция деятелей Белорусского народного фронта, положительно воспринятая тогда значительной частью белорусской интеллигенции, пропагандирующая насильственное внедрение белорусского языка, пересмотр «русского вопроса» в общественной жизни и «русского фактора» в белорусской истории, ориентацию на западные ценности и прямое противопоставление «европейскости» белорусов русской «азиатчине».

В силу этих причин, за которыми неизбежно должна была последовать дискриминация по национальному и языковому признаку, как это произошло в соседней Прибалтике, многие русские вернулись в Российскую Федерацию. В дальнейшем, благодаря вмешательству государства, антирусские тенденции в белорусском обществе, не получив широкого распространения, стали стихать и притупляться, но полностью не исчезли и даже закрепились в сознании национально ориентированной и радикально настроенной незначительной части белорусов, особенно молодежи. Здесь крайне уместно еще раз сослаться на указанные статьи Конституции, которые не позволили Беларуси разорваться на западную и восточную (что неоднократно имело место ранее, особенно в критические историко-правовые моменты), это свидетельствует о мудрости и дальновидности политических руководителей, а также разработчиков Конституции и тех, кто ее принял.

Отток русского населения из Могилева продолжался и в дальнейшем, но теперь уже по другим обстоятельствам. Экономическая система, сложившаяся в России к началу XXI века, несмотря на все издержки, оказалась более либеральной и успешной, чем белорусская, которую Я. Корнаи назвал «имитационной бюрократической «рыночной» экономикой, где велико неадекватное принудительное вмешательство государства в становление рынка, что деформирует его»[1]. Российская экономическая модель, предлагающая более высокую оплату труда, уже сейчас на наших глазах оживила репатриацию наиболее мобильной и креативной части русского населения из Беларуси в Российскую Федерацию. Пока в Беларуси не отменят многочисленные административные ограничения и не снизят налоговую нагрузку, негосударственный капитал, во-первых, не сможет оказать существенного влияния на развитие всей экономики и, во-вторых, будет дальше игнорировать производственную сферу деятельности в пользу торгово-посреднических операций[2]. Львиная доля этих операций приходится на Россию.

Репатриационным тенденциям способствуют и обоснованные опасения некоторых категорий русского населения относительно смены внешнеполитических приоритетов Беларуси и постепенной переориентации на Запад. «Надо отдавать себе ясный отчет, — считает Т. Соловей, — Украина и Беларусь не могут бесконечно долго оставаться равноудаленными от двух

[1] Усоский В. Н. Белорусская экономика: переходный этап. С. 52.
[2] Андрос И. Современное белорусское предпринимательство. С. 24.

центров силы — Евросоюза и России. Они обречены примкнуть к одному из них. И этот выбор, похоже, определился: Киев и Минск дрейфуют, пусть с разной скоростью, в одном направлении — на Запад. Можно скрупулезно анализировать извилистое движение по этому пути и аргументы pro et contra, однако все их обилие сведется в конечном счете к одному решающему пункту: Евросоюз привлекателен социально, экономически и политически. Россия выглядит и действует отталкивающе»[1]. Уже сейчас молодая белорусская историография продолжает судорожные поиски национальной идеи, нередко на антироссийском поле. Пользуясь крайне низким уровнем читательской культуры на постсоветском пространстве, русофобские фантазии, облеченные в книги и статьи, предлагаются не для «внутреннего пользования», а адресуются именно российскому читателю для его «ознакомления» с «подлинной» историей соседних государств, свободной от «московоцентричной теории развития народов бывшей Российской империи». Фактически же речь идет о попытке навязать российской аудитории в Беларуси комплекс «вины» за «колониальный» период истории России и внести раздор в отношения между близкородственными народами[2].

Совокупность всех этих перечисленных факторов привела к тому, что на исходе XX века в миграционной структуре выбывших из Беларуси русские лидировали, их удельный вес составлял почти 50%. Почти девять из десяти русских переезжали на постоянное место жительства в Россию[3]. В структуре внешних миграционных процессов среди эмигрантов из числа национальных меньшинств в дальнее зарубежье русские преобладали[4]. Общее же количество русских в Могилеве, как уже сообщалось, сократилось с 10,8% в 1999 г. до 7,1% в 2009 г., и в общих цифрах потери выглядели достаточно заметными и повлекли за собой уменьшение численности с 38,4 тыс. до 25,6 тыс. человек.

Наряду с этим нельзя не отметить факторы, способствующие закреплению русских в национальной структуре областного центра в качестве второй по численности этнической группы. Гетеростереотипы (расхожие мнения о других этносах) в Могилеве выявлены в отношении наций, традиционно значимых для русского населения города. Среди славян это украинцы, белорусы, словаки, чехи, сербы, болгары. Все они воспринимаются как близкие русским в духовном и культурно-языковом плане. При этом нынешние отношения бывших соотечественников по СССР не менее 1/3 участников общественного опроса, проведенного автором, считают «отдаляющимися, но зависимыми от сильного соседа», подразумевая экономический аспект взаимодействия между Россией, Украиной и Беларусью. Антогонизма, страха, угрозы со стороны народов, диаспоры которых проживают в Могилеве и отличаются

1 Соловей Т. Беларусь и Украина: обретая новую идентичность. С. 19.
2 Ганин А. Странная история доктора Грицкевича. С. 105.
3 Русские в Беларуси. С. 17.
4 Шахотько Л. П. Специфика демографической ситуации в Республике Беларусь. С. 50.

от русских по духу, религиозной принадлежности, национальному характеру и темпераменту, респонденты не испытывают, что наблюдается и в самой России[1].

Нельзя пройти мимо еще одного очень важного момента. В условиях городской культуры Могилева модернизация (или индустриализация) хозяйственной жизни народов, его населяющих, явилась принципиально новой эпохой этнического бытия, когда прежняя природа этнокультурной действительности начала коренным образом изменяться. Новый этап, начало которого мы относим к рубежу XIX-XX столетий, характеризовался прежде всего тем, что из хозяйственной жизни по мере развертывания индустриализации все более интенсивно вытеснялись специфические у каждого доиндустриального этноса основания бытия. Это бытие теперь начинало базироваться на дифференцированной специализированной деятельности и обмене ее результатами в системе, в которой для этнической специфики производства в технико-технологическом аспекте уже не оставалось места. Поскольку русские составляли в Могилеве значительную часть наиболее мобильной социальной группы, которая шла во главе модернизационных процессов, и зачастую сами определяли эти процессы, то и их влияние на общегородскую среду, очень восприимчивую к таким модернизационным новациям, придавало этой этнической группе повышенную устойчивость, на которой впоследствии базировалась высокая адаптированность к среде обитания коренного населения. В этот период комплекс основных особенностей специализированной культуры адаптации в городской среде и необходимых для ее воспризводства связей (прежде всего языковых) служил главным критерием для сознания русской этнической общности (вне основного ареала ее проживания) и ее отличия от других подобных общностей, т.е. самосознания, выраженного в самоназвании этноса. При этом и сами культурные черты превращались для их носителей в очевидный «маркер» этнических особенностей, выполняли функцию этноконсолидирующей связи[2].

Для того, чтобы произошло совмещение белорусской государственной и русской этнической идентичностей, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании и доверии. В стране и в городе, где белорусы составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности этого большинства. Но такая тенденция приводит к тому, что белорусская идентичность обязана стать привлекательной для других народов Беларуси, соответствовать также и их интересам. Этническое белорусское и русское национальное самосознание совместимы и пересекаются в том случае, если то и другое находятся в пределах нормы. Нормальной этнической идентичностью следует считать ту, при которой образ своего народа воспринимается как

[1] Шестопал Е. Б. Этнические стереотипы русских. С. 65.
[2] Карлов В. В. Этносы и адаптация к среде обитания. С. 50-51.

положительный, отношение к его культуре, истории благоприятное (что не исключает критики определенных их сторон), имеет место естественный патриотизм (не переходящий в фаворитизм) и толерантные установки на общение с другими народами, людьми других национальностей, понимание их вклада в историю. Большая роль тут отводится белорусскому праву и законодательству. Они, на взгляд авторов, должным образом отражают тонкую грань культурного и национального, защищают этнические особенности русских и иных национальных меньшинств, проживающих в Беларуси и в городе Могилеве в частности. Примерами служат экономика и социальная сфера, образование, медицина и трудовая деятельность, где русские равны в своих правах с белорусами.

НОРМАЛЬНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ ТУ, ПРИ КОТОРОЙ ОБРАЗ СВОЕГО НАРОДА ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, ОТНОШЕНИЕ К ЕГО КУЛЬТУРЕ, ИСТОРИИ БЛАГОПРИЯТНОЕ (ЧТО НЕ ИСКЛЮЧАЕТ КРИТИКИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ИХ СТОРОН), ИМЕЕТ МЕСТО ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ (НЕ ПЕРЕХОДЯЩИЙ В ФАВОРИТИЗМ) И ТОЛЕРАНТНЫЕ УСТАНОВКИ НА ОБЩЕНИЕ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ, ЛЮДЬМИ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ПОНИМАНИЕ ИХ ВКЛАДА В ИСТОРИЮ

При нормальной этнической идентичности люди могут испытывать разную потребность в ассоциированности с этнической группой и иметь разный уровень консолидированности с ней. Это зависит как от типа личности (у каждого из нас разная потребность в сопричасности, сохранении связей с этнической группой и исторической родиной, различны чувства эмпатии, сопереживания), так и от ситуации (есть ли какая-то заинтересованность в этнической солидарности, страхи, потребность уйти от унификации). Но именно то, что люди открыты для общения с другими этническими группами, толерантны к ним, не создает препятствий для общебелорусской солидаризации. Уважение к своему народу, его культуре создает возможность для понимания подобных чувств у других. В свою очередь, признание права и интересов других есть фундамент мультикультурного общества в стране. Не этнический нигилизм и этнокультурная однородность, а интеграция на основе взаимодополняющих и совмещающихся ценностей, представляющих общие интересы. При такой модели общества каждый народ, этническая группа становятся заинтересованными в консолидированном государстве. Его преуспевание, стабильность, признание в мире представляют общеэтнические интересы, а общечеловеческие ценности — семья, дети, благополучие, справедливость и свободы — разделяются большинством. Именно такую ситуацию и фиксируют социологические исследования во всем мире — у значительной части населения этническая идентичность и общегосударственная совмещаются[1].

[1] Дробижева Л. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость. С. 225.

Цифры и стоящие за ними факты, на основе которых сделаны выводы и обобщения относительно динамики демографических процессов и структурных этнических изменений, как в общей демографической картине, так и в отношении русского населения Могилева, позволяют говорить о том, что позитивные и негативные факторы, влияющие на состояние русской этнической группы областного центра, находятся пока в относительном равновесии. Русские, несмотря на их численное и процентное уменьшение в составе населения города, остаются и, вероятно, еще долго будут оставаться второй по численности этнической группой жителей Могилева. В современных условиях они демонстрируют высокую степень адаптации в городской среде и в быту практически не имеют отличий от горожан-белорусов, хотя достаточно болезненно и в то же время снисходительно относятся к грубым и некорректным, в общей массе немногочисленным, инсинуациям отдельных личностей белорусского национализма.

Популярный в 90-е гг. прошлого века лозунг о «культурно-языковой ассимиляции русских в Беларуси» как необходимом условии государственного строительства, вполне серьезно выдвинутый наиболее рьяными представителями БНФ, не был воспринят русскими Могилева. При этом русские в областном центре были совсем не склонны иронизировать над незавершенностью национального генезиса на Беларуси, где смысловое наполнение понятия «белорускость» может быть расплывчатым и неясным даже для самих белорусов[1]. Как к данности, имеющей свое объяснение, и также без всяких насмешек, выраженных в скрытой форме, русские относятся и к тому, что белорусский языковой национализм, основой которого является особая языковая идентичность, в Могилеве потерпел полную неудачу. Добавим к этому, что подавляющее число русских владеет на бытовом уровне белорусским языком и считает знание основ национального языка и разговорной лексики если и не обязательным, то очень желательным. Не культивируют русские в себе, несмотря на огромный вклад в мировую науку и культуру, и никакой национальной исключительности. Являясь по словам Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Беларусь А. А. Сурикова «частью государствообразующей нации», русские и в третьем по численности населения городе Беларуси выступали заметной этнической группой, на протяжении последних столетий участвовавшей в становлении и развитии Могилева как административного, экономического и культурного центра. В этом качестве они могут себя считать одновременно, как и один из авторов, и русскими, и могилевчанами. Что же касается структурирования, как сейчас принято говорить, «большого пограничья»[2], включавшего и Могилев, на белорусском участке западного направления Российской империи и СССР в 1772-1945 гг., то и здесь русский элемент города сыграл свою роль, но это уже тема отдельной статьи.

[1] Шимов В. В. Изобретая нацию. С. 75.
[2] Борисенок Ю. А. Белорусские земли между Польшей и Россией... С. 158-159.

Список использованных источников

1. *Андрос, И. Современное белорусское предпринимательство / И. Андрос // Общество и экономика.— 2011.— № 6.— С. 14-28.*
2. *Борисенок, Ю.А. Белорусские земли между Польшей и Россией — от разделов Речи Посполитой до окончания Второй мировой войны (1772-1945 годы) / Ю. А. Борисенок // Новая и Новейшая история.— 2015.— № 5.— С. 148-159.*
3. *Борисенок, Ю. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре / Ю. Борисенок, В. Лобач.— Родина.— 2002.— № 7.— С. 46-49.*
4. *Всесоюзная перепись населения 1926 года / Центральное статистическое управление СССР.— М.: Издание ЦСУ СССР, 1928-1929.— Т. XIX — 316 с.*
5. *Всесоюзная перепись населения СССР 1970 года: сб. статей под ред. Г.М. Максимова.— М.: Статистика, 1976.— 286 с.*
6. *Ганин, А. Странная история доктора Грицкевича / А. Ганин // Родина.— 2011.— № 6.— С. 104-105.*
7. *Городская перепись 1917 г. Могилевская губерния. Статистический отдел Могилевской Губернской Земской управы // Государственный архив Могилевской области.— Ф. 1131.*
8. *Государственный архив общественных объединений Могилевской области.— Ф. 9. Оп. 3. Д. 18.*
9. *Государственный архив общественных объединений Могилевской области.— Ф. 6622. Оп. 1. Д. 272.*
10. *Дробижева, Л. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Л. Дробижева // Безопастность Евразии.— 2003.— № 2 (апрель — июнь).— С. 208-229.*
11. *Карлов, В.В. Этносы и адаптация к среде обитания / В.В. Карлов // Вестник Московского университета. Серия 8. История.— 2007.— № 2.— С. 44-67.*
12. *Каспяровіч, Г.І. Рускія на Беларусі (дэмаграфічны аспект) / Г.І. Каспяровіч // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі: Зборнік навуковых артыкулаў.— Мінск, 1997.— С. 67-81.*
13. *Конституция Республики Беларусь 15 марта 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.— 10-е изд., стер.— Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014.— 62 с.*
14. *Население Могилевской области: статистический сборник.— Могилев: Могилевское областное управление статистики, 2000.— 48 с.*
15. *Население СССР: По данным переписи 1989 года / Госкомстат СССР.— М.: Финансы и статистика,1990.— 45 с.*
16. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года: в 89 т.— СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства Внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого, 1899-1904.— Т. XXIII.Могилевская губерния.— 1903.— 300 с.*
17. *Перепись населения Республики Беларусь 2009 года.— Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009.— 15 с.*
18. *Перепись населения Республики Беларусь 2009 года. Могилевская область.— Мн.: Национальный статистический комитет, 2010.— 124 с.*
19. *Российский государственный архив экономики.— Ф. № 1526. Оп. 336. Д. 995.*
20. *Русские в Беларуси / сост. А.Н. Андреев.— Минск: Макбел, 2010.— 256 с.*
21. *Рускія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. Энцыкл; Рэдкал.:*

Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. — Мн.: БелЭн, 2001. — Т. 6. — Кн. 1. — С. 143-144.

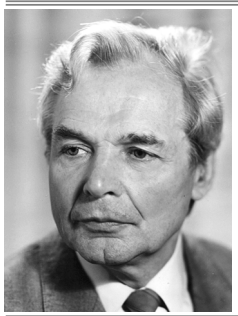
22. *Сидоренко, Б. И. Русская диаспора Могилева: опыт внешнеполитического взаимодействия Беларуси и России на рубеже XX-XXI веков / Б. И. Сидоренко // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX — начало XXI в.): материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 25-26 апреля 2013 г. / Вит. гос. ун-т.; редкол.: А. П. Косов (отв. ред.) и др. — Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. — С. 263-266.*
23. *Сидоренко, Б. И. Русские в Могилеве в свете данных демографической статистики конца XIX — начала XXI века / Б. И. Сидоренко, Д. Н. Петров // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: сб. науч. статей междунар. научно-практ. конф., посвященной 100-летию МГУ им. А. А. Кулешова. — Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2013. — С. 439-441.*
24. *Соловей, Т. Беларусь и Украина: обретая новую идентичность / Т. Соловей // Родина. — 2011. — № 11. — С. 16-19.*
25. *Старовойтов, М. И. Национальный состав и социокультурный облик населения Могилева (1920-1930 гг.) / М. И. Старовойтов // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 26-27 чэрвеня 2013 г. / уклад. А. М. Бацюкоу, І. А. Пушкін. — Магілёў: УА «МДУХ», 2013. — С. 351-357.*
26. *Терешкович, П. Русские в Беларуси / П. Терешкович // Неман. — 1992. — № 6. — С. 164-176.*
27. *Усоский, В. Н. Белорусская экономика: переходный этап / В. Н. Усоский // Современная Европа. — 2007. — № 1. — С. 51-63.*
28. *Шахотько, Л. П. Специфика демографической ситуации в Республике Беларусь / Л. П. Шахотько // Социс. — 2008. — № 2. — С. 47-55.*
29. *Шестопал, Е. Б. Этнические стереотипы русских / Е. Б. Шестопал, Г. О. Брицкий, М. В. Денисенко // Социс. — 1999. — № 4. — С. 62-70.*
30. *Шимов, В. В. Изобретая нацию / В. В. Шимов // Беларуская думка. — 2012. — № 7. — С. 67-75.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.03.2016.

УДК 340.12

Е. М. Бабосов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ СЛОЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРАВОВЕДЕНИЯ



Бабосов Евгений Михайлович *— академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор. Заслуженный деятель науки Республики Беларусь. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Заведующий отделом политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси. Автор более 800 научных работ, в том числе 34 монографий.*

В условиях пространственно-темпоральных изменений в современном обществе, в том числе и белорусском, резко ускорившихся и усложнившихся на протяжении последних пяти лет, перед обществоведческими науками возникают новые задачи и новые вызовы, которые требуют столь же новых, нестандартных решений. Такие решения, соответствующие новым вызовам стремительно и нелинейно развивающегося мира в XXI веке, могут быть поняты и реализованы на основе быстрого обновления знаний и эффективного управления ими. Стремительно и зачастую непредсказуемо изменяется совокупность современных знаний, представляющих собой сложную многокомпонентную, полиструктурную и динамично самосовершенствующуюся систему. Поэтому одним из наиболее предпочтительных вариантов, обеспечивающих эффективное управление знаниями, становится использование в таком управлении заимствованной из математики и модифицированной с учетом знаниевой специфики теории сложности.

Особенно актуальным становится такой именно управленческий ракурс в связи с тем, что в 20-х числах января 2016 г. на Давосском форуме политических лидеров, крупных предпринимателей и ученых было констатировано, что в современном мире,

как цунами, втягивающее все в свой круговорот, грядет четвертая промышленная революция. Если в центре третьей промышленной революции, начавшейся в середине XX века, находились электроника и информационные технологии, автоматизирующие производства, то четвертая промышленная революция, базируется, как подчеркивает швейцарский профессор, автор книги «Четвертая промышленная революция» Клаус Шваб, на комбинации знаний о физическом, цифровом, биологическом и социальном мирах. Поэтому она изменяет не только то, что делает человек, но и самого человека, его идентичность и все, что с ней связано. Она изменяет целые системы, в том числе и систему знаний, приводит к замене вертикально выстроенных систем управления (в том числе и знаниями) горизонтальными системами, к их оптимизации. Все это реформирует устоявшиеся технологические и производственные цепочки и вызывает к жизни новую аналитику и синтетическое мировосприятие, в центре которого окажется человек, созидающий новые, все более сложные и мощные технологии практического преобразования мира, основанные на управлении комбинированием и применением знаний. В Беларуси ныне имеется все необходимое, чтобы занять достойное место в развитии четвертой промышленной революции: хорошо образованный человеческий капитал, выгодное географическое положение в центре Европы, высокий транзитный капитал, четко выверенная и эффективно действующая система управления.

В БЕЛАРУСИ НЫНЕ ИМЕЕТСЯ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ, ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ДОСТОЙНОЕ МЕСТО В РАЗВИТИИ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ХОРОШО ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, ВЫГОДНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ, ВЫСОКИЙ ТРАНЗИТНЫЙ КАПИТАЛ, ЧЕТКО ВЫВЕРЕННАЯ И ЭФФЕКТИВНО ДЕЙСТВУЮЩАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Возникает вопрос: как все это соединить с методологическими основаниями теории сложности?

Для ответа на этот вопрос отметим следующее. В многоаспектных вариантах математически истолкованной теории сложности широко используются теория чисел, комбинаторика, теория алгоритмов, аксиоматическая теория множеств, теория вероятностей, теория многомерных пространств, теория динамических систем, исследование операций, каузальных нелинейных систем и др. В одном ряду с ними находят крупномасштабное применение ставшие общенаучными общая теория систем, разработанная Людвигом фон Берталанфи; установленные Норбертом Винером принципы кибернетики — науки об управлении в сложных системах; теория системной динамики Джея Форрестора; теория взаимодействия хаоса и порядка, странных атракторов, бифуркаций и фракталов авторства Ильи Пригожина, а также концепция коэволюции биосферы и социальных систем академика Никиты Николаевича Моисеева. В этом же ряду находится и сформулированный профессором Стивеном Хокингом

антропный принцип, согласно которому с самого начального момента зарождения Вселенной создаются предпосылки и условия формирования и развития человека.

Если обобщить разнородное и разноречивое множество упомянутых теоретических доктрин, то можно прийти к выводу, что в теории сложности основным теоретико-методологическим каркасом являются шесть взаимосвязанных позиций: 1) чувствительность к первоначальным условиям возникновения и развития системы; 2) самотождественность системы на всех этапах ее эволюции; 3) саморазвитие и самовоспроизводство системы; 4) самоорганизация системы; 5) постоянное взаимодействие системы с окружающей средой, в процессе развертывания которого непредсказуемый хаос превращается в более или менее стабильный системный порядок; 6) в становлении и развитии Вселенной от первоначального «большого взрыва» и до настоящего времени действует антропный принцип, приводящий к формированию и развитию мыслящего и преобразующего окружающий мир человека.

СЛОЖНАЯ СИСТЕМА — ЭТО МНОГОМЕРНЫЙ, ИЕРАРХИЧЕСКИ СТРУКТУРИРОВАННЫЙ И СЛОЖНООРГАНИЗОВАННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН, СОСТОЯЩИЙ ИЗ МНОЖЕСТВА ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЧАСТЕЙ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОТОРЫХ ПРИВОДЯТ К ТАКИМ КАЧЕСТВЕННЫМ СОСТОЯНИЯМ ДАННОЙ СИСТЕМЫ, КОТОРЫЕ ОТСУТСТВУЮТ НА ПОДСИСТМЕТНОМ УРОВНЕ И НЕ МОГУТ БЫТЬ ВЫВЕДЕНЫ ИЗ СВОЙСТВ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЕЕ КОМПОНЕНТОВ

В процессе перехода от конкретных проявлений сложности к их объяснению и истолкованию мы неизбежно придем к выводу, согласно которому важными атрибутами теоретического осмысления сложных явлений и процессов являются многозначность, рациональность, применение теоретико-вероятностных методов, построение сложных математических и имитационных моделей, доказательность и верифицируемость эксплицирующих их особенности теоретических конструкций.

С учетом изложенного можно концептуализировать рассматриваемое понятие. Оно гласит: *сложная система — это многомерный, иерархически структурированный и сложноорганизованный социальный феномен, состоящий из множества взаимообусловленных составляющих частей, взаимодействия которых приводят к таким качественным состояниям данной системы, которые отсутствуют на подсистметном уровне и не могут быть выведены из свойств составляющих ее компонентов.*

Характерная особенность сложной системы заключается в том, что совместимость элементов и их интегративное взаимодействие создают мощный резонансный эффект — силу, значительно превышающую сумму сил, производимых этими элементами по отдельности. Следовательно, важной отличительной чертой сложной системы является *эмерджентность* ее качественных состояний, являющаяся результатом взаимоусиливающего действия составляющих ее элементов и непрерывных процессов, в которые

она вовлечена. Это означает, что в процессе теоретического осмысления и экспликации сложных систем необходимо сфокусировать внимание не на действиях составляющих их частей, а на их взаимодействиях.

Такая ориентированность теории сложности в применении к социальным процессам, в том числе изучаемым комплексом правоведческих знаний, дает возможность выделить несколько ее наиболее существенных отличительных особенностей. Они состоят в следующем.

А) Выявленные множества субъектов взаимодействия в сложной системе;

Б) Определение множества разнообразных взаимодействий между ними;

В) Экспликация эмерджентности, т.е. несводимости качественных характеристик сложной системы к свойствам составляющих ее элементов;

Г) Осмысление открытости системы внутренним, идущим из нее самой, и внешним воздействиям;

Д) Истолкование адаптивности системы, т.е. способности ее структуры и функций приспосабливаться к различным внутренним и внешним влияниям;

Е) Исследование многомерности системы, предполагающее умение выделять дополняющие друг друга тенденции в разных, в том числе противоположных, явлениях и процессах и составлять на основе этого панорамное видение целостности изучаемого объекта, состоящей из интеграции казавшихся ранее несоединимых элементов;

Ж) Динамическое истолкование системы во всем многообразии ее движения, изменений, трансформаций;

З) Осмысление интегрированности сложной системы, ориентированное не столько на изучение индивидов, из которых она состоит, сколько на осуществление ими присущих им социальных статусов и ролей, типов поведения;

И) Приоритетность внимания к изучению человекомерности сложной системы, решающей роли человека как субъекта созидания и развития всех социальных систем.

Если мы учтем множество прямых и обратных связей и усиливающих друг друга взаимодействий девяти охарактеризованных компонентов сложной системы, то придем к неизбежному выводу, согласно которому такая система взаимодействует с окружающей ее внешней средой не только в пределах целесообразного или приспособленческого поведения, но и по всем возможным многообразным направлениям жизнедеятельности человека, составляющего сущностное ядро данной системы, в окружающей его объективной реальности. Следовательно, правильно понять и теоретически эксплицировать сложную систему можно только в том случае, если мы представим в качестве ее системообразующего стержня большое число человековзаимосвязанных и динамически развивающихся элементов.

Применение теории сложности в правоведческих дисциплинах имеет несколько наиболее актуальных направлений. Первое из них связано с применением данной теории к четкому пониманию и истолкованию самой сущности системы права. В связи с этим напомню, что крупнейший российский специалист в области криминологии, уголовного права и социологии права академик В. Н. Кудрявцев обоснованно утверждал: «Если рассматривать право как сложную систему, то можно обнаружить, что связи и отношения между элементами этой системы гораздо прочнее, жестче, определеннее, чем между элементами других социальных систем»[1].

В самом деле, правовая система — это сложная, динамично развивающаяся, многокомпонентная, иерархически структурированная и полифункциональная социальная система. Она складывается из множества взаимообусловленных комплексов, между которыми существуют разнообразные прямые и обратные связи. Сложность и многокачественность ее компонентов обусловлена тем, что, с одной стороны, она обладает характерными особенностями объективно функционирующего общественного явления, существующего независимо от сознания и воли всех конкретных личностей, которые действуют в соответствии с правовыми установлениями.

Но одновременно, с другой стороны, система права — продукт творчества людей, и поэтому она всегда несет в себе элементы субъектности (хуже, если это элементы субъективности). Трудность не только познания права, но, прежде всего, конструирования его содержания и его преподавания в правоведческих высших учебных заведениях в том и заключается, чтобы правильно соотносить объективное и субъективное, принимая во внимание, что главным субъектом, творцом права и одновременно его объектом является человек. Напомню, что еще Гегель в своей знаменитой «Философии права» утверждал: «Личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому *формального права*. Отсюда веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц»[2].

ТРУДНОСТЬ НЕ ТОЛЬКО ПОЗНАНИЯ ПРАВА, НО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕГО СОДЕРЖАНИЯ И ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ В ПРАВОВЕДЧЕСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В ТОМ И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ, ЧТОБЫ ПРАВИЛЬНО СООТНОСИТЬ ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ, ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ, ЧТО ГЛАВНЫМ СУБЪЕКТОМ, ТВОРЦОМ ПРАВА И ОДНОВРЕМЕННО ЕГО ОБЪЕКТОМ ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕЛОВЕК

Теория права раскрывает его содержание не столько в провозглашаемых нормах, сколько в поведении, взаимодействиях и отношениях между людьми, возникающих в процессе реализации ими правовых норм. При таком подходе право не сводится только к нормативной трактовке принципов и

1 Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. С. 17.
2 Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 98.

норм, а понимается как объективно развивающаяся социальная система социального порядка, зависящая не только от государства и его институтов, но также от уровня и состояния экономики, политики, образования, культуры и морали, а также от активности и компетентности носителей правоотношений и правоприменения в этом обществе.

Еще одним важным элементом сложности системы права является ее трактовка как относительно суверенной, испытывающей сильное влияние государства, всех существующих в стране общественных отношений, но обладающей относительной самостоятельностью, что отражено в принципе разделения властей. Наиболее всеобъемлющей и полной характеристикой сложности права как объективного феномена является его структурная архитектоника. Она дифференцируется по двум взаимосвязанным основаниям.

ВАЖНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ СЛОЖНОСТИ СИСТЕМЫ ПРАВА ЯВЛЯЕТСЯ ЕЕ ТРАКТОВКА КАК ОТНОСИТЕЛЬНО СУВЕРЕННОЙ, ИСПЫТЫВАЮЩЕЙ СИЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВА, ВСЕХ СУЩЕСТВУЮЩИХ В СТРАНЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, НО ОБЛАДАЮЩЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Если руководствоваться первым критерием структурирования права, следует выделить следующие его структурные элементы:

1) совокупность юридических норм;

2) обязательность соблюдения всеми гражданами;

3) четкая определенность содержания правовых норм;

4) всеобщая необходимость исполнения, а в случае уклонения от этого — применение санкций и принуждения;

5) наличие в праве аксиологической ориентированности, т.е. ценностных ориентаций и предпочтений;

6) нормы права составляют конституционно-правовой базис правовой культуры человека, социальных групп и общностей;

7) право воплощает в себе возведенную в закон волю государства и охраняется им.

Второй ярус структурации права как сложной системы образует совокупность его видов и отраслей: конституционное право, гражданское право, хозяйственное право, административное право и др. Скажем, конституционное право есть система правовых норм, закрепляющих общественные отношения, определяющие организационное и функциональное единство общества, основные принципы и установления его конституционного строя, основы правового статуса человека и гражданина, систему государственной власти и местного самоуправления. В отличие от других отраслей права, которые функционируют в какой-то конкретной, определенной области общественной жизни, конституционное право регулирует общественные отношения *во всех* действующих в обществе правовых установлениях.

Наиболее отчетливые грани актуальности в последние пять лет приобрело применение теории сложности к сфере международного права. Это объясняется тем, что существует теснейшая взаимосвязь

между мировым устройством и международным правом, которым должны руководствоваться участники международных отношений. Структурная архитектоника международного права включает в себя шесть взаимосвязанных основных компонентов:

а) субъекты юридического действия;

б) объекты правового регулирования;

в) процесс создания нормативно-правовых регуляторов правосоотносительного поведения людей;

г) способы принуждения, обеспечивающие соблюдение правопорядка[1].

Если мы примем во внимание структурную архитектонику системы международного права в единстве с многообразием выполняемых ею посредством международных договоров правовых функций, то, во-первых, выявится отчетливая взаимосвязь международного права и мирового правопорядка. Во-вторых, более рельефно проявится нарастающая в последнее время сложность и напряженность в мировой системе безопасности, в которой отнюдь не всегда торжествует принцип справедливости. Об этом в последнее время неоднократно высказывали свои тревожные суждения многие авторитетные политики и ученые.

Видный американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международной политики Генри Киссинджер в недавно опубликованной книге «Мировой порядок» подчеркивает, что устраивающий всех порядок в мире «не может быть навязан. В особенности это верно в эпоху мгновенной коммуникации и революционных политических перемен. Любой мировой порядок, чтобы оказаться жизнеспособным, должен восприниматься как справедливый — не только лидерами, но и простыми гражданами. Он должен отражать две истины: порядок без свободы, даже одобряемый поначалу, в порыве экзальтации, в конечном счете порождает собственную противоположность; однако свобода не может быть обеспечена и закреплена без «каркаса» порядка, призванного помочь сохранить мир»[2]. Вполне справедливое высказывание, однако у их автора, состоящего на службе у господствующих политических, финансовых и военно-промышленных кланов, они превращаются, видимо, против его воли, в прекрасную декларацию, фактически расходящуюся с практической деятельностью правящей элиты США и их натовских союзников. Ведь они своими действиями продолжают углублять кризис глобальной безопасности и не спешат соглашаться с мироспасительными позициями и предложениями России, Беларуси, Китая, объеденинения БРИКС и других государств по обеспечению действительно человекоориентированного мироустройства.

Противоборствующие друг с другом, эти две тенденции приводят к разработке и конкуренции двух различных моделей

---

1 3 Международное право. С. 36-42.

2 4 Киссинджер Г. Мировой порядок. С. 20.

современного мироустройства. Основные особенности пропагандируемой американскими аналитическими центрами глобальной системы мироустройства находят отчетливое воплощение в утвержденной президентом Б. Обамой в феврале 2015 г. Стратегии национальной безопасности США, в которой крупномасштабное укрепление военно-политических сил блока НАТО и его продвижения на Восток характеризуются как «центральный узел расширяющейся сети глобальной безопасности», который должен «обеспечивать готовность и способность альянса к кризисному реагированию и коллективным действиям... в интересах трансатлантической безопасности»[1].

Основные положения этого документа получили конкретизацию в принятой в июне 2015 г. новой редакции «Национальной военной стратегии США». В ней подчеркивается, что американские вооруженные силы «должны быть готовы к проведению операций в любом регионе мира». Основными задачами военной стратегии США называются: «сохранение мирового порядка... при лидирующей роли США», «присутствие американских вооруженных сил в ключевых географических точках мира», «борьба с оружием массового поражения на максимальном удалении от территории Соединенных Штатов», необходимость «проецировать военную силу в глобальном масштабе» и обеспечивать «противодействие космическим, кибернетическим и гибридным угрозам» и обязательное «наличие хорошо подготовленных киберсил».

Главная отличительная черта отстаиваемой американскими военно-аналитическими кругами модели состоит в том, что она конструируется по принципу вертикального осуществления и столь же вертикального управления глобализационными процессами, управляемыми из одного центра, ядром которого являются США. Эта модель находит воплощение в концепциях «однополярного мира» и «золотого миллиарда». Исходное звено этой жесткоцентрированной иерархической модели составляет одномерный мир, лидирующей и регулирующей вершиной которого являются США, представляющие себя в виде сверхдержавы, выполняющей роль «мирового полицейского».

Внимательное рассмотрение данной модели мироустройства убеждает в том, что она грешит большим количеством изъянов и в самой своей сущности запрограммирована на перманентные кризисы и крупномасштабные международные конфликты. Чтобы представить всемирный размах этой угрожающей миру деятельности, достаточно сказать, что в 2016 году из всей огромной суммы средств, расходуемой на военные цели всеми государствами, США затрачивают 36%, или 596 миллиардов долларов (для сопоставления укажем, что для этих целей Россия тратит 66,4 миллиарда долларов).

Реализация данной модели требует внимательного отслеживания действий, предпринимаемых США в условиях кризиса

[1] National Security Strategy. February, 2015. P. 25.

системы международной безопасности, особенно на примыкающих к границам России и Беларуси территориях. Обратив на это самое серьезное внимание, Президент России В. В. Путин в октябре 2015 г. в своем выступлении на заседании Волдайского дискуссионного клуба, посвященном проблемам войны и мира, отметил конкуренцию различных моделей мироустройства, подчеркнув при этом: «попытки любыми средствами продвигать модель одностороннего доминирования... привели к разбалансировке систем международного права и глобального регулирования, а значит, есть угроза, что конкуренция — политическая, экономическая, военная — может стать неуправляемой». Он также обратил внимание на то, что в последнее время «военная терминология звучит практически во всех сферах жизни; в средствах массовой информации широко применяются такие штампы, как торговые, санкционные, информационные, психологические, кибернетические, конфессиональные, штрафовательные войны. В этом кроется серьезная угроза формирования в общественном мнении различных стран привыкания примирительного отношения к войне». Все эти угрозы тщательно проанализированы в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной президентом В. В. Путиным в конце декабря 2014 г. В ней выделено четырнадцать угроз безопасности страны и союзных с ней государств, прежде всего, Беларуси, среди которых в качестве наиболее существенных рассматриваются наращивание иностранных военных контингентов на территориях сопредельных государств, развертывание системы стратегической противоракетной обороны, подрывающей глобальную стабильность сложившегося соотношения сил в ракетно-ядерной сфере, растущая угроза глобального терроризма и его новых проявлений.

В 20-х числах января 2016 г. Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко утверждена, а в начале апреля 2016 г. получила законодательное оформление на сессии Парламента новая Военная доктрина нашей страны. Главная задача этой доктрины видится в том, чтобы обеспечить социально-политическую стабильность внутри страны и не допустить здесь любой дестабилизации, особенно в преддверии парламентских выборов с учетом того, что в последнее время по соседству с Беларусью сложилось несколько неблагоприятных тенденций, содержащих в себе угрозы обеспечению ее безопасности. Это, прежде всего, наращивание силового потенциала НАТО и приближение его военной инфраструктуры к границам Беларуси, что отчетливо просматривается в размещении американских вооруженных формирований в соседних Украине, Польше и странах Балтии. Во-вторых, угрозу представляет возрастание по масштабам и интенсивности использования странами НАТО информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях, ориентированных на дестабилизацию экономической и политической ситуации в нашей стране.

Такие события на мировой арене остро актуализировали необходимость разработки и реализации новой Военной доктрины

Республики Беларусь. Ее основные структурные компоненты таковы:

1. Безопасность личности.
2. Политическая безопасность.
3. Научно-техническая безопасность.
4. Экономическая безопасность.
5. Демографическая безопасность.
6. Миграционная безопасность.
7. Экологическая безопасность.
8. Социальная безопасность.
9. Информационная безопасность.
10. Военная безопасность.
11. Террористическая безопасность.
12. Экстремистская безопасность.
13. Территориальная оборона.

Следует обратить особое внимание на два последних пункта.

Первое. В функционирующей в Беларуси системе нормативно-правовых актов, в частности, в Уголовном кодексе, как отмечалось на завершившейся в начале апреля сего года сессии Парламента, не содержится ни одной нормы, предусматривающей ответственность за экстремизм. В итоге в настоящее время организация может быть признана экстремистской, только если она официально зарегистрирована в качестве таковой. Но ведь наибольшую угрозу представляют незарегистрированные экстремистские формирования. В связи с этим необходимо выработать четкое нормативно-правовое определение, что же такое экстремизм как социально опасное противозаконное явление, а затем ввести в действие уголовную ответственность за создание и финансирование любых объединений граждан, в чьей деятельности наличествует экстремизм. Необходимо также расширить административную ответственность за распространение информационных материалов, призывающих к экстремизму.

Второе. В архитектонике национальной безопасности в Беларуси имеется одна существенная особенность, отличающая ее от Военной доктрины Российской Федерации, обусловленная опытом трагических первых месяцев Великой Отечественной войны и тем обстоятельством, что на юге, западе и северо-западе в сопредельных с Республикой Беларусь странах функционируют политические режимы, солидарные с НАТОвскими геополитическими военно-техническими устремлениями. Поэтому в Беларуси реализуется концепция организации боеспособной и боеготовой территориальной обороны, в соответствии с которой в случае угрозы вооруженного вторжения противника воинские подразделения, дислоцированные на территории той или иной области, переходят под управление, осуществляемое губернатором данной области, и организуется круговая территориальная и активная оборона.

Разумеется, применение теории сложности в ее модифицированном варианте имеет существенное значение не только для совершенствования международного или конституционного права, но и для всех остальных отраслей правоведческих знаний. Но при

этом необходимо иметь в виду, что многомерная, полиструктурная и многофункциональная система права может успешно развиваться и эффективно использоваться в разнообразных ситуациях правоприменения только тогда, когда во всех сферах этой деятельности, в том числе и в высшем образовании правоведческого профиля, будет неизменно и неотвратимо господствовать закон — нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в правосоотнесенном установленном порядке и реализуемый в интересах человека, обеспечения его прав и свобод. В правотворческой, правоприменительной и правовоспитательной деятельности стратегически важным направлением в условиях стремительного развития общества знаний становится формирование правовой культуры личности, прежде всего у учащихся и студенческой молодежи. Правовая культура включает в себя несколько взаимосвязанных компонентов.

1) Стремление и готовность неукоснительно соблюдать установленные законом обязанности и запреты во всех сферах жизнедеятельности.

2) Понимание необходимости выполнять правовые предписания, ориентированные на защиту интересов гражданина, государства и общества.

3) Готовность претворять в жизнь регламентируемые правовыми установлениями обязанности по обеспечению безопасности Отечества, поддерживать существующий в стране правопорядок и предотвращать любые противоправные деяния.

4) Осуждающее и непримиримое отношение к противоправному поведению. В первую очередь его необходимо формировать у молодежи.

5) Четко выраженные стремления правомерными способами удовлетворять интересы, потребности, ценностные ориентации в сферах материального благосостояния, социокультурного развития межличностного взаимодействия, развлечения и досуга. Формировать правовую культуру личности — в первую очередь задача работников правоохранительных органов. Важная роль в этом процессе принадлежит также учреждениям образования, среди них — активнодействующее учреждение образования «БИП–Институт правоведения».

Список использованных источников

1. *Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1999. — 524 с.*
2. *Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 512 с.*
3. *Кудрявцев, В. Н. Закон, поступок, ответственность / В. Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 1986. — 448 с.*
4. *Международное право: учебник / Б. М. Ашавский [и др.]; под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. — 3-е изд., испр. — М.: Омега-Л, 2008. — 832 с.*
5. *National Security Strategy. February, 2015: Seal of the President of the United States. — Washington. DC, 2015. — 29 p.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 19.04.2016.

УДК 340:378

М. И. Пастухов,
Д. М. Пастухова

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В БОЛОНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Пастухов Михаил Иванович *— доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права, заслуженный юрист Республики Беларусь. Сфера научных интересов — конституционное право, европейское право, судоустройство.*

Пастухова Дарья Михайловна *— преподаватель кафедры теории и истории права. Сфера научных интересов — конституционное право, европейское право, история политических и правовых учений.*

14 мая 2015 г. на конференции министров образования стран-участников Единого пространства высшего образования (ЕПВО) в Ереване Республика Беларусь была принята в Болонский процесс. По словам министра образования Беларуси Михаила Журавкова, это стало подтверждением высокого уровня развития национальной модели образования. Так, в Беларуси сегодня учится около 400 тыс. студентов, что обеспечивает нашей стране четвертое место в мире по количеству вузовской молодежи на тысячу населения (после Южной Кореи, США и России)[1].

[1] Болонский процесс пошел.

Болонский процесс: общие сведения

Болонский процессом принято трактовать как процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы. Название этот процесс получил по месту подписания министрами образования 29 европейских стран Декларации «Европейское пространство высшего образования» в итальянском городе Болонья 19 июня 1999 года[1].

В настоящее время в Болонском процессе участвует 48 стран. Россия присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., Украина — в 2005 г., Казахстан — в 2010 г., Беларусь — в 2015 г.

По оценкам российских экспертов в сфере образования, пока процесс интеграции российской системы образования в Болонский процесс идет сложно. Так, согласно данным мониторинга российских вузов, только в четверти вузов из сотни исследованных реализуется лишь 1-2 направления Болонского процесса, в третьей части вузов реализуется 3-4 направления и только в 17% вузов — 5-6 направлений. Судя по объективным и декларируемым самими вузами показателям, состояние Болонского процесса в России следует признать начальным и вялотекущим[2].

Цели Болонского процесса

В качестве основных целей Болонского процесса в Декларации 1999 года называются: расширение доступа к высшему образованию, дальнейшее повышение его качества, расширение мобильности студентов и преподавателей, а также обеспечение успешного трудоустройства выпускников вузов.

Для реализации поставленных целей в рамках европейской системы высшего образования предлагается осуществить ряд мер и следовать им в ходе образовательной политики: 1) принять систему сопоставимых степеней для обеспечения возможности трудоустройства выпускников вузов; 2) ввести двухуровневое высшее образование (базовое и специализированное); 3) внедрить систему зачетных баллов трудоемкости обучения (так называемую систему кредитов); 4) развивать мобильность студентов и преподавателей в европейском регионе; 5) обеспечить качество обучения путем разработки сопоставимых критериев и методологий; 6) содействовать передовым взглядам в сфере высшего образования, в том числе в области развития учебных планов, практической подготовки и проведения научных исследований.

Одним из приоритетов высшего образования является возможность трудоустройства выпускника. Для подтверждения квалификации выдается приложение к диплому установленной формы на языке страны базового вуза. Такие меры должны обеспечить востребованность выпускников на европейском рынке труда и международную конкурентоспособность европейского высшего образования.

---

1 Болонский процесс.

2 Кастусева-Жан Т. В. Россия в Болонском процессе. С. 5.

Двухуровневая система высшего образования призвана дать университетские знания, а также обеспечить специализацию выпускников. Первый уровень (цикл) должен длиться не менее трех лет и привести к получению диплома бакалавра. Второй уровень — не менее двух лет — к получению диплома магистра. Последипломное образование осуществляется также в докторантуре, что дает возможность получить ученую степень доктора наук.

Европейская кредитно-трансфертная система (далее — ECTS) позволяет определить количество освоенных знаний, навыков и умений, включая сдачу промежуточных экзаменов и другие виды учебной работы. Так, для получения европейского диплома бакалавра требуется получить 180-240 часов кредитов, для степени магистра — дополнительно 60-120 часов.

Система кредитов позволяет студентам учиться в вузах различных европейских стран в целях повышения мобильности. ECTS рассматривается как средство накопления знаний, как возможность адаптации к учебным программам, а также средство признания квалификаций в разных европейских странах. Такая система учета знаний позволяет принимать во внимание все достижения студента, в том числе его участие в научных исследованиях, конференциях, предметных олимпиадах. Благодаря накопительной системе знаний студент сможет поступить в университет одной страны, а окончить его в другой; сменить в процессе обучения университет или избранную специальность; закончить обучение на любом этапе, а также продолжить образование в удобный период жизни.

Одной из особенностей европейской системы высшего образования является мобильность студентов и преподавателей. Такое требование способствует изучению языков других стран, путешествиям по Европе, учебе в различных вузах и тем самым формирует всесторонне развитых молодых людей, которые осознают себя членами европейской семьи народов.

Академическая мобильность предполагает, что студент должен проучиться в зарубежном вузе семестр или учебный год. При этом он обучается бесплатно на языке страны пребывания или на английском языке. Однако студент должен сам оплачивать дорогу, проживание, питание, медицинские услуги. За время учебы студенту засчитываются полученные кредиты, если стажировка была согласована с деканатом.

С целью унификации стандартов высшего образования в европейских странах разработаны сходные учебные планы, программы, тренинги, научные исследования. Действует однотипная методология обучения. В частности, выделяются обязательные для изучения дисциплины с итоговым испытанием, а также имеются дисциплины по выбору студентов. Заранее определяются кредиты, которые студенты могут получить в ходе семестра (учебного года).

Развитие системы европейского образования осуществляется за счет межвузовского сотрудничества, широкого обмена преподавательским составом, проведения совместных научных исследований, внедрения новых форм обучения. Государства принимают меры к улучшению информационно-материальной базы для желающих продолжить обучение. В основе этой концепции лежит идея образования на протяжении жизни.

Правовые основы вхождения в Болонский процесс

На встрече министров образования европейских стран в Ереване 14-15 мая 2015 г., где Республика Беларусь была принята в Болонский процесс, обращалось внимание на необходимость увеличить финансирование на высшее образование, обеспечить качество образования и признать квалификации.

На этой встрече для Республики Беларусь была намечена «дорожная карта» по вхождению в Европейское пространство высшего образования (далее — ЕПВО). В рамках «дорожной карты» правительству Беларуси предлагается взять на себя следующие обязательства: 1) разработать в соответствии с Болонской моделью национальные рамки квалификаций (NQF); 2) к концу 2016 г. провести оценку законодательства в соответствии с европейскими стандартами и руководствами; 3) к концу 2017 г. обеспечить правовую основу для создания независимого агенства контроля качества в сфере образования; 4) к концу 2017 г. подготовить план обеспечения бесплатной выдачи Приложения к диплому (Diploma Supplemen) на распространенном языке (ином, чем русский).

Кроме того, предлагается разработать план обеспечения, развития и диверсионализации международной мобильности преподавателей и студентов, приезжающих в белорусские вузы, а также выезжающих из них. Этот план должен включать внесение изменений в действующую систему выдачи разрешений на поездки, чтобы продлить сроки пребывания преподавателей и студентов в странах ЕПВО без необходимости получать разрешение министерства.

В ПРОЦЕССЕ ВХОЖДЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ОТ БЕЛАРУСИ ТРЕБУЕТСЯ ОГРАНИЧИТЬ ПРАКТИКУ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ БЮДЖЕТНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИЯМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ В СТРАНЕ НАБЛЮДАЕТСЯ «СУЩЕСТВЕННЫЙ НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЙ СПРОС»

В процессе вхождения в Европейское пространство высшего образования от Беларуси требуется ограничить практику обязательного распределения выпускников бюджетной формы обучения профессиями, в отношении которых в стране наблюдается «существенный неудовлетворенный спрос».

К концу 2017 г. предлагается пересмотреть критерии предоставления финансовой помощи студентам с целью обеспечения социальной справедливости

независимо от пола, расы, цвета кожи, ограниченных возможностей, языка, религии, политических или иных взглядов, этнического или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного, сословного или иного положения.

На власти Беларуси возлагается обязательство предоставить необходимые данные для отчета о принятых мерах и назначить контактное лицо для подготовки отчета. От Совета министров Европейского пространства высшего образования будет назначена делегация в составе 1-3 человек для представительства и координации на протяжении всего периода работы[1].

Как видим, присоединение Республики Беларусь к Болонскому процессу требует осуществления в короткие сроки (1-2 года) большого объема работы, в том числе в сфере законодательства.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ К БОЛОНСКОМУ ПРОЦЕССУ ТРЕБУЕТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В КОРОТКИЕ СРОКИ (1-2 ГОДА) БОЛЬШОГО ОБЪЕМА РАБОТЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ В СФЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Некоторые проблемы в реализации Болонских стандартов

Одной из первоочередных задач, стоящих перед белорусским правительством в указанной сфере, является подготовка Национальной рамки квалификаций (НРК). На этот счет было принято постановление Совета Министров от 17 января 2014 г. № 34 «О некоторых вопросах развития национальной системы квалификаций Республики Беларусь»[2].

В соответствии с данным постановлением планируется провести в течение 2014 года апробирование новых элементов национальной системы квалификаций в пилотных секторах экономики, а именно: в сфере информационных технологий и в сфере управленческой деятельности. Уполномоченным субъектам (государственному учреждению «Администрация Парка высоких технологий» и Академии управления при Президенте Республики Беларусь) поручено создать секторальные советы квалификаций и разработать профессионально-квалификационные стандарты.

В других сферах деятельности национальные рамки квалификаций еще предстоит определить. Это объемная и кропотливая работа, связанная с определением уровня знаний, умений и навыков специалистов. Она требует системного подхода и должна осуществляться национальными экспертными центрами.

Еще одной проблемой, которую предстоит решить Беларуси в рамках Болонского процесса, является использование системы кредитов ECTS в качестве показателя количества и качества

[1] Дорожная карта по проведению Республикой Беларусь реформы системы высшего образования.

[2] О некоторых вопросах развития национальной системы квалификаций Республики Беларусь: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 34.

обучения. Кредиты применяются во всех странах ЕПВО и необходимы не только для получения дипломов об образовании, но и для обеспечения академической мобильности на европейском пространстве.

В белорусском образовательном законодательстве пока используется термин «зачетная единица». Этот термин был введен пунктом 3 статьи 205 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» в качестве числового способа выражения трудоемкости учебной работы студента[1].

Впоследствии термин «зачетная единица» стал широко использоваться при утверждении образовательных стандартов высшего образования. Так, в постановлении Министерства образования от 30 августа 2013 г. № 87 «Об утверждении, введении в действие образовательных стандартов высшего образования 1-й ступени» установлено, что одна зачетная единица соответствует 36-40 академическим часам. Сумма зачетных единиц при получении высшего образования в дневной форме должна быть равной 60 за один год обучения[2].

Следует признать, что по своему содержанию термин «зачетная единица» имеет сходство с понятием «кредит» как европейский стандарт «справедливого признания» компетенций студента в результате обучения («learning outcomes»). Однако это лишь интерпретация терминов Болонской системы образования с учетом национальных особенностей.

В законодательстве об образовании Республики Беларусь после вступления в Болонский процесс проводится обновление терминов. Так, высшее образование стало подразделяться на две составные части: «высшее образование 1-й ступени», которое завершается получением диплома специалиста-бакалавра, и «высшее образование 2-й ступени», итогом которого является получение магистерской степени.

Определенные сложности в реализации болонских стандартов может вызвать так называемая международная академическая мобильность. Она является ключевым элементом интернационализации высшего образования. Участниками мобильности являются как студенты, так и академический, и административный персонал ВУЗов.

По мнению известного специалиста в области образования, экспроректора Европейского гуманитарного университета В. А. Дунаева, «самае складанае для Беларусі — імплементацыя фундаментальных акадэмічных каштоўнасцяў, такіх, як акадэмічная свабода і ўніверсітэцкая аўтаномія. ... Экспертны камітэт, які павінен займацца рэалізацыяй дарожнай карты ў Беларусі, яшчэ ў стадыі афармлення»[3].

---

1 Кодекс Республики Беларусь «Об образовании».

2 «Об утверждении, введении в действие образовательных стандартов высшего образования 1-й ступени»: постановление Министерства образования Республики Беларусь от 30 августа 2013 г. № 87.

3 Дунаеў У. Наша сістэма адукацыі ніколі не была такой закрытай, як цяпер. С 5.

Заключение

Вступление Республики Беларусь в Болонский процесс открывает перед нашей страной новые перспективы, в том числе делает доступными для учебы лучшие университеты Европы. Однако это требует принятия ряда мер по трансформации национальной системы образования с учетом европейских стандартов, что неизбежно повлечет за собой ряд изменений в законодательстве об образовании.

Представляется, что в целях реализации «дорожной карты» следует при участии всех заинтересованных субъектов (стейкхолдеров) разработать Концепцию модернизации национальной системы образования и создать Координационный совет по реализации положений Болонской декларации в Республике Беларусь. Концепция подлежит утверждению на высшем уровне и должна стать основой для обновления законодательства Республики Беларусь.

На наш взгляд, белорусские вузы должны получить академическую автономию в организации учебного процесса и формировании органов управления. Кроме того, следует гарантировать академические свободы студентов и преподавателей, обеспечить финансовую поддержку органам студенческого самоуправления.

Список использованных источников

1. *Болонский процесс [Электронный ресурс] / Википедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki. – Дата доступа: 14.01.2016.*
2. *Дорожная карта по проведению Республикой Беларусь реформы системы высшего образования / Сайт Общественного Болонского комитета. — Режим доступа: http://bolognaby.org. — Дата доступа: 14.01.2016.*
3. *Дунаеў, У. Наша сістэма адукацыі ніколі не была такой закрытай, як цяпер / У. Дунаеў // Новы час. — 2015. — 11 снежня. — С 5.*
4. *Кастусева-Жан, Т. В. Россия в Болонском процессе / Кастусева-Жан // Вестник международных организаций. — 2007. — № 7. — С. 1-8.*
5. *Кодекс Республики Беларусь «Об образовании»: 17 января 2011 г., № 2/1795 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. — Минск, 2015.*
6. *Об утверждении, введении в действие образовательных стандартов высшего образования 1-й ступени: постановление Министерства образования Республики Беларусь, 30 августа 2013 г., № 87. — Режим доступа: http://kodeksy-by.com/norm_akt/source.*
7. *О некоторых вопросах развития национальной системы квалификаций Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 янв. 2014 г., № 34. — Режим доступа: http://zakonby.net/postanovlenie/65058-postanovlenie-soveta-ministrov-respubliki-belarus-ot-1701-2014-n-34. — Дата доступа: 14.01. 2016.*
8. *Пасияк, О. Болонский процесс пошел / О. Пасияк // Советская Белоруссия. — 2014. — 15 мая. — С 1.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 14.01.2016.

УДК 351.74:342.9

В. В. Коляго

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Коляго Виктор Витольдович *— кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь. Сфера научных интересов: административно-правовое регулирование профилактики правонарушений; проблемы административного процесса.*

Деятельность субъектов по реализации государственных функций, в том числе по профилактике правонарушений, подвергается оценке с точки зрения ее эффективности. В этой связи существенное практическое и теоретическое значение имеет научная разработка соответствующих критериев, позволяющих определить уровень эффективности данной деятельности на определенном этапе с целью своевременного выявления и устранения негативных факторов. Кроме этого, рассматриваемые критерии будут выступать в качестве ориентиров для исполнителей, оказывая влияние на результативность деятельности в определенном направлении. Данный подход позволит разработать стратегию и тактику деятельности, соответствующие управленческие решения, направленные на ее совершенствование; осуществлять контроль за их исполнением.

Основные исследования в рассматриваемой сфере проводились в советский период такими учеными, как А. Э. Жалинский, М. В. Костицкий, А. Х. Миндагулов, В. В. Головченко, В. А. Ананич и др[1].

[1] Жалинский А. Э., Костицкий М. В. Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация.
Миндагулов А. Х. Некоторые проблемы управления профилактической деятельностью органов внутренних дел.
Головченко В. В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения. Теоретические основы предупреждения преступности.
Ананич В. А. Условия эффективности общей профилактики преступлений, осуществляемой органами внутренних дел в крупном городе.

Однако в это время господствовала марксистско-ленинская идеология, наложившая отпечаток на все области научного знания, в том числе криминологию, административную деликтологию. Основным недостатком проводимых в то время исследований являлось признание главной причиной преступности пережитков капитализма в сознании общества и отдельных граждан, в связи с чем ученые полагали, что преступность отомрет сама собой по мере развития общества. По этой причине часть полученных результатов утратила свою актуальность применительно к общественным отношениям, складывающимся на современном этапе развития государства.

Проведенный анализ отечественных и зарубежных научных трудов, касающихся критериев эффективности профилактики уполномоченными субъектами правонарушений, выявил неразработанные проблемы, требующие проведения дальнейших изысканий.

Следует согласиться с мнением А. Э. Жалинского о том, что методологической основой для вычленения роли предупреждения правонарушений является системный подход. На его основе можно выяснить коррелятивные связи между изменениями эффективности отдельных предупредительных процессов. Системный подход позволяет также выяснить зависимость между отдельными целями предупреждения правонарушений, а следовательно, построить лестницу приближения эффективности предупреждения правонарушений к общему критерию[1]. На основании данного подхода причины и условия правонарушений, а также деятельность субъектов по их устранению и нейтрализации, необходимо рассматривать как взаимодействующие системы. Применение указанной методологической основы исследования позволит устанавливать причинно-следственные связи между критериями эффективности деятельности субъектов и конечной целью профилактики правонарушений.

Прежде всего следует определить содержание термина «эффективность», по поводу которого среди ученых нет единого подхода. Первоначально данная научная категория появилась в экономике, а позднее начала использоваться в юриспруденции. Как отмечал П. Хейне, «... эффективность неизбежно является оценочной категорией... всегда связана с отношением ценности результата к ценности затрат. Эффективность любого процесса может меняться с изменением оценок, а поскольку все зависит от всего, любое изменение в любом субъективном предпочтении в принципе может изменить эффективность любого процесса»[2]. С данной точкой зрения отчасти можно согласиться, однако следует отметить, что необходимо принимать все возможные меры, чтобы минимизировать субъективизм при определении критериев оценки профилактической деятельности. Они должны быть объективными и основанными не на мнении отдельного должностного лица, а на достоверных, научно обоснованных данных.

---

1 Теоретические основы предупреждения преступности. С. 251.
2 Хейне П. Экономический образ мышления. С. 170.

Часть ученых отмечает, что экономическое понимание эффективности невозможно полностью применять в юридической науке, в том числе по отношению к профилактике правонарушений, поскольку в данном случае практически невозможно оценить конечный результат, установив его соотношение с соответсвующими материальными затратами. В связи с этим представляет интерес общепринятое в юридической науке понятие эффективности как терминологического выражения действенности, результативности, способности обеспечить достижение цели, ожидаемого результата в правовых сферах. Следовательно, общими ключевыми категориями являются «цель» и «результат»[1]. Однако, на наш взгляд, при подготовке нормативных правовых актов в сфере профилактики правонарушений, планировании соответствующей деятельности следует учитывать также затраты сил, средств и времени, необходимые для достижения цели. Так, максимально сократить число преступлений, совершаемых в общественных местах, позволило бы значительное увеличение числа привлекаемых для охраны общественного порядка сотрудников органов внутренних дел, но это было бы экономически нецелесообразно. Более эффективно в данном случае увеличение числа систем видеонаблюдения, контролирующих состояние общественного порядка. Данное утверждение согласуется и с требованием законодательства о необходимости обязательного финансово-экономического обоснования проекта нормативного правового акта, вносимого в нормотворческий орган[2].

НА НАШ ВЗГЛЯД, ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПЛАНИРОВАНИИ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДУЕТ УЧИТЫВАТЬ ТАКЖЕ ЗАТРАТЫ СИЛ, СРЕДСТВ И ВРЕМЕНИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ

Необходимо согласиться с мнением ученых-юристов о том, что «правоприменение выступает одним из показателей эффективности права. Эффективность правовых норм может быть выяснена только при рассмотрении права в действии, а применение права является, как известно, одной из форм ее реализации и, следовательно, критерием полезности нормативных установлений, как, впрочем, и любая другая форма практической деятельности»[3]. Данный подход применим и к деятельности субъектов по профилактике правонарушений, являющейся социальной и осуществляемой в определенных целях. Пренебрежение установлением действенности правовых норм на стадии разработки проекта нормативного правового акта, с учетом особенностей регулируемых общественных отношений, в том числе в сфере профилактики правонарушений, экономической

[1] Головченко В. В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения. С. 15.
[2] О нормативных правовых актах Республики Беларусь. Ст. 50.
[3] Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов. С. 92.

и практической целесообразности, зачастую может повлечь принятие неэффективных либо малоэффективных законодательных установлений, трудно реализуемых либо не используемых правоприменителями, что в последующем влечет необходимость внесения в них множественных изменений и дополнений. В связи с этим эффективность деятельности по профилактике правонарушений оправданно рассматривать как соотношение между фактически достигнутым результатом и социальными целями, на достижение которых она была направлена, с минимально необходимыми затратами сил, средств и времени.

Как справедливо отмечает Головченко В. В., четкая определенность целей обеспечивает основу для решения ряда методологических проблем, служит исходным пунктом определения понятия эффективности, разработки ее научно обоснованных критериев и показателей. Анализ позволяет выделить тройственную иерархию целей в деятельности, направленной на формирование комплексных специфических качеств личности в правовой сфере жизнедеятельности: формирование системы правовых знаний (ближайшая цель); формирование правовой убежденности (промежуточная цель); формирование мотивов и привычки правомерного, социально активного поведения (конечная цель). Данная классификация позволяет учесть основные элементы правосознания — знание права, правовые эмоции, готовность к правомерному поведению[1].

Обоснованным считаем мнение ученого о необходимости рассматривать «правовую» эффективность в узком и широком смысле слова. В первом случае автор понимает соотношение между целью правового воспитания и его результатом, а во втором — способность реально, при наилучшем использовании воспитательных средств, в оптимальные сроки и с наименьшими издержками положительно воздействовать на усвоение гражданами правовых знаний, а также на их убеждения, мотивы и установки в соответствии с государственными потребностями[2].

Неслучайно в криминологической литературе анализ эффективности проводится в основном в количественном направлении путем выявления результативности, степени достижения целей. В этой связи часть авторов, например, под эффективностью координации профилактики преступлений понимают «степень выполнения координационными органами задач, поставленных перед соответствующей системой, закрепленных законами и другими нормативными актами, с определенными в данных условиях затратами»[3].

Таким образом, можно сделать вывод, что для объективной оценки какой-либо деятельности в законодательстве должны найти отражение ее цели и задачи. В соответствии с абзацем пятым

---

1 Головченко В. В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения. С. 25-26.

2 Головченко, В. В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения. С. 19, 23.

3 Быргэу М. М. Опыт системного исследования профилактики преступлений. Современное состояние проблемы. С. 110

части первой статьи 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 года «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» одной из основных задач органов внутренних дел является профилактика преступлений и административных правонарушений. В Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 года «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» определены цели индивидуальной профилактики правонарушений — недопущение совершения правонарушений гражданами. Целью общей профилактики правонарушений в соответствии с данной нормой является недопущение противоправного поведения граждан[1]. Цель профилактики правонарушений в рассматриваемом законе не закреплена. Данный пробел законодательства порождает проблемы, связанные с определением критериев эффективности реализации мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений. В этой связи считаем целесообразным внесение в последний законодательный акт изменений и дополнений, направленных на определение соответствующих целей профилактики правонарушений. Исходя из результатов ранее проведенных нами исследований, в качестве цели необходимо понимать удержание правонарушений на минимальном уровне[2].

В науке отсутствует единый подход к определению содержания термина «критерии эффективности». Придерживаемся мнения Атаманчука Г. В., полагающего, что критерии эффективности — признаки, грани, стороны проявления управления (управленческой системы), посредством анализа которых можно определять уровень и качество управления, его соответствие потребностям и интересам общества[3].

Особую сложность представляет проблема определения конкретных критериев эффективности деятельности субъектов по профилактике правонарушений. В связи с наличием множества факторов, влияющих на сокращение числа совершаемых преступлений и административных правонарушений, в большинстве случаев эффективность деятельности по их профилактике тяжело «измерить».

По данному поводу заслуживает внимания утверждение А. Х. Миндагулова, согласно которому научная организация предупреждения преступлений предполагает приведение практики борьбы с преступностью в соответствие с объективными условиями общественного развития. Чем точнее учтены объективные условия и тенденции, тем реальнее цели обнаружения подлинных причин правонарушений, шире возможности эффективного предупреждения преступлений. Профилактическая деятельность органов внутренних дел должна строиться на основе всестороннего анализа причинно-следственных связей и зависимостей различных явлений и процессов, характера взаимодействия социальных

---

1 Об основах деятельности по профилактике правонарушений. Ст. 1.

2 Коляго В. В. Административно-правовое регулирование профилактической деятельности милиции общественной безопасности. С. 43.

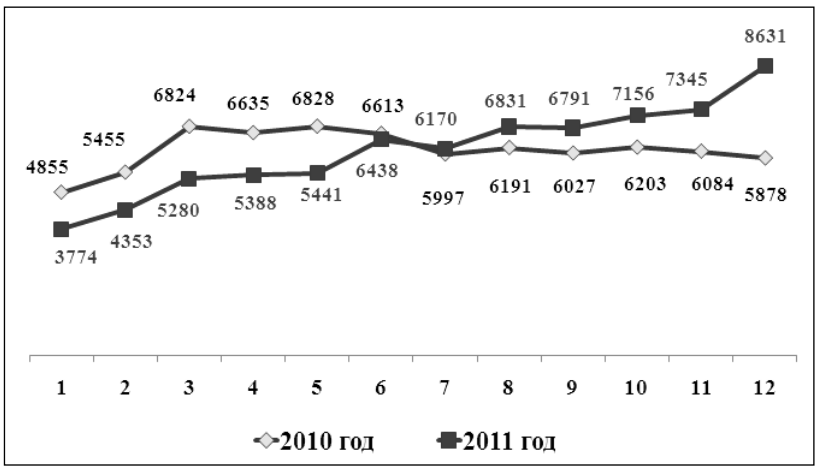
3 Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. С. 444.

факторов, условий и обстоятельств, в совокупности составляющих объективную реальность общественного развития[1]. Данной точки зрения следует придерживаться, разрабатывая критерии оценки деятельности субъектов по профилактике правонарушений. Схожую позицию занимает и Головченко В. В., который отмечает, что «конкретные цели правовоспитательной деятельности тесно связаны с удовлетворением экономических потребностей общества, а эффективность социальная, в свою очередь, создает благоприятные предпосылки для достижения высокого уровня эффективности экономической»[2].

Соглашаясь с вышеизложенными мнениями ученых, следует отметить, что правоохранительные органы могут воздействовать только на часть факторов, влияющих на преступность. В связи с этим, например, рассмотрение только динамики преступлений в качестве критерия эффективности профилактической деятельности будет не совсем верным. В качестве аргумента можно привести динамику роста регистрируемых в республике краж имущества, совпадающую со временем экономического кризиса.

График 1.

Количество краж, зарегистрированных в 2010 и 2011 годах (по месяцам).



В 2012 году в связи со стабилизацией экономической обстановки в республике наблюдалось снижение регистрируемых краж по сравнению с прошлым годом на 23,4%. Данный вид хищений является доминирующим в общей структуре преступности (за 2013 год составил 47,9%), в связи с чем его изменения существенно влияют на общее число зарегистрированных преступлений. Поэтому утверждение о том, что вышеуказанные негативные тенденции в оперативной обстановке связаны с ухудшением работы субъектов профилактики правонарушений, является несостоятельным.

---

1 Миндагулов А. Х. Некоторые проблемы управления профилактической деятельностью органов внутренних дел. С. 38.

2 Головченко В. В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения. С. 14.

Таким образом, в качестве критерия эффективности профилактической деятельности количественный показатель динамики преступлений учитываться может, но при условии, что отсутствуют существенные изменения основных факторов, оказывающих на них воздействие, в первую очередь — в экономике[1].

Множественность субъектов и мер профилактики правонарушений обусловили необходимость обеспечения согласованных действий путем разработки и реализации соответствующих планов. Согласно абзацу четвертому статьи 4 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 года «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», соответствующая деятельность базируется на принципах плановости и системности. На основе положений рассматриваемого закона, государственных программ по борьбе с преступностью и коррупцией, предложений субъектов профилактики правонарушений местными исполнительными и распорядительными органами областного и базового территориальных уровней ежегодно разрабатываются и утверждаются региональные комплексные программы по профилактике правонарушений, которые реализуются субъектами профилактики правонарушений в пределах своей компетенции на территории соответствующих административно-территориальных единиц[2]. В этой связи считаем оправданным как один из критериев эффективности профилактической деятельности рассматривать качество планирования, учитывая реальность сформулированных целей, соответствующих мероприятий, определение конкретных исполнителей, сроков исполнения, контроль за реализацией, комплексное использование возможностей всех субъектов и т.д., исходя из результатов анализа оперативной обстановки в районе.

Критерии эффективности могут определяться на различных уровнях субъектов: конкретного субъекта профилактики правонарушений (например, отдельно взятый орган внутренних дел); субъекта в рамках республики (органов внутренних дел); всех субъектов профилактики в целом.

Эффективность деятельности субъектов по профилактике правонарушений определяется, в первую очередь, их способностью выявлять причины правонарушений и условия, им способствующие, а также принимать меры, направленные на их устранение и нейтрализацию.

Чтобы выяснить мнение правоприменителей по рассматриваемой проблеме, в 2010 году был проведен опрос 160 начальников милиции общественной безопасности, а где такие должности отсутствуют — начальников отделов (отделений) охраны правопорядка и профилактики, а также 320 участковых инспекторов милиции РУ-ГО-РОВД республики, в 2013 году были опрошены участковые инспекторы милиции со всех регионов республики.

---

1 Коляго В. В. О сущности критериев эффективности деятельности субъектов по профилактике правонарушений.

2 Об основах деятельности по профилактике правонарушений. Часть первая, ст. 11.

В ходе анкетирования уделено внимание также выяснению факторов, негативно влияющих на выполнение профилактики правонарушений участковыми инспекторами милиции. Одним из таких факторов, по мнению 22,5% начальников и 18,7% участковых инспекторов милиции, являлась несовершенная система оценки эффективности указанной деятельности (учитывается в основном только применение мер принуждения).

59,5% опрошенных в 2013 году участковых инспекторов милиции считали, что критериями эффективности деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений должны быть владение оперативной обстановкой на обслуживаемом участке (знание населения, граждан, ведущих асоциальный образ жизни и т.д.); 41,7% (30% – 2010 г.) – количество совершенных правонарушений лицами, состоящими на профилактическом учете; 38% (50% – 2010 год) – уровень, динамика, структура правонарушений,

27,6% (50% – 2010 год) – своевременность и полнота реализации мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений; 25,1% (36,3% – 2010 год) – мнение населения о состоянии оперативной обстановки, работе органов внутренних дел в данном направлении; 28,2% (14,4% – 2010 год) – количество лиц, привлеченных к административной ответственности.

В качестве приоритетных направлений служебной деятельности участковые инспекторы милиции указали профилактику правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений (92,6%); профилактическую работу с ранее судимыми лицами (69,3%); выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений (68%); участие в раскрытии совершенных преступлений (63%); предупреждение правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения (54%); проведение выступлений профилактической направленности в трудовых коллективах, по месту жительства граждан, в средствах массовой информации (15,9%); внесение представлений в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» и контроль за реализацией указанных в них требований (12,3%).

Исходя из полученных результатов исследования, в нормативные правовые акты МВД внесены изменения и дополнения, направленные на совершенствование критериев оценки служебной деятельности участковых инспекторов милиции. В качестве таковых критериев закреплена эффективность реализации в пределах компетенции мер общей и индивидуальной профилактики правонарушений, по предупреждению:

- насилия в семье;
- преступлений, совершаемых гражданами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения;
- преступлений, совершаемых гражданами, имеющими неснятую и непогашенную судимость;
- преступлений против собственности.

В ходе социологического исследования уделено также внимание следующей проблеме: эффективность деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения, оценивается в основном по количеству лиц, в отношении которых применены меры принуждения, в том числе направление по ходатайству органов внутренних дел в лечебно-трудовой профилакторий. Однако эффективность реализации сотрудниками органов внутренних дел данной меры оправданно оценивать в первую очередь по количеству субъектов, злоупотреблявших алкогольными напитками либо употреблявших наркотические средства, которые в результате профилактического воздействия исправились, преодолели влечение к алкоголю и наркотическим средствам, их поведение стало характеризоваться как правомерное. Указанное мнение поддержало 83,1% респондентов из числа начальников милиции общественной безопасности, начальников отделов (отделений) охраны правопорядка и профилактики, при этом 50% из них указали на необходимость разработать систему контроля соответствующих результатов работы. Последние целесообразно отображать в рапорте участкового инспектора милиции, в котором излагаются сведения о лице, злоупотреблявшем алкогольными напитками, принятой в отношении него системы мер профилактики правонарушений с приложением объяснений родственников, соседей указанного лица, подтверждающих данную информацию, а также справки врача-нарколога о ремиссии гражданина, состоявшего на учете.

Внедрение в практическую деятельность системы учета данной категории лиц в целях поощрения участковых инспекторов милиции, наиболее эффективно организовавших профилактическую работу на обслуживаемой территории и добившихся преодоления влечения к алкоголю и наркотическим средствам без применения принудительного лечения, повлечет экономию материальных средств, усилит гарантии защиты прав и законных интересов граждан.

Как показали результаты ранее проведенных исследований, отдельные административные правонарушения, совершенные в состоянии опьянения, коррелируют со схожими преступлениями. Это подтверждается в ходе анализа статистических данных об оперативной обстановке в республике.

В результате статистической обработки выявлены следующие обратные корреляционные зависимости:

– очень сильная обратная корреляционная связь ($\rho = -0{,}91$) между суммой выявленных административных правонарушений (мелкое хулиганство, совершенное в состоянии алкогольного опьянения (ст. 156 КоАП 1984 г., ст. 17.1 КоАП 2003 г.), распитие алкогольных напитков в общественном месте или появление в общественном месте в пьяном виде (ст. 159 КоАП 1984 г., ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП 2003 г.)) и количеством преступлений, зарегистрированных по линии уголовного розыска. При этом между данным

видом преступлений и мелким хулиганством имеется средняя связь ($\rho = -0{,}65$), а с распитием алкогольных напитков в общественном месте или появлением в общественном месте в пьяном виде — очень сильная связь ($\rho = -0{,}91$), как и между количеством данных административных правонарушений и уголовно наказуемым хулиганством, совершенным в состоянии алкогольного опьянения ($\rho = -0{,}9013$); между суммой указанных административных правонарушений и преступлений, совершенных по линии уголовного розыска в общественных местах ($\rho = -0{,}94$)[1].

На основании вышеизложенного представляется оправданным в качестве критерия эффективности деятельности субъектов по профилактике преступлений рассматривать количество выявленных административных правонарушений, находящихся в обратно корреляционной зависимости с преступлениями, совершенными в состоянии опьянения (предусмотренных статьями 17.1, ч. 1, 3 ст. 17.3 КоАП).

Особую сложность представляет оценка деятельности субъектов по правовому просвещению граждан. Данная мера профилактики правонарушений является одной из самых распространенных и эффективных. В соответствии с частью первой статьи 20 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» правовое просвещение направлено на формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан, осуществляемые субъектами профилактики правонарушений в пределах своей компетенции. Проблематично оценить и деятельность органов внутренних дел, осуществляемую совместно со средствами массовой информации, по информированию граждан о способах и средствах обеспечения личной безопасности[2].

Думается, что оценить работу в данном направлении каждого из субъектов профилактики в отдельности вряд ли возможно, поскольку позитивное воздействие на сознание граждан осуществляется ими в совокупности. На определенной административно-территориальной единице также сложно определить работу субъектов профилактики в рассматриваемых направлениях по уровню правового сознания и осведомленности о способах и средствах защиты от противоправных посягательств, поскольку это может быть результатом эффективной деятельности, например, республиканских средств массовой информации. В этой связи по отдельным направлениям профилактики правонарушений в рамках всего государства одним из критериев эффективности деятельности субъектов может выступать уровень правосознания населения, осведомленность о способах и средствах защиты от противоправных посягательств, определяемые путем проведения социологических исследований.

---

1 Коляго В. В. Административно-правовое регулирование профилактической деятельности милиции общественной безопасности. С. 154-155.

2 Об основах деятельности по профилактике правонарушений. Часть двенадцатая, ст. 14.

Как критерий эффективности работы по правовому просвещению граждан отдельно взятого субъекта, например, территориального органа внутренних дел, оправданно рассматривать количество проведенных сотрудниками конференций, «круглых столов», семинаров, лекций и выступлений по вопросам профилактики правонарушений, в том числе в коллективах работников (учащихся, военнослужащих) и по месту жительства граждан, а также использование возможностей размещения (распространения) информации, направленной на формирование законопослушного поведения и здорового образа жизни граждан, в общественных местах, зданиях (помещениях) организаций, средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений и иных организаций.

На наш взгляд, возможно оценивать работу по профилактике отдельного вида преступлений на конкретной административно-территориальной единице в зависимости от способа их совершения. Например, об осведомленности о способах и средствах защиты от краж может свидетельствовать количество зарегистрированных на определенном административном участке преступлений данного вида, совершенных путем свободного доступа, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а также совершение серийных преступлений одним и тем же способом.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что критерии эффективности деятельности субъектов по профилактике правонарушений должны определяться в первую очередь исходя из их возможности влиять на причины правонарушений и условия, им способствующие, путем установления научными методами соответствующей причинно-следственной связи.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы относительно критериев эффективности деятельности уполномоченных субъектов по профилактике правонарушений:

- в Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 года «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» необходимо внесение изменений и дополнений, направленных на определение цели профилактики правонарушений, в качестве которой следует понимать удержание правонарушений на минимальном уровне;
- одним из критериев эффективности деятельности субъектов по профилактике правонарушений оправданно рассматривать качество планирования;
- критерии эффективности деятельности субъектов по профилактике правонарушений должны определяться исходя из их возможности влиять на причины правонарушений и условия, им способствующие, путем установления соответствующей причинно-следственной связи научными методами познания между юридически значимыми явлениями и процессами;

- в качестве критерия эффективности профилактической деятельности количественный показатель динамики преступлений может учитываться, если отсутствуют существенные изменения основных факторов, оказывающих на них воздействие, в первую очередь — в экономике;
- эффективность работы сотрудников органов внутренних дел по профилактике правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, оправданно оценивать в первую очередь по количеству лиц, злоупотреблявших алкоголем либо употреблявших наркотические средства, которые под воздействием применяемой к ним системы профилактических мер, в том числе в связи с угрозой направления в лечебно-трудовой профилакторий, исправились, преодолели влечение к алкоголю и наркотическим средствам, их поведение стало характеризоваться как правомерное;
- количество пресеченных административных правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, предусмотренных статьей 17.1, ч. 1, 3 статьи 17.3 КоАП, находящихся в обратно корреляционной зависимости с преступлениями, совершенными в состоянии опьянения, следует рассматривать в качестве критерия эффективности деятельности субъектов по профилактике последних;
- одним из критериев эффективности деятельности субъектов по реализации мер общей профилактики правонарушений может выступать уровень правосознания населения, осведомленность о способах и средствах защиты от противоправных посягательств, определяемые путем проведения социологических исследований;
- об осведомленности о способах и средствах защиты от краж может свидетельствовать динамика зарегистрированных преступлений данного вида на определенной территории, совершенных путем свободного доступа.

Указанные результаты исследования могут учитываться в дальнейшей научной разработке критериев эффективности деятельности уполномоченных субъектов по профилактике правонарушений.

Список использованных источников

1. *Ананич, В.А. Условия эффективности общей профилактики преступлений, осуществляемой органами внутренних дел в крупном городе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Ананич; Московская высшая школа милиции МВД СССР.— М., 1983.— 23 с.*
2. *Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления / Г.В. Атаманчук.— М.: «Омега-Л», 2010.— 525 с.*
3. *Быргэу, М.М. Опыт системного исследования профилактики преступлений. Современное состояние проблемы / М.М. Быргэу, А.Н. Литвинов.— М.: «ЮРКНИГА», 2004.— 160 с.*
4. *Головченко, В.В. Эффективность правового воспитания: понятие, критерии, методика измерения / В.В. Головченко.— Киев: Наукова думка, 1985.— 128 с.*
5. *Жалинский, А.Э. Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация / А.Э. Жалинский, М.В. Костицкий.— Львов: «Вища школа», 1980.— 212 с.*
6. *Коляго, В.В. Административно-правовое регулирование профилактической деятельности милиции общественной безопасности / В.В. Коляго; под ред. Л.М. Рябцева.— Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2011.— 203 с.*
7. *Коляго, В.В. О сущности критериев эффективности деятельности субъектов по профилактике правонарушений / В.В. Коляго // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов международной науч.— практич. конф., Минск, 4 апреля 2013 г. / Академия МВД Республики Беларусь; редкол.: В.Б. Шабанов [и др.].— Минск, 2013.— С. 25-26.*
8. *Кондратюк, Л.В. Организация деятельности участковых инспекторов милиции с учетом особенностей территории обслуживания и условий работы: учеб. пособие / Л.В. Кондратюк [и др.].— М.: ВНИИ МВД СССР, 1991.— 104 с.*
9. *Лазарев, В.В. Эффективность правоприменительных актов / В.В. Лазарев.— Казань: изд-во Казанского ун-та, 1975.— 207 с.*
10. *Миндагулов, А.Х. Некоторые проблемы управления профилактической деятельностью органов внутренних дел / А.Х. Миндагулов // Пути совершенствования мер по предупреждению преступности: материалы Всесоюзной науч.— практ. конф., Москва, 17-18 декабря 1987 г. / ВНИИ МВД СССР; редкол.: Е.К. Игошев [и др.].— М., 1988.— С. 37-42.*
11. *О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 2.07.2009 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.— Минск, 2014.*
12. *Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Респ. Беларусь, 4 января 2014 г., № 122-З [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр».— Минск, 2014.*
13. *Теоретические основы предупреждения преступности / [В.К. Звирбуль и др.]; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.— М.: Юрид. лит., 1977.— 256 с.*
14. *Хейне, П. Экономический образ мышления: пер. с англ. / П. Хейне.— М.: Каталаксия, 1997.— 704 с.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 20.10.2015.

УДК 342

Л. Г. Закревский

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Закревский Леонид Григорьевич *— кандидат юридических наук, доцент. Профессор кафедры уголовного права и процесса Частного учреждения образования «БИП–Институт правоведения». Область научных интересов — судоустройство и прокурорский надзор.*

Декрет Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» обозначил новый этап судебно-правовой реформы в стране, однако он не затронул ожидания юридической общественности и граждан относительно расширения идеи участия гражданского общества в отправлении правосудия. Эта правовая идея впервые была озвучена в постановлении Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-X11 «О Концепции судебно-правовой реформы», в котором предлагалось реформирование судов и других правоохранительных органов независимой Беларуси.

В частности, предлагалось введение суда присяжных в национальную систему судопроизводства по отдельным уголовным делам и сложным гражданским делам, а также создание мировых судов.

В Концепции отмечалось, что введение в судебную систему Республики Беларусь суда присяжных как наиболее демократичной формы отправления правосудия, выработанной цивилизацией и

обеспечивающей независимость и самостоятельность суда, определяется необходимостью расширения реального участия населения в судебной деятельности, принесения в нее житейского здравого смысла и народного опыта, милосердия и справедливости.

Идеи Концепции нашли свое дальнейшее развитие в Законе от 13 января 1995 г. «О судоустройстве и статусе судей Республики Беларусь», который продекларировал замену института народных заседателей введением института присяжных заседателей. В соответствии со ст. 8 данного Закона суд должен был рассматривать дела о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде смертной казни, по первой инстанции в составе одного профессионального судьи и коллегии из семи присяжных заседателей, если обвиняемый не признавал себя виновным и требовал назначения суда присяжных. В остальных случаях уголовные дела должны были рассматриваться судьей единолично или коллегиально в составе трех судей.

В 1999 г. Национальное собрание при рассмотрении проекта УПК подтвердило введение суда присяжных в стране, однако этой новелле не суждено было вступить в силу в соответствии с ч. 8 ст. 100 Конституции Республики Беларусь.

Декретом Президента Республики Беларусь от 3 февраля 2000 г. «О коллегиальном рассмотрении дел в судах» был восстановлен институт народных заседателей, который по-прежнему сохранен в Уголовно-процессуальном кодексе как коллегиальная форма рассмотрения уголовных дел во всех судах первой инстанции в составе судьи и двух народных заседателей (ст. 32 УПК).

Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 26 июня 2006 г. не устанавливает институт присяжных заседателей в национальной судебной системе.

Послание Президента Республики Беларусь о перспективах развития судов общей юрисдикции, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 декабря 2011 г. № 454, предположило рассмотрение вопроса о возможности введения института присяжных заседателей в судебную систему Республики Беларусь.

Тема возрождения в Беларуси этого суда вновь стала предметом широкого обсуждения и дискуссий юридического и гражданского сообщества[1].

Видение этой проблемы представил Совет по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь по вопросу об институте присяжных заседателей в судебной системе Республики Беларусь. По результатам состоявшегося 1 апреля 2014 г. обсуждения Совет признал введение института присяжных заседателей в судебную систему Республики Беларусь нецелесообразным, рекомендовав продолжить совершенствование действующего в стране института народных заседателей.

---

[1] Мартинович И. И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь.
Мартинович И. И. Почему нам нужен суд присяжных заседателей.
Сукало В. Белорусское правосудие: пути совершенствования и развития.

Противники института присяжных заседателей утверждают, что изучение его правовой природы, опыт функционирования суда присяжных в других странах (Российской Федерации, Азербайджанской Республике, Республике Казахстан и др.) показывают, что данная форма судопроизводства является громоздкой, сложной в организационном плане, дорогостоящей, нестабильной в принятии решений, нередко не обеспечивает объективное рассмотрение дела и надлежащую защиту прав и законных интересов всех участников процесса. Многочисленные негативные факторы: масштабное изменение судоустройственного и уголовно-процессуального законодательства, отступление от принципов равенства всех граждан перед законом и равного доступа к правосудию, высокая вероятность увеличения судебных ошибок, постановление приговоров, не соответствующих требованиям законности и не подлежащих пересмотру и т.д., а также дополнительное привлечение в судебную систему материальных ресурсов, необходимость проведения дополнительных организационных мероприятий (подбор присяжных, обеспечение их участия в рассмотрении дел и др.),— позволяют противникам института присяжных заседателей полагать, что в современных условиях его введение в судебную систему Республики Беларусь является нецелесообразным[1].

Полагаем, что совершенствование института народных заседателей следует закрепить в новой редакции Кодекса о судоустройстве и статусе судей, закрепив в нем нормы, регламентирующие порядок выдвижения кандидатов в народные заседатели в коллективах трудящихся и общественных объединениях и проведения их прямых выборов населением.

ПОЛАГАЕМ, ЧТО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА НАРОДНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ СЛЕДУЕТ ЗАКРЕПИТЬ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ КОДЕКСА О СУДОУСТРОЙСТВЕ И СТАТУСЕ СУДЕЙ

Приглашать для отправления этой почетной гражданской обязанности рекомендуется не только пенсионеров, предпочтительно судей, ушедших в отставку, но и представителей бизнеса и других членов гражданского общества.

Полагаем, что количество народных заседателей должно составлять: не менее 35 заседателей на одного судью для районных и городских судов, не менее 25 заседателей на одного судью в областных и Минском городском судах, не менее 10 народных заседателей на одного судью в Верховном суде.

Нормативное закрепление принципа участия граждан в осуществлении правосудия в Кодексе о судоустройстве и статусе судей позволяет надеяться, что со временем рамки привлечения представителей гражданского общества к работе суда в качестве народных заседателей будут расширены и мы по определенным категориям дел придем к классической форме суда щеффенов

[1] Ракитский В. Суд присяжных заседателей: «за» и «против» для Беларуси (обсуждаем). С. 39.

(германское понятие судей из народа), где профессиональные судьи вместе с народными заседателями (присяжными заседателями) в составе одной коллегии решают вопросы виновности и назначения наказания. Такой расширенный состав суда позволит избежать судебных ошибок и предотвратить вынесение незаконных приговоров.

Представляется, что количество профессиональных судей для расширенного состава суда первой инстанции должно быть не менее двух, а народных заседателей — от трех до пяти.

ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ НЕОБХОДИМО ТАКЖЕ ВВЕСТИ В НАЦИОНАЛЬНУЮ СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ ИНСТИТУТ МИРОВЫХ СУДЕЙ

Для повышения активности населения в организации осуществления правосудия необходимо также ввести в национальную судебную систему институт мировых судей. Учреждение избираемого народом мирового суда как низшего звена судебной системы страны, рассматривающего в единоличном порядке некоторые категории гражданских, уголовных и административных дел, позволит максимально приблизить этот суд к населению и оправдать доверие народа.

Безусловно, введение в судебную систему Республики Беларусь расширенного состава суда первой инстанции и мирового суда потребует соответствующих материальных и организационных ресурсов. Однако, по нашему убеждению, такое правосудие сможет достигнуть своей цели — быть справедливым и гуманным.

В настоящее время наблюдается интерес гражданского общества к проблеме противоречия раздела IV Конституции Республики Беларусь, устанавливающего в действующей судебной системе страны Высший Хозяйственный Суд, который Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 объединен с Верховным Судом. В соответствии со ст. 140 Конституции Республики Беларусь для устранения этого противоречия необходим референдум.

В целях гармонизации норм Конституции Республики Беларусь и текущего законодательства (Кодекса о судоустройстве и статусе судей), а также в качестве возможного решения устранения противоречий Г. Василевич предлагает судебную коллегию по экономическим делам Верховного Суда именовать Высшим Хозяйственным Судом, который возглавляет председатель Высшего Хозяйственного Суда, сохраняя полномочия, предусмотренные Конституцией Республики Беларусь[1].

Возникают сомнения в предлагаемом изменении в Кодексе о судоустройстве и статусе судей, поскольку по существу Декретом Президента Республики Беларусь № 6 Высший Хозяйственный Суд ликвидирован, а иметь Высший Хозяйственный Суд в самой

[1] Василевич Г. Обеспечение конституционной законности в государстве — сфера общей ответственности судебной системы.

структуре Верховного Суда в качестве судебной подсистемы действующей судебной системы Республики Беларусь, которая в соответствии с нормативными правовыми актами состоит из подсистемы судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Республики Беларусь, алогично. Кроме того, следуя предлагаемой реанимации Высшего Хозяйственного Суда, для сохранения единой терминологии необходимо вновь переименовать экономические суды областей и города Минска соответственно в хозяйственные суды.

Представляется, что проведение референдума – наиболее правильный путь решения всех формально-юридических аспектов, касающихся Высшего Хозяйственного Суда. Такая опосредованная форма участия граждан в деятельности по организации и осуществлению правосудия (как и участие в выборах мировых судей) укрепит доверие граждан к судебной власти, к утверждению в стране законного и справедливого правосудия.

Список использованных источников

1. *Василевич, Г. Обеспечение конституционной законности в государстве сфера общей ответственности судебной системы / Г. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 1. – С. 26.*
2. *Мартинович, И.И. Почему нам нужен суд присяжных заседателей / И.И. Мартинович // Юстиция Беларуси.– 2012.– № 4.– С. 8-10.*
3. *Мартинович, И.И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь / И.И. Мартинович, М.И. Пастухов.– Минск: Амалфея, 1995.– 222 с. 4. Ракитский, В. Суд присяжных заседателей: «за» и «против» для Беларуси (обсуждаем) / В. Ракитский // Судовы Веснік.– 2014.– № 2.– С. 29-39.*
5. *Сукало, В. Белорусское правосудие: пути совершенствования и развития / В. Сукало // Судовы Веснік.– 2011.– № 4.– С. 8.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 09.12.2015.

УДК 316.334.2

И. Н. Дементьева

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Дементьева Ирина Николаевна *— младший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук.*

Повышение эффективности государственного управления на всех уровнях власти является в настоящее время приоритетной задачей, от решения которой зависит развитие Российской Федерации в целом и региональных сообществ в частности. На совещании о ходе исполнения указов от 7 мая 2012 года Президентом РФ В. В. Путиным были обозначены стратегия преобразований и целевые ориентиры государственной политики, которые необходимо достигнуть к 2018 г. «Цель этой работы,— как заявил Президент РФ,— обеспечить новый, более высокий уровень жизни граждан Российской Федерации, прежде всего, за счет кардинального повышения эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора»[1]. В последующих своих выступлениях в 2012–2013 гг. глава государства показал твердые намерения осуществлять намеченную стратегию.

Необходимость анализа и оценки эффективности государственного управления как на федеральном, так и на региональном уровне актуализирует проблему поиска и использования новых методологических подходов для комплексного изучения

[1] Совещание о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года.

пространственных особенностей экономического положения и социального самочувствия населения отдельных субъектов РФ.

В настоящее время общепринятым в управленческой практике, как на федеральном, так и на региональном уровнях, является анализ социальной ситуации, инструментально осуществляемый органами государственной статистики. У информации, разрабатываемой Федеральной службой государственной статистики и ее региональными комитетами, имеется множество несомненных достоинств (сопоставимость, оперативность, достаточно высокая степень достоверности измеряемых показателей). Тем не менее, она не дает полного представления о региональном развитии. Без внимания остается такой важнейший аспект, как настроения людей, их отношение к различным сферам личной и общественной жизни, к деятельности властных структур. Такие сведения можно получить только посредством регулярных опросов общественного мнения.

Мониторинг общественного мнения позволяет получить достоверную, своевременную и достаточную информацию о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества. Мера включения оценок и суждений общественности в практические решения органов власти и управления является показателем открытости общества, уровня развития в нем важнейших прав и свобод, наконец, одним из критериев демократичности политического устройства государства[1].

МЕРА ВКЛЮЧЕНИЯ ОЦЕНОК И СУЖДЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ПОКАЗАТЕЛЕМ ОТКРЫТОСТИ ОБЩЕСТВА, УРОВНЯ РАЗВИТИЯ В НЕМ ВАЖНЕЙШИХ ПРАВ И СВОБОД, НАКОНЕЦ, ОДНИМ ИЗ КРИТЕРИЕВ ДЕМОКРАТИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА

Наиболее системные формы практика обращения к общественному мнению приобрела на федеральном уровне. Большой опыт измерений социальной ситуации посредством технологий выборочных опросов общественного мнения накоплен такими независимыми организациями, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), центр «РОМИР», исследовательская группа «Циркон» и др. В академической среде можно выделить исследования Института социально-политических исследований РАН, Института социологии РАН, Института комплексных социальных исследований РАН. Однако на современном этапе управления региональными системами сведения, представляемые общероссийскими исследовательскими центрами, недостаточны. В рамках федеральных округов использование существующей информации не дает должного эффекта, поскольку для этих исследований характерна недостаточная репрезентативность (выборка на регион

[1] Гавра Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия.

составляет лишь несколько десятков человек). Необходимо расширение проведения социологических исследований в отдельных субъектах РФ.

На региональном уровне подобные исследования встречаются крайне редко, поскольку являются трудозатратными в экономическом и организационном плане. ИСЭРТ РАН является одним из немногих субъектов, проводящих социологические исследования в мониторинговом режиме на региональном уровне. Первые измерения общественного мнения были проведены ИСЭРТ РАН в 1993 г. на территории городов Вологды и Череповца, а также трех муниципальных районов области (Великоустюгского, Вожегодского, Кирилловского). С осени 1995 г. строится областная репрезентативная выборка. Регулярно, один раз в каждые два месяца, опрашивается 1500 человек в городах Вологде и Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Тип выборки — районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения, квотная по полу и возрасту в соответствии с генеральной совокупностью. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; половозрастной структуры взрослого населения региона. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Общий объем выборки в год составляет, таким образом, 9 тыс. человек.

Измерения общественного мнения, проводимые ИСЭРТ РАН, позволяют исследовать оценки населением политической и экономической ситуации в стране, регионе; восприятие людьми актуальных проблем современной жизни; материальное положение, социально-экономическую стратификацию; уровень потребления и потребительские настроения; социальное самочувствие и удовлетворенность жизнью; отношение людей к политике властных структур, оценку их деятельности; уровень социального доверия политическим и общественным институтам; степень социальной напряженности и потенциал социального протеста; социальный капитал и потенциал развития гражданского общества[1].

Длительный период проведения мониторинга (с 1996 г.) позволяет применять метод анализа динамических рядов данных. Например, уровень одобрения деятельности Президента РФ можно наглядно оценить с учетом различных президентских сроков (рис. 1). Так, в президентские сроки В. В. Путина уровень одобрения деятельности главы государства был максимально высоким (примерно в 2–3 раза выше, чем Президента Б. Н. Ельцина). В то время, когда пост главы государства занимал Д. А. Медведев, одобрение населения несколько снизилось, и в настоящее время

[1] Гулин К. А., Дементьева И. Н. Тенденции общественных настроений населения Северо-Запада России.

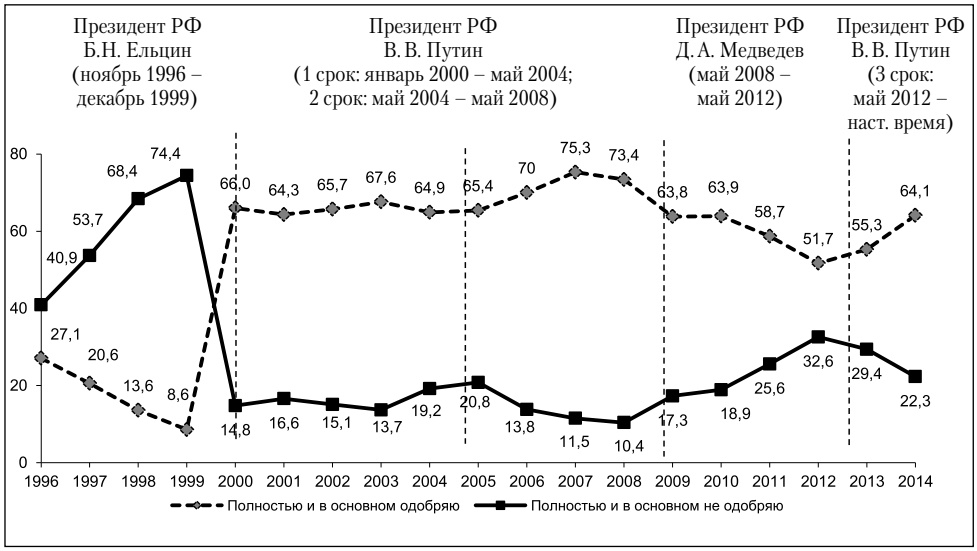


Рисунок 1.
Оценка населением деятельности Президента РФ (в % от числа опрошенных).

общество возлагает особые надежды на вновь избранного Президента РФ В. В. Путина, вступившего на третий президентский срок в мае 2012 года.

Мониторинг общественного мнения позволяет выявить особенности общественных настроений основных социально-демографических групп и категорий населения, проживающих в административно-территориальных образованиях различных типов. Это позволяет более точно оценить реакцию населения на те или иные изменения социально-экономической и общественно-политической жизни, определить группы риска.

Например, анализ оценок деятельности главы государства в разрезе различных групп населения свидетельствует о том, что за период с 2008 по 2014 гг. одобрение Президента РФ снизилось, особенно среди мужчин, людей в возрасте от 30 до 55 лет, лиц с высшим и незаконченным высшим образованием и 20% наименее обеспеченных жителей области (табл. 1).

В структуру мониторинга ИСЭРТ РАН включены вопросы, касающиеся оценки текущей деятельности не только федеральной, но и региональной и местной власти. Так, результаты исследования показывают, что уровень одобрения деятельности главы региона стал снижаться после 2008 г. (рис. 2). После смены руководства области оценки стабилизировались, но об устойчивой тенденции пока говорить преждевременно.

Мониторинг общественного мнения позволяет выявить тенденции социального настроения жителей региона. Одной из значимых тенденций, которую фиксируют опросы населения, является «деполитизация общественных настроений»[1] (табл. 2).

[1] Глава ВЦИОМ Валерий Федоров о настроениях россиян.

Так, при устойчивом снижении уровня одобрения деятельности федеральной, региональной и местной власти в период с 2008 по 2012 гг. в Вологодской области отмечалось улучшение показателей социального самочувствия. Доля людей с позитивным социальным настроением в 2009–2014 гг. увеличилась с 53 до 69%, с высоким уровнем запаса социального терпения — с 72 до 81%. Данная динамика оценок говорит о том, что население все меньше связывает свои ожидания и надежды с деятельностью органов власти. Происходит концентрация интересов людей на своей личной, семейной, частной жизни, что является тревожной тенденцией, поскольку усиливает разобщенность между государством и обществом.

Для комплексной оценки эффективности власти, а также социально-экономической и общественно-политической ситуации, складывающейся на определенной территории, ИСЭРТ РАН применяет индексный метод обработки и анализа социологической информации.

Применение индексного метода в социологии позволяет проследить тесную взаимосвязь политических, экономических, общественных оценок и мнений людей, которые складываются в единый вектор общественных настроений. Его преимущество состоит в выявлении соотношения позитивных и негативных настроений в обществе, что позволяет «зафиксировать некие «критические точки» в общественном мнении, а главное — в реальном положении дел». При этом интерпретируется не столько само по себе числовое значение индекса, сколько его колебания и изменения во времени, сопоставленные с другими происходящими в обществе социально-политическими и экономическими событиями[1].

Для анализа данных мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН применяются апробированные методики, пользующиеся широкой известностью и доверием в социологическом научном сообществе. Одной из таких методик является вычисление

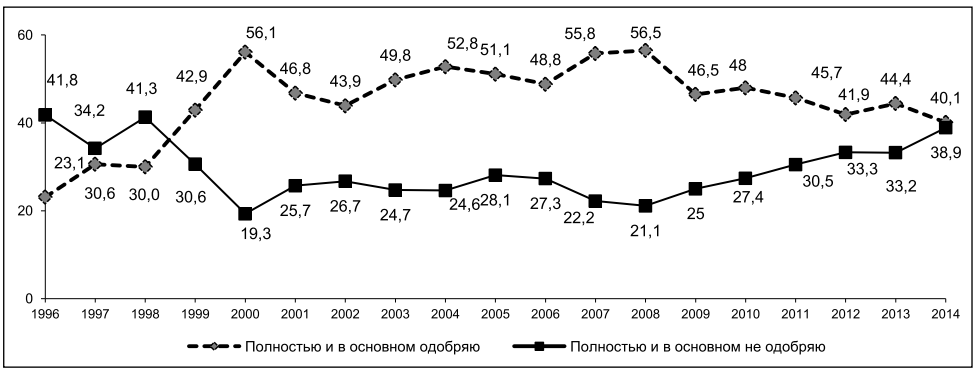


Рисунок 2.
Оценка населением деятельности губернатора Вологодской области (в % от числа опрошенных).

[1] Ильин В. А. Социологическое измерение эффективности государственного управления.

Таблица 1.
Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в различных социальных группах населения области (в % от числа опрошенных).

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 +/- к 2008
Пол								
Мужской	72,4	62,6	61,6	55,6	48,9	52,4	61,8	-11
Женский	74,2	64,7	65,7	61,2	53,9	57,7	65,9	-8
Возраст								
До 30 лет	72,4	64,2	63,9	58,3	49,7	52,9	63,3	-9
30–55 лет	74,5	62,8	62,5	57,6	50,9	55,4	63,0	-12
Старше 55 лет	72,4	65,0	66,0	60,7	54,6	57,1	66,2	-6
Образование								
Среднее, неполное среднее	65,5	61,1	60,1	54,9	46,0	51,4	57,4	-8
Среднее специальное	74,5	64,0	64,8	59,8	51,8	55,8	66,4	-8
Высшее, незаконч. высшее	81,3	66,7	66,9	61,3	56,6	59,1	69,3	-12
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	66,1	55,5	54,1	45,7	40,9	49,6	52,6	-14
60% среднеобеспеченных	75,7	65,4	65,4	60,4	53,8	56,1	66,2	-10
20% наиболее обеспеченных	78,6	71,5	71,9	68,9	59,4	63,6	75,8	-3
Среднее по области	**73,4**	**63,8**	**63,9**	**58,7**	**51,7**	**55,3**	**64,1**	**-9**

Таблица 2.
Показатели одобрения властей и социального самочувствия жителей Вологодской области (в % от числа опрошенных).

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 +/- к 2008
Одобрение деятельности Президента РФ (в % от числа опрошенных)	73,4	63,8	63,8	58,7	51,7	55,3	64,1	-9
Одобрение деятельности Правительства РФ (в % от числа опрошенных)	58,9	51,0	48,7	45,1	39,7	42,8	48,3	-11
Одобрение деятельности губернатора области (в % от числа опрошенных)	56,5	46,5	48,0	45,7	41,9	44,4	40,1	-16
Одобрение деятельности главы местной администрации (в % от числа опрошенных)	44,1	42,3	41,6	41,7	36,9	39,8	39,3	-5
Социальное настроение («Прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние»; в%)	67,0	53,1	62,1	63,1	67,3	68,6	69,4	+2
Социальное терпение («Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть»; в%)	78,1	71,8	71,3	74,8	76,6	79,3	80,8	+3

индекса потребительских настроений (ИПН)[1]. ИПН представляет собой общее мнение о том, как население оценивает динамику своего материального положения; как оно представляет себе экономическую ситуацию в стране в ближайшем будущем; как оно ожидает изменения экономического положения страны в долгосрочной перспективе; какая у него динамика склонности к потреблению в целом. Это делает данный индекс независимым показателем, характеризующим динамику экономического развития конкретной территории. ИПН дает ответ и на более общий вопрос: об уровне и динамике оптимизма в отношении экономического и социального развития в целом.

Методика расчета ИПН строится на основе данных опросов общественного мнения по пяти вопросам, относящимся к текущему экономическому положению населения и экономике в целом, а также оценке ближайших перспектив их развития (табл. 3). Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы, которые также можно использовать для оценки отношения населения к тем или иным изменениям социально-экономической и политической ситуации в области[2]. Средняя арифметическая из частных индексов дает совокупную величину — индекс потребительских настроений. Кроме того, выделяются еще два показателя: индекс текущего состояния (ИТС) и индекс потребительских ожиданий (ИПО),

Таблица 3.
Вопросы, используемые для расчета ИПН.

	Название индекса	Формулировка вопроса
1	Индекс текущего личного материального положения	Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад?
2	Индекс перспектив личного материального положения	Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже, или примерно такое же, как сейчас?
3	Индекс краткосрочных перспектив развития экономики страны	Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим, или каким-либо еще?
4	Индекс долгосрочных перспектив развития экономики страны	Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем?
5	Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования	Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров?

[1] Индекс потребительских настроений — макроэкономический индикатор, разработанный Фондом «Содействие развитию и построению индекса потребительских настроений». Аналогом ИПН является показатель, известный в США как Consumer Sentiment Index (CSI). CSI рассчитывается Институтом Социальных Исследований при Мичиганском Университете (Энн-Арбор, США) с 1946 г.

[2] Для расчета частных индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные — 200, равновесие первых и вторых — индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

которые характеризуют материальное положение населения, а также прогнозы развития экономики страны.

Одним из преимуществ ИПН является то, что он обладает хорошей прогностической способностью, поскольку в измерительной процедуре учитываются ожидания людей, которые формируют поведение, в том числе и в хозяйственной практике. Анализ динамики ИПН с 1997 по 2014 гг. демонстрирует, что данный показатель чутко реагирует на изменения социально-экономической ситуации, что наблюдается в снижении индекса в периоды кризисов 1998 и 2008 гг. (рис. 3). Вологодская область оказалась в числе субъектов Российской Федерации, наиболее пострадавших от мирового финансового кризиса 2008 г. В 2011 г. она превратилась из региона-донора в регион-реципиент с самым значительным в России дефицитом бюджета (в 2010 году — 28%), что было вызвано спадом в металлургическом производстве, от которого почти на 90% зависят налоговые доходы бюджета области[1]. К 2013 г. она вошла в тройку самых «нагруженных» государственным и муниципальным долгом регионов РФ (нагрузка государственного и муниципального долга на собственные доходы консолидированного бюджета составила 70,6%). В апреле 2014 г. на заседании Счетной палаты РФ Т. Голикова отнесла Вологодскую область к числу 12 субъектов РФ с критическим размером госдолга.

Динамика ИПН наглядно отражает негативную экономическую ситуацию, сложившуюся на территории региона после мирового финансового кризиса: в 2009–2014 гг. значение индекса остается более низким, чем нейтральный и докризисный уровень (100 и 106 пунктов соответственно).

С 2009 г. среди всех категорий населения происходит восстановительный после мирового финансового кризиса процесс улучшения потребительских настроений. Однако во всех

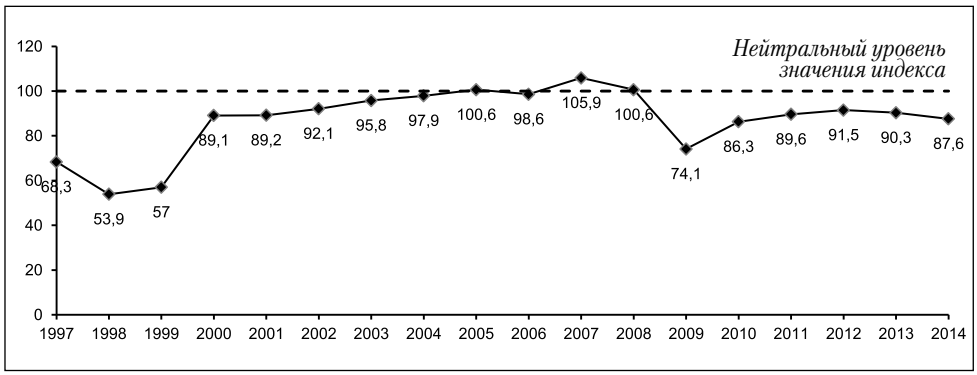


Рисунок 3.
Динамика индекса потребительских настроений на территории Вологодской области. (Индекс выше 100 пунктов означает преобладание позитивных суждений над негативными, ниже 100 — противоположную ситуацию).

[1] Морев М. В. Методологические особенности изучения социальных настроений на региональном уровне.

социально-демографических группах ИПН по-прежнему остается существенно ниже предкризисного уровня (табл. 4).

Наряду с использованием известных методик для анализа и обобщения ситуации, складывающейся на определенной территории, в ИСЭРТ РАН был разработан индекс общественных настроений региона (ИОНР), позволяющий изучить данные об отношении жителей различных территорий к работе федеральных и местных органов исполнительной власти, а также об оценке населением своего материального благополучия и социального настроения[1].

Расчет интегрального индекса осуществлялся в три этапа. На первом этапе рассчитывались четыре частных индекса, каждому из которых соответствуют по три вопроса анкеты[2]:

1. Индекс эффективности региональной власти. (Как бы Вы оценили социально-экономическую ситуацию в Вашем регионе? Как бы Вы оценили социально-политическую ситуацию в регионе? Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность губернатора?)

2. Индекс лояльности к политике федеральной власти. (Как бы Вы оценили социально-экономическую ситуацию в России? Как

Таблица 4.
Динамика ИПН у различных категорий населения.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 +/- к 2008
Пол								
Мужской	102,1	75,9	86,7	90,3	92,2	91,0	87,6	-15
Женский	99,3	75,0	85,8	89,1	91,0	89,8	87,6	-12
Возраст								
До 30 лет	107,4	79,9	92,7	95,0	97,0	94,5	93,0	-14
30–55 лет	100,5	72,7	84,0	89,1	91,9	91,4	87,5	-13
Старше 55 лет	94,5	71,1	84,3	86,0	86,3	85,6	84,2	-10
Образование								
Среднее, неполное среднее	96,0	74,0	82,8	85,6	84,9	83,4	80,5	-16
Среднее специальное	100,7	73,1	84,2	87,9	90,2	88,7	86,9	-14
Высшее, незаконч. высшее	105,8	79,4	92,1	95,5	98,8	99,2	96,3	-10
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	90,4	67,8	71,6	74,8	77,6	71,2	69,8	-21
60% среднеобеспеченных	98,8	72,0	85,3	89,0	90,3	90,8	87,0	-12
20% наиболее обеспеченных	113,9	83,0	101,6	105,3	107,5	108,9	107,5	-6
Среднее по области	**100,6**	**74,1**	**86,3**	**89,6**	**91,5**	**90,3**	**87,6**	**-13**

[1] Кулаков А. П. Измерение в социологии: учеб. пособие.

[2] Величина индекса рассчитывается в пунктах. По каждому вопросу рассчитывается свой индекс: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой. Каждый из четырех частных индексов рассчитывается как средний из суммы трех индексов по каждому из вопросов.

бы Вы оценили социально-политическую ситуацию в России? Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?)

3. Индекс социально-политических настроений населения региона. (Как Вы считаете, могут ли состояться в Вашем городе (районе) массовые выступления? Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни? Как Вы считаете, какое из приведенных высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?)

4. Индекс социально-экономического положения населения региона. (Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи? Какая из приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы? К какой категории Вы себя относите?)

На втором этапе четыре указанных частных индекса попарно объединялись в два. Индекс эффективности региональной власти с индексом лояльности к политике федерального центра — в индекс отношения к властям; индекс социально-политических настроений населения региона с индексом социально-экономического положения населения региона — в индекс социального самочувствия. Данные индексы — среднее арифметическое индексов их составляющих.

На третьем этапе обобщения производилось сложение индекса отношения к власти с индексом социального самочувствия. Их среднее значение определяет величину интегрального индекса — индекса общественного настроения региона (ИОНР). На основании данного индекса определяется конечный рейтинг территории относительно других субъектов.

Измерение индекса общественных настроений было апробировано на данных мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН в 10 регионах Северо-Западного федерального округа в период с 2005 по 2010 гг.[1]

Расчеты показали, что в среднем по СЗФО показатель интегрального индекса в 2010 г. составил 108,2 пункта, что свидетельствует о перевесе позитивных оценок социального настроения над негативными (табл. 5). Выше среднего значения по СЗФО показатели у Псковской (117,9 пункта), Архангельской (113,9 пункта) областей, Санкт-Петербурга (112,1 пункта), Республики Карелия (110,2 пункта). Близки к средней оценке — Ленинградская (109,3 пункта), Вологодская (107,5 пункта) области, Республика Коми (107 пунктов). Заметно ниже средних по Северо-Западу индексы

---

[1] Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ (грант № 03–18–013е «Региональные особенности социального восприятия экономических и политических процессов»; грант № 09–03–00857а/Б «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Беларуси»).
Структура по сбору, обработке и анализу информации включает в себя сеть опросных центров, состоящую из головного центра (непосредственно ИСЭРТ РАН) и представительств в отдельных областях и республиках СЗФО. В функции ИСЭРТ РАН входит общая координация работ, обработка и анализ информации. Всего опрашивается 5100 респондентов в возрасте 18 лет и старше, по 400 человек в каждом из девяти регионов Северо-Западного федерального округа, в Вологодской области (контрольный регион) — 1500. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций:
– между городским и сельским населением;
– жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);
– в соответствии с половозрастной структурой взрослого населения.

общественных настроений в Новгородской (102,4 пункта), Мурманской (102,2 пункта) и Калининградской областях (99 пунктов).

По сравнению с 2005 г. в среднем по Северо-Западу и на всех территориях округа наблюдалась положительная динамика интегрального индекса. Самое существенное увеличение данного показателя произошло в Архангельской области (на 24 пункта), Республике Коми (на 20 пунктов), Ленинградской области (на 15 пунктов), Санкт-Петербурге (на 14 пунктов). При этом в Архангельской, Ленинградской областях, Санкт-Петербурге индекс общественного настроения региона увеличился в основном благодаря улучшению суждений жителей о личном и семейном благополучии, материальном положении и душевном самочувствии, о чем свидетельствует рост индекса социального самочувствия: в Архангельской области — на 31 пункт, в Ленинградской области и Санкт-Петербурге — на 18 пунктов. В Республике Коми рост интегрального индекса был связан в первую очередь с более высокими оценками качества работы органов государственной власти всех уровней: индекс отношения к властям в данном регионе возрос на 26 пунктов.

В целом, анализ результатов социологических опросов на территории СЗФО с использованием индексного метода позволил создать картину материального благосостояния и социального самочувствия населения, проследить динамические изменения социально-экономического положения населения различных территорий округа. Результаты расчетов могут быть использованы для анализа и оценки эффективности социального управления, а также при разработке перспективных программ регионального развития.

В 2013 г. методика расчета интегрального индекса общественного настроения была использована для изучения общественного мнения жителей муниципальных образований Вологодской области.

В 2013 г. в среднем по районам Вологодской области данный индикатор установился на отметке 103,4 пункта, что несколько ниже общеобластного показателя (109,6 пункта; табл. 6). Выше среднего значения показатели у Тарногского (129,4 пункта), Великоустюгского (124,2 пункта), Бабаевского (123,8 пункта), Шекснинского (115,3 пункта) районов. Заметно ниже средних индексы общественных настроений в Кирилловском (90,5 пункта), Грязовецком (88,4 пункта), Вожегодском (79,2 пункта) и Никольском (76,6 пункта) районах.

По сравнению с 2005 г. позитивная динамика интегрального индекса характерна для Тарногского (индекс вырос на 58 пунктов), Бабаевского (на 5,8 пункта), Шекснинского (на 4,8 пункта). На остальных территориях фиксируется негативная динамика. Наиболее существенное снижение индекса произошло в Никольском (на 33,5 пункта), Вожегодском (на 29,1 пункта), Грязовецком (на 23,9 пункта) районах. Основным фактором снижения ИОНР на данных территориях было ухудшение отношения жителей к деятельности федеральных и региональных властей: соответствующий индекс уменьшился в Никольском районе на 62,1 пункта, в Вожегодском — на 33 пункта, в Грязовецком — на 49,9 пункта.

Таблица 5.
Индекс общественного настроения региона (ИОНР).

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2010 к 2005, +/-
Индекс социального самочувствия							
Архангельская обл.	87,0	107,1	104,8	102,2	113,8	118,1	+31
Псковская обл.	–	108,1	114,1	107,6	97,8	117,4	–
г. Санкт-Петербург	99,0	121,2	123,8	110,1	102,6	117,1	+18
Ленинградская обл.	96,5	111,8	109,8	114,4	102,0	114,9	+18
Республика Карелия	100,0	107,1	111,8	107,0	105,4	113,0	+13
Новгородская обл.	–	105,6	100,4	100,9	93,4	107,6	–
Вологодская обл.	89,5	106,7	111,9	110,7	99,2	104,7	+15
Мурманская обл.	96,3	111,1	114,4	108,8	112,1	104,5	+8
Республика Коми	89,1	102,8	108,4	105,8	95,8	103,7	+15
Калининград. обл.	90,0	108,0	105,8	110,0	86,2	101,8	+12
Среднее по СЗФО	**93,4**	**108,9**	**110,5**	**107,8**	**100,8**	**99,8**	**+6**
Индекс отношения к властям							
Псковская обл.	–	83,6	102,7	122,8	98,6	118,4	–
Республика Коми	84,0	95,5	102,3	118,2	97,4	110,4	+26
Вологодская обл.	105,6	111,9	125,3	136,1	94	110,2	+5
Архангельская обл.	93,2	95,6	97,4	107,7	99,2	109,7	+17
Республика Карелия	97,3	94,7	99,7	121,4	92,3	107,4	+10
г. Санкт-Петербург	97,0	111,7	109,6	130,4	109,3	107,0	+10
Ленинградская обл.	92,5	103,4	101,4	132,9	110,6	103,7	+11
Мурманская обл.	97,6	107,9	114,9	128,4	98,5	99,9	+2
Новгородская обл.	–	97,2	94,6	114,7	93,5	97,2	–
Калининград. обл.	93,6	110,1	111,8	129,7	100,3	96,1	+3
Среднее по СЗФО	**95,1**	**101,2**	**105,9**	**124,2**	**99,4**	**106,0**	**+11**
Интегральный индекс общественного настроения региона (ИОНР)							
Псковская обл.	–	95,9	108,4	115,3	98,2	117,9	–
Архангельская обл.	90,1	101,4	101,2	104,7	106,5	113,9	+24
г. Санкт-Петербург	97,7	116,5	116,7	120,3	106,0	112,1	+14
Республика Карелия	98,5	100,9	105,8	114,2	98,9	110,2	+12
Ленинградская обл.	94,5	107,7	105,6	123,7	106,3	109,3	+15
Вологодская обл.	97,6	109,3	118,6	123,5	96,6	107,5	+10
Республика Коми	86,6	99,2	105,4	111,0	96,6	107,0	+20
Новгородская обл.	–	101,5	97,6	108,0	93,5	102,4	–
Мурманская обл.	96,9	109,5	114,7	118,6	105,3	102,2	+5
Калининград. обл.	91,6	109,1	108,8	119,9	93,3	99,0	+7
Среднее по СЗФО	**94,2**	**105,1**	**108,3**	**115,9**	**100,1**	**108,2**	**+14**

Таблица 6.
Индекс общественного настроения региона (ИОНР).

	2005	2010	2012	2013	2013 к 2005; +/-
Индекс социального самочувствия					
Тарногский	68,6	136,3	137,7	138,8	+70,2
Бабаевский	111,9	124,0	134,4	131,8	+19,9
Шекснинский	103,8	102,1	117,5	121,8	+18
В. Устюгский	114,3	115,5	124,7	117,3	+3
Грязовецкий	105,4	119,4	106,6	107,7	+2,3
Кирилловский	94,1	98,9	102,4	96,8	+2,7
Никольский	96,9	90,5	89,0	92,0	-4,9
Вожегодский	111,1	94,0	91,2	85,9	-25,2
Среднее по районам	100,8	110,1	112,9	111,5	+10,7
Область	104,0	111,4	117,4	117,7	+13,7
Индекс отношения к властям					
В. Устюгский	139,9	121,6	133,4	131,2	-8,7
Тарногский	74,2	123,4	121,8	120,0	-45,8
Бабаевский	124,1	120,2	115,6	115,9	-8,2
Шекснинский	117,2	107,2	93,5	108,9	-8,3
Кирилловский	96,3	95,7	78,8	84,3	-12
Вожегодский	105,6	103,3	90,0	72,6	-33
Грязовецкий	119,1	112,4	77,1	69,2	-49,9
Никольский	123,2	65,9	61,4	61,1	-62,1
Среднее по районам	112,5	106,2	96,5	95,4	-17,1
Область	110,8	108,8	101,7	101,6	-9,2
Интегральный индекс общественного настроения региона (ИОНР)					
Тарногский	71,4	129,9	129,8	129,4	+58
В. Устюгский	127,1	118,5	129,0	124,2	-2,9
Бабаевский	118,0	122,1	125,0	123,8	+5,8
Шекснинский	110,5	104,6	105,5	115,3	+4,8
Кирилловский	95,2	97,3	90,6	90,5	-4,7
Грязовецкий	112,3	115,9	91,9	88,4	-23,9
Вожегодский	108,3	98,6	90,6	79,2	-29,1
Никольский	110,1	78,2	75,2	76,6	-33,5
Среднее по районам	106,6	108,1	104,7	103,4	-3,2
Область	107,4	110,1	109,5	109,6	+2,2

В целом, измерение индекса общественного настроения региона, как на территории СЗФО, так и в разрезе районов Вологодской области, позволяет дать комплексную оценку эффективности государственного управления, одновременно отражая динамику общественного мнения о деятельности органов власти и конечную результативность этой деятельности в виде самооценки материального положения.

ИЗМЕРЕНИЕ ИНДЕКСА ОБЩЕСТВЕННОГО НАСТРОЕНИЯ РЕГИОНА ПОЗВОЛЯЕТ ДАТЬ КОМПЛЕКСНУЮ ОЦЕНКУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, ОДНОВРЕМЕННО ОТРАЖАЯ ДИНАМИКУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И КОНЕЧНУЮ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЭТОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВИДЕ САМООЦЕНКИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Таким образом, опыт многолетних исследований ИСЭРТ РАН показал, что мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения является одним из важных инструментов научного обеспечения регионального развития. С одной стороны, он дает широкий срез социальной информации для анализа и оценки эффективности социального управления, разработки программ регионального развития; с другой стороны, он позволяет координировать усилия науки и практики регионального управления, распространять наработанный опыт, воспроизводя его на новой качественной основе.

В связи с дефицитом мониторинговых исследований общественного мнения о состоянии и тенденциях развития социально-экономической и общественно-политической ситуации в региональном социуме распространение опыта ИСЭРТ РАН будет способствовать повышению эффективности информационного обеспечения государственного управления. Осуществление социологических замеров на региональном уровне именно в мониторинговом режиме позволит не только отслеживать текущие изменения в восприятии обществом ключевых событий, происходящих в политической и экономической жизни страны, но и анализировать тенденции общественного мнения в динамике, что необходимо для корректной оценки эффективности деятельности органов государственной власти.

Деятельность по установлению взаимосвязи между государством и обществом и обеспечению власти необходимой социологической информацией должна быть скоординирована на федеральном уровне при ведущей роли Российской академии наук. Для этого необходимо, чтобы органы власти ощутили потребность в информации о динамике общественного мнения как основе для принятия управленческих решений; ставили перед Российской академией наук задачу предоставления своевременной и полной информации об оценках населения. Разработка единого методологического подхода к оценке эффективности государственного управления с одинаковой периодичностью и методами обработки данных обеспечит системный характер данного процесса.

Список использованных источников

1. *Волкова, М.А. Оценка эффективности механизма государственного управления экономикой региона в сфере поддержки малого бизнеса / М.А. Волкова // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева.— 2009.— № 2.— С. 438–442.*
2. *Гаврa, Д. П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия [Электронный ресурс] / Д.П. Гаврa // Журнал социологии и социальной антропологии.— 1998.— Том 1.— Вып. 4.— Режим доступа: http://jourssa.ru/1998/4/gavra.html.— Дата доступа: 16.06.2015.*
3. *Глава ВЦИОМ Валерий Федоров о настроениях россиян [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://expert.ru/2013/12/30 /myi-vpolzaetv-kakuyu-to-tryasinu/.— Дата доступа: 16.06.2015.*
4. *Гулин, К.А. Северо-Запад России: тенденции общественных настроений / К.А. Гулин, И.Н. Дементьева, С.В. Озорнина // Тенденции и проблемы развития региона [Текст]: научные труды: в 4 т. Т. 3: Социальный императив регионального развития: в 2 ч.— Ч. II.– Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011.— С. 413–555.*
5. *Гулин, К.А. Тенденции общественных настроений населения Северо-Запада России / К.А. Гулин, И.Н. Дементьева // Социологические исследования.— 2011.— № 11.— С. 66–70.*
6. *Дубровина, Н.А. Оценка эффективности регионального управления / Н.А. Дубровина // Вестник Самарского государственного университета.— 2006.— № 8.— С. 54–59.*
7. *Зуев, С.Э. Государственная региональная политика: подходы к оценке эффективности / С.Э. Зуев, А.А. Васецкий // Управленческое консультирование.— 2009.— № 4.— С. 52–70.*
8. *Ильин, В.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.— 2014.— № 2 (32).— С. 18–35.*
9. *Ильин, В.А. Стратегия развития региона / В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, К.А. Гулин // Тенденции и проблемы развития региона: Научные труды: В 3 ч. Ч. I: Становление и стратегия развития рыночной экономики.— Вологда: Вологодский научно-координационный центр Центрального экономикоматематического института РАН, 2005.— С. 130–384.*
10. *Когут, А.Е. Информационные основы регионального социально-экономического мониторинга / А.Е. Когут, В.С. Рохчин.— СПб.: ИСЭП РАН, 1995.— 143 с.*
11. *Кулаков, А.П. Измерение в социологии: учеб. пособие / А.П. Кулаков; Новосиб. гос. архитектур.— строит. ун-т.— Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2005.— 124 с.*
12. *Кутлалиев, А.Х. Эффективность рекламы / А.Х. Кутлалиев, А.А. Попов.— М.: Изд-во ЭКСМО, 2005.— 169 с.*
13. *Лексин, В.Н. О формировании государственной системы мониторинга социально-экономической, национально-этнической и политической ситуации в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс] / В.Н. Лексин, В.Е. Селиверстов, А.Н. Швецов.— Режим доступа: http://www.ieie.nsc.ru.— Дата доступа: 16.06.2015.*
14. *Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2009 г.— № 322.— Режим доступа: http://base.garant.ru.— Дата доступа: 16.06.2015.*

15. *Методические рекомендации по расчету индикаторов оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов по повышению качества жизни населения в соответствии с переданными государственными полномочиями.— Татарстан, 2005.— 125 с.*
16. *Мониторинг развития муниципальных образований.— Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2002.— 126 с.*
17. *Морев, М.В. Методологические особенности изучения социальных настроений на региональном уровне / М.В. Морев, В.С. Каминский // Проблемы развития территории.— 2013.— № 5.— С. 96–103.*
18. *Перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2009 г.— № 322.*
19. *Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: утвержден Указом Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г.— № 825.*
20. *Послание Президента РФ Федеральному Собранию (12 декабря 2013 г.) [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/17118/print.— Дата доступа: 16.06.2015.*
21. *Российская, Г.М. К методологии анализа экономического поведения потребителя / Г.М. Российская // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика.— 2007.— № 6.— С. 72–80.*
22. *Свиридов, Н.В. Ситуация в регионе и общественное мнение / Н.В. Свиридов // Экономист.— 2013.— № 8.— С. 75–83.*
23. *Скопин, О.В. Критерии оценки эффективности системы регионального управления [Электронный ресурс] / О.В. Скопин // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал.— 2009.— № 1 (17).— Режим доступа: http://region.mcnip.ru.— Дата доступа: 16.06.2015.*
24. *Совещание о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года [Электронный ресурс]— Режим доступа: http://special.kremlin.ru/events/president/news/18039.— Дата доступа: 05.05.2016.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 16.06.2016.

УДК 349.22

Н. С. Пилипенко

ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТРУДОВОГО СПОРА *

Пилипенко Наталия Сергеевна *— старший преподаватель кафедры теории и истории права Частного учреждения образования «БИП-Институт правоведения», Гродненский филиал. Сфера научных интересов — досудебное рассмотрение индивидуальных трудовых споров. Автор более 40 публикаций.*

Разрешение индивидуальных трудовых споров — это важнейшая форма защиты работниками своих трудовых прав, при которой они, считая свои интересы нарушенными, обращаются в юрисдикционный орган.[1]

Порядок разрешения трудовых споров зависит от ряда условий: содержания спора (предмета спора), его субъектов, характера правоотношений, из которых возник спор, и т.д.

Широкая научная дискуссия развернулась относительно таких элементов рассматриваемого понятия, как субъекты и объекты.

Относительно субъектов трудового спора в процессе развития науки трудового права сформировалось несколько подходов к их определению. Так, при исследовании субъектного состава трудовых споров Э. Андерсон пишет о рабочих, служащих и их работодателях[2], С. Жаров — о лицах, работающих по найму, и нанимателях[3], М. В. Лушникова выделяет таких субъектов,

* Статья представлена в рамках работы II Круглого стола «Актуальные проблемы гражданского и международного права в условиях интеграционных процессов на постсоветском пространстве», который был проведен 12 февраля 2016 г. кафедрой гражданского и международного права Гродненского филиала БИП.

2 Андерсон Э. Трудовые конфликты.

3 Жаров С. Примирительно-третейский порядок разрешения трудовых конфликтов.

как работник, трудовой коллектив (его орган), администрация предприятия, учреждения[1], И. К. Дмитриева — работников и работодателей[2].

Субъекты индивидуальных трудовых споров — это, прежде всего, субъекты трудового права. Как указывает Т. Н. Важенкова, ими являются участники общественных отношений, регулируемых трудовым законодательством, которые могут обладать определенными правами и обязанностями и реализовывать их[3].

В юридической литературе достаточно распространена также позиция, в соответствии с которой к субъектам трудовых споров следует относить субъектов трудового правоотношения. Так, существует мнение, что трудовые отношения складываются между собственниками средств производства (нанимателями), с одной стороны, и трудящимися (наемными работниками) — с другой[4]. Ряд авторов считает, что в качестве субъектов индивидуальных трудовых споров выступают стороны трудового правоотношения[5]. В подтверждение правильности данной точки зрения отметим, что субъектами трудовых споров могут быть, например, субъекты служебных отношений, находящихся, по утверждению А. Г. Тиковенко, на стыке регулирования административного и трудового права[6].

Анализируя главу 17 ТК Республики Беларусь, следует отметить, что отечественный законодатель не прибегает к расширенному кругу субъектов индивидуального трудового спора, четко определяя в качестве одного из субъектов конкретного работника. Исходя из рассмотрения существующего доктринального подхода к данному вопросу и сложившейся правоприменительной практики, полагаем, что рассмотрение в качестве субъектов индивидуального трудового спора только работника и нанимателя не соответствует современным реалиям развития трудовых правоотношений.

ПОЛАГАЕМ, ЧТО РАССМОТРЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТРУДОВОГО СПОРА ТОЛЬКО РАБОТНИКА И НАНИМАТЕЛЯ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ СОВРЕМЕННЫМ РЕАЛИЯМ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В подтверждение вышесказанного приведем точку зрения И. А. Костян, которая, по нашему мнению, справедливо отмечала следующее: «Индивидуальные трудовые споры могут возникнуть в различные периоды производственно-трудовой деятельности. Они могут возникнуть в ходе заключения трудового договора, в том числе на стадии переговоров о трудоустройстве, в процессе обучения будущего работника, то есть в период,

1 Лушников А. М. Курс трудового права. Т. 2: Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право.
2 Дмитриева И. К. Еще раз о новом КЗоТе. С. 11–12.
3 Важенкова Т. Н. Трудовое право. С. 54.
4 Трудовое право: учебник. С. 14.
5 Трудовое право России. С. 373.
6 Тиковенко А. Г. Кадровая политика в условиях перестройки. С. 10.

когда правоотношение еще не является трудовым. Они могут иметь место после прекращения трудового договора, а также в период существования трудовых правоотношений»[1]. В рассматриваемых случаях субъектами индивидуальных трудовых споров выступают: с одной стороны — работодатель (администрация), а с другой стороны — а) лицо, которое еще не является работником (в правоотношениях, предшествующих трудовым); б) лицо, которое уже не является работником (в правоотношениях, вытекающих из трудовых); в) работник (в трудовых правоотношениях).

На основании этого И. А. Костян приходит к выводу о том, что субъектами индивидуального трудового спора, кроме работников, выступают лица, которые еще или уже не являются субъектами трудового правоотношения. Поэтому одним из субъектов индивидуального трудового спора, по ее мнению, следует называть не только работника, но и других субъектов правоотношений, тесно связанных с трудовыми[2].

Приходится констатировать, что отечественный законодатель до настоящего времени не предпринимал нормотворческих попыток по устранению сложившегося пробела в области правового регулирования субъектного состава индивидуальных трудовых споров.

Исходя из изложенного, считаем целесообразным обратиться к положительному опыту восполнения подобного пробела в законодательстве других государств. Так, согласно абзацу второму ст. 381 ТК РФ индивидуальным трудовым спором признается спор между работодателем и лицом, ранее состоявшим в трудовых отношениях с этим работодателем, а также лицом, изъявившим желание заключить трудовой договор с работодателем, в случае отказа работодателя от заключения такого договора[3].

В ТК Республики Молдова содержится ст. 349 «Стороны индивидуальных трудовых споров и коллективных трудовых конфликтов», прямо указывающая на субъектов трудового спора. Согласно данной статье сторонами индивидуальных трудовых споров и коллективных трудовых конфликтов могут быть:

1) работники, а также любые другие лица, имеющие какие-либо права и/или обязанности в соответствии с настоящим кодексом;

2) работодатели (физические и юридические лица);

3) профессиональные союзы и иные представители работников;

4) патронаты;

5) центральные и местные органы публичной власти, по обстоятельствам;

6) прокурор в соответствии с действующим законодательством[4].

---

1 Костян И. А. Индивидуальные трудовые споры и гарантии их разрешения. С. 14.
2 Костян И. А. Индивидуальные трудовые споры и гарантии их разрешения. С. 15.
3 Трудовой кодекс Российской Федерации.
4 Трудовой кодекс Республики Молдова.

Практика трудовых правоотношений в Республике Беларусь свидетельствует о том, что в большинстве случаев фактически разногласия возникают между работником —с одной стороны, и администрацией организации — с другой. В соответствии с учредительными документами организации администрация наделена полномочиями осуществлять управленческие функции (в частности, вести переговоры по урегулированию каких-либо разногласий, возникающих в процессе производственно-трудовой деятельности). Следовательно, одним из субъектов индивидуального трудового спора выступает наниматель в лице администрации организации[1]. Однако если проанализировать ст. 241 ТК Республики Беларусь, то в ней указываются не только работник и наниматель как субъекты спора, но и такие субъекты индивидуального трудового спора, как прокурор (ч. 1 п. 4 ст. 241 ТК); работник, ранее состоявший в трудовых отношениях (ч. 2 п. 3 ст. 241 ТК); лица, имеющие право на заключение трудового договора у конкретного нанимателя, т.е. потенциальный работник (ч. 3 ст. 241 ТК).

На основании проведенного исследования научных подходов к определению субъектного состава индивидуальных трудовых споров и анализа законодательства автор считает, что к субъектам индивидуального трудового спора следует относить: лиц, имеющих и реализующих в ходе спора свой материально-правовой интерес, т.е. желающих приобрести (или подтвердить наличие) в результате разрешения индивидуального трудового спора какое-либо субъективное право; лиц, выступающих в защиту законных интересов других лиц. Следовательно, к субъектам индивидуальных трудовых споров относятся: работник; наниматель; лицо, ранее состоявшее в трудовых отношениях с нанимателем; лицо, изъявившее желание заключить трудовой договор с нанимателем и получившее необоснованный отказ в заключении трудового договора.

К СУБЪЕКТАМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ ОТНОСЯТСЯ: РАБОТНИК; НАНИМАТЕЛЬ; ЛИЦО, РАНЕЕ СОСТОЯВШЕЕ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С НАНИМАТЕЛЕМ; ЛИЦО, ИЗЪЯВИВШЕЕ ЖЕЛАНИЕ ЗАКЛЮЧИТЬ ТРУДОВОЙ ДОГОВОР С НАНИМАТЕЛЕМ И ПОЛУЧИВШЕЕ НЕОБОСНОВАННЫЙ ОТКАЗ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

В предлагаемых учеными определениях объекта индивидуального трудового спора также существуют различия. Одни авторы считают, что индивидуальный трудовой спор возникает по поводу применения условий труда, уже установленных законом или другими нормативными актами[2], другие придерживаются иной точки зрения, согласно которой индивидуальные трудовые споры возникают по вопросам

[1] Пилипенко Н. С. Перспективы развития трудовых правоотношений применительно к особенностям возникновения индивидуальных трудовых споров. С. 152.

[2] Прасолова И. А. Трудовые конфликты и трудовые споры по российскому праву. С. 25.

установления или изменения условий труда и их применения[1]. И. А. Костян к объекту индивидуального трудового спора относит не только соглашения, связанные с применением труда, но и отношения, связанные с установлением новых или изменением существующих условий труда[2]. И. В. Гущин указывает, что, «реализуя свое субъективное право на конкретные виды защиты трудовых прав и свобод в правоотношениях, работники добиваются как политических и экономических, так и трудовых гарантий осуществления этих прав и свобод в конкретных трудовых правоотношениях. Стало быть, объектами трудовых правоотношений выступают различного рода трудовые права и свободы работников»[3]. По мнению А. А. Бережнова, именно объект спора позволяет идентифицировать его как индивидуальный трудовой спор. По предмету неурегулированных разногласий можно четко понять, являются ли они индивидуальным трудовым спором или нет. Объектом таких разногласий служат вопросы применения законодательства о труде, а также установления или изменения индивидуальных условий труда[4]. Следует согласиться с И. А. Просоловой, которая полагает, что безобъектных трудовых споров нет. Каждый трудовой спор возникает по поводу какого-либо объекта — заработной платы, режима рабочего времени, времени отдыха и т.д[5].

Следовательно, объектом трудового спора следует признать нормальное осуществление трудовых правоотношений, которое обеспечивает реализацию интересов как работников, так и нанимателей.

Предмет трудового спора, в свою очередь, образуют субъективные права, законные интересы и юридические обязанности сторон трудовых правоотношений, которые не могут претворяться в жизнь вследствие наличия неурегулированных разногласий между ними. Все указанные юридические категории являются средствами реализации интересов работников и нанимателей, однако в условиях конфликта их невозможно осуществить по воле участников трудовых правоотношений.

Предметом такого спора является требование работника о восстановлении или признании тех или иных трудовых прав, которые, по его мнению, должны ему принадлежать на основании закона, иных нормативных правовых актов, включая локальные акты, либо условий трудового договора. По заявлению работника индивидуальный спор может возникнуть, например, о неправомерности перевода или о восстановлении на работе и оплате вынужденного прогула, о снятии дисциплинарного взыскания и т.д. Индивидуальные трудовые споры, как правило, возникают по

---

1 Куренной А. М. Трудовые споры. С. 14.
2 Костян И. А. Рассмотрение индивидуальных трудовых споров. С. 69.
3 Трудовое право Республики Беларусь: пособие. С. 124.
4 Бережнов А. А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров. С. 77.
5 Прасолова И. А. Трудовые конфликты и трудовые споры по российскому праву. С. 26.

поводу применения нормативных правовых актов, соглашений, коллективного договора, иных локальных актов, регулирующих трудовые отношения работников с работодателем, а также условий трудового договора.

Из анализа ст. 233 ТК Республики Беларусь следует, что индивидуальные трудовые споры возникают по вопросам применения законодательства о труде, т.е. установленных условий. В данной норме законодателем не предусмотрено, что индивидуальный трудовой спор может возникнуть в связи с изменением существующих (установленных) условий труда. Такое положение содержится в ст. 236 ТК Республики Беларусь, определяющей порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров об установлении работнику новых или изменении существующих условий труда. Например, согласно ст. 289 ТК Республики Беларусь по просьбе беременной женщины, работника, имеющего ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида или инвалида с детства до достижения им возраста 18 лет), или работника, осуществляющего уход за больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, работодатель обязан устанавливать им неполный рабочий день или неполную рабочую неделю. Невыполнение нанимателем возложенной на него обязанности может повлечь возникновение индивидуального трудового спора в связи с применением законодательства о труде. В том случае, если руководитель не отказывает в предоставлении неполного рабочего времени, однако отсутствует согласие сторон, например, в отношении продолжительности рабочего времени, возникает индивидуальный трудовой спор в связи с изменением существующих условий труда. Таким образом, объектом индивидуального трудового спора являются не только отношения, связанные с применением условий труда, уже установленных законом и иными нормативными правовыми актами, но и отношения, связанные с установлением новых или изменением существующих условий труда[1].

ОБЪЕКТОМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТРУДОВОГО СПОРА ЯВЛЯЮТСЯ НЕ ТОЛЬКО ОТНОШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ УСЛОВИЙ ТРУДА, УЖЕ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ И ИНЫМИ НОРМАТИВНЫМИ ПРАВОВЫМИ АКТАМИ, НО И ОТНОШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С УСТАНОВЛЕНИЕМ НОВЫХ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕМ СУЩЕСТВУЮЩИХ УСЛОВИЙ ТРУДА

Предметом индивидуального трудового спора будет являться то, по поводу чего возникло разногласие. Так, при дисциплинарном взыскании объектом спора станет дисциплинарное взыскание, а предметом — разногласие, выражающееся в том, законно ли применено это взыскание.

Т. Н. Важенкова определяет предмет индивидуального трудового спора как права и законные интересы работника (в том

[1] Пилипенко Н. С. Индивидуальный трудовой спор: понятие, предпосылки возникновения. С. 160.

числе обязанность по возмещению материального вреда), нарушенные, по его мнению, нанимателем при применении законодательства о труде, иных нормативных правовых актов, коллективного договора, соглашения, трудового договора (контракта)[1]. А. А. Курушин подчеркивает, что предмет трудового спора образуют исключительно взаимные трудовые права, обязанности и интересы работников и работодателей, представителей[2]. В юридической литературе отмечается, что предметом индивидуального трудового спора является требование работника о восстановлении или признании тех или иных трудовых прав, которые, по его мнению, должны ему принадлежать на основании законодательства о труде и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, локальных нормативных актов или вытекающих из условий коллективного договора, или соглашений, либо трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда). Н. Г. Александров видел предмет индивидуального трудового спора в восстановлении или признании индивидуальных трудовых прав работника[3].

Определяя предмет индивидуального трудового спора, следует согласиться с выводом А. М. Лушникова и М. В. Лушниковой, что предмет трудового спора связан либо с применением действующего законодательства о труде, локальных нормативных актов, либо с установлением новых условий труда, не урегулированных законодательством или иным актом[4].

По нашему мнению, именно объект спора позволяет его идентифицировать как индивидуальный трудовой спор. По предмету неурегулированных разногласий можно четко понять, являются ли они индивидуальным трудовым спором или нет. Объектом таких разногласий являются вопросы применения трудового законодательства, а также установления или изменения индивидуальных условий труда. Также важно подчеркнуть, что объект индивидуального трудового спора — это только неурегулированные разногласия.

В рамках содержания индивидуального трудового спора А. А. Курушин выделяет такой его элемент, как *субъективная сторона,* которая охватывает мотивы и цели сторон, их внутреннее отношение к событиям и действиям, которые привели к невозможности нормального осуществления трудовых правоотношений. Субъективные трудовые права и юридические обязанности работников и работодателей могут оказаться спорными как следствие виновного, так и невиновного поведения, либо по причине непонимания самих прав и обязанностей, а также ошибочного восприятия действий одной из сторон[5].

---

1 Важенкова Т. Н. Трудовое право. С. 375.
2 Курушин А. А. Трудовые споры: понятие, структура, виды, подведомственность. С. 42.
3 Александров Н. Г. Советское трудовое право. С. 349.
4 Лушников А. М. Курс трудового права. С. 999.
5 Курушин А. А. Трудовые споры: понятие, структура, виды, подведомственность. С. 44.

Субъективные трудовые права и юридические обязанности работников и нанимателей могут оказаться спорными как вследствие виновного (например, работник в течение 15 минут отсутствовал на своем рабочем месте, поскольку сам себе устроил перерыв для курения, за что ему был объявлен выговор), так и невиновного поведения (например, работник в течение двух недель болел, что подтверждается листком временной нетрудоспособности, а работодатель уволил его за прогул), либо по причине непонимания самих прав и обязанностей, а также ошибочного восприятия действий (бездействия) одной из сторон.

Таким образом, содержание индивидуального трудового спора состоит из определенных элементов.

Субъекты индивидуального трудового спора — работник; наниматель; лицо, ранее состоявшее в трудовых отношениях с нанимателем; лицо, изъявившее желание заключить трудовой договор с нанимателем и получившее необоснованный отказ в заключении трудового договора.

Объект индивидуального трудового спора — отношения, связанные с применением условий труда, уже установленных законом и иными нормативными правовыми актами, и отношения, связанные с установлением новых или изменением существующих условий труда.

Субъективная сторона индивидуального трудового спора— внутренний, психологический аспект, который охватывает мотивы и цели сторон, их внутреннее отношение к событиям и действиям (бездействию), которые привели к невозможности нормального функционирования трудовых правоотношений.

Объективная сторона — внешний, поведенческий аспект трудового спора. Она охватывает поведение работников, нанимателей и их полномочных представителей, их юридически значимые деяния, совершаемые в определенное время в определенном месте и препятствующие реализации трудовых прав, обязанностей и интересов сторон.

Список использованных источников

1. *Александров, Н. Г. Советское трудовое право: учеб. для юрид. фак. и ин-тов / Н. Г. Александров. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Госюриздат, 1963. — 414 с.*
2. *Андерсон, Э. Трудовые конфликты / Э. Андерсон. — М.: Моск. губерн. суд, 1925. — 62 с.*
3. *Бережнов, А. А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / А. А. Бережнов. — М., 2012. — 231 л.*
4. *Важенкова, Т. Н. Трудовое право: учеб. пособие / Т. Н. Важенкова. — Минск: Амалфея, 2008. — 431 с.*
5. *Дмитриева, И. К. Еще раз о новом КЗоТе / И. К. Дмитриева // Трудовое право. — 1998. — № 4. — С. 11–12.*
6. *Жаров, С. Примирительно-третейский порядок разрешения трудовых конфликтов / С. Жаров. — М.: Юрид. изд-во Нар. комиссариата юстиции РСФСР, 1926. — 68 с.*
7. *Костян, И. А. Индивидуальные трудовые споры и гарантии их разрешения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / И. А. Костян. — М., 2000. — 241 л.*
8. *Костян, И. А. Рассмотрение индивидуальных трудовых споров / И. А. Костян // Человек и труд. — 2005. — № 9. — С. 68–71.*
9. *Куренной, А. М. Трудовые споры: практ. коммент. / А. М. Куренной. — М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2001. — 445 с.*
10. *Курушин, А. А. Трудовые споры: понятие, структура, виды, подведомственность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / А. А. Курушин. — Ульяновск, 2003. — 202 л.*
11. *Лушников, А. М. Курс трудового права: учебник: в 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2009. — Т. 2: Коллективное трудовое право. Индивидуальное трудовое право. Процессуальное трудовое право. — 1151 с.*
12. *Пилипенко, Н. С. Индивидуальный трудовой спор: понятие, предпосылки возникновения / Н. С. Пилипенко // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2012. — № 4. — С. 158–175.*
13. *Прасолова, И. А. Трудовые конфликты и трудовые споры по российскому праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / И. А. Прасолова. — Барнаул, 2005. — 152 л.*
14. *Тиковенко, А. Г. Кадровая политика в условиях перестройки / А. Г. Тиковенко; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права; под ред. В. И. Шабайлова. — Минск: Навука і тэхніка, 1990. — 92 с.*
15. *Трудовое право: учебник / В. И. Семенков [и др.]; под общ. ред. В. И. Семенкова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Минск: Амалфея, 2006. — 783 с.*
16. *Трудовое право России: учебник / О. В. Абрамова [и др.]; отв. ред.: Ю. П. Орловский, А. Ф. Нурдинова. — М.: Контракт: Инфра-М, 2003. — 402 с.*
17. *Трудовое право Республики Беларусь: пособие / И. В. Гущин [и др.]; под ред. И. В. Гущина. — Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2004. — 333 с.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.04.2016.

УДК 343.9

Ю. В. Михайловская

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВ МОШЕННИЧЕСТВА В ТОВАРНО-КРЕДИТНОЙ СФЕРЕ*

Михайловская Юлия Валентиновна *— преподаватель кафедры гражданского и международного права Частного учреждения образования «БИП–Институт правоведения», Гродненский филиал. Сфера научных интересов — уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против собственности; проблемные вопросы квалификации мошенничества и его отграничения от гражданско-правового деликта. Автор монографии.*

Общая теория виктимологии рассматривает жертву как лицо, которому индивидуально или коллективно был причинен материальный, моральный или иной вред; виктимность — как потенциальную или актуальную способность лица индивидуально или коллективно становиться жертвой; виктимизацию — как процесс превращения лица в жертву. Качества, характеризующие жертву, способствуют ее виктимизации при взаимодействии с индивидуальными свойствами, присущими личности преступника[1]. По мнению ученых, в предмет виктимологии включены «морально-психологические и социальные характеристики потерпевших от преступления; отношения, связывающие преступника и потерпевшего; ситуации, которые предшествуют преступлению; посткриминальное поведение потерпевшего; система мероприятий профилактического

* Статья представлена в рамках работы II Круглого стола «Актуальные проблемы гражданского и международного права в условиях интеграционных процессов на постсоветском пространстве», который был проведен 12 февраля 2016 г. кафедрой гражданского и международного права Гродненского филиала БИП.

1 Васильев В. Л. Юридическая психология. С. 391.

характера; пути, возможности, способы возмещения причиненного преступлением вреда»[1]. Поскольку дефиниция «жертва» является криминологической, а «потерпевший» — уголовно-процессуальной, по нашему мнению, исследование виктимологических факторов мошенничества в товарно-кредитной сфере предполагает использование понятия «жертва», позволяющего изучить механизм совершения данного мошенничества и определить особенности его криминологической профилактики.

Уголовно-правовая классификация преступлений основана на закрепленных законом формально-материальных признаках преступления (уголовная противоправность, общественная опасность, форма вины). Криминологическая систематизация, по нашему мнению, основана на понимании вида (группы) преступлений как разновидности преступных деяний, которые объединены сходными криминологическими признаками (причины, условия и механизм преступного поведения, личность мошенника и жертвы преступления). Автор с учетом криминологических признаков выделяет и исследует мошенничество в товарно-кредитной сфере как специальный состав мошенничества. В связи с этим считаем целесообразным ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Мошенничество в товарно-кредитной сфере»[2] изложить в следующей редакции: «мошенничество в товарно-кредитной сфере, то есть хищение денежных средств и (или) товара кредитополучателем путем представления кредитодателю (банку, торговому предприятию) заведомо ложных и (или) недостоверных сведений и документов, либо уклонения от выполнения обязанностей по договору о товарном кредите, совершенное с корыстной целью, повлекшее изъятие и (или) обращение чужого имущества (денег, товара) в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества».

БЕЛОРУССКИМИ КРИМИНОЛОГАМИ ОТМЕЧЕН РОСТ КОЛИЧЕСТВА ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЙ О ТОМ, ЧТО ПРОЦЕСС ВИКТИМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРОИСХОДИТ БОЛЕЕ ВЫСОКИМИ ТЕМПАМИ, ЧЕМ РОСТ ПРЕСТУПНОСТИ

Белорусскими криминологами отмечен рост количества жертв преступлений**,** свидетельствующий о том, что процесс виктимизации населения происходит более высокими темпами, чем рост преступности[3]. Зарегистрированная виктимизация, как отмечают криминологи, не учитывает латентную виктимизацию, что подтверждается социологическим опросом, показавшим, что, например, 70% молодежи Могилевской области в той или иной форме виктимизированы, были жертвами мошенничества и других преступлений[4]. В этой связи следует признать, что

1 Ривман Д. В. Виктимология. С. 75.
2 Уголовный кодекс Республики Беларусь.
3 Бранчель И. И. Общая характеристика состояния и динамики преступности в Республике Беларусь по категориям преступлений. С. 37.
4 Барановский Н. А. Введение в виктимологию. С. 4, 35.

виктимологические опросы являются одним из наиболее совершенных инструментов получения репрезентативных сведений о жертвах преступлений, так как гиперлатентность мошенничества не дает возможности объективно оценить реальное состояние и динамику мошеннической преступности без учета данных о виктимизации.

Виктимность жертв мошенничества в товарно-кредитной сфере предопределена как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам виктимности физических лиц следует отнести возраст, состояние здоровья, психики, образование, социальный статус, профессию и должность, к субъективным — индивидуальные психологические особенности жертвы мошенничества. По результатам проведенного нами анкетирования сотрудников органов внутренних дел, 87% респондентов считает, что жертвами мошенничества чаще всего становятся лица, обладающие повышенной виктимностью, т.е. повышенной способностью в силу своих личных качеств (возрастных, профессиональных, психологических) становиться жертвой преступления. Виктимность в определенной степени обусловлена беспечностью и низким уровнем правовой культуры физических лиц, ставших жертвами товарно-кредитного мошенничества. Об этом свидетельствуют наиболее часто применяемые мошеннические способы обмана (по материалам уголовных дел):

– убеждая потенциальных жертв заключить кредитный договор, мошенник обещал удалить информацию о получении кредита из компьютера, и, следовательно, потерпевшему ничего по договору платить не придется;

– убеждая жертв совершить покупку с рассрочкой платежа, мошенник сообщал, что необходимо уплатить первоначальный взнос, а остальные взносы платить не нужно, т.к. через год задолженность аннулируется;

– в качестве предлога мошенником использовалась информация о необходимости оформить приобретение товара в рассрочку для «одного заказчика», который будет вносить платежи самостоятельно;

– при оформлении договора товарного кредита мошенник убеждал потерпевшего, что договор никаких правовых последствий для последнего не влечет[1].

Криминологическое значение имеет дифференциация ситуаций, которые сложились, в зависимости от характера и содержания поведения жертвы, а также отношения жертвы к исходным обстоятельствам. В первом случае различают толчковые ситуации, в основе которых лежат провокации; толчковые ситуации, обусловленные позитивным поведением; ситуации, создающие возможность совершения преступления; замкнутые ситуации (ситуации причинения вреда самому себе); нейтральные ситуации. Во втором случае выделяют выбранные ситуации, характеризующиеся

[1] Архив суда Ленинского района г. Бреста. Уголовное дело № 1-14/13.

осознанным включением жертвы в механизм событий, и невыбранные ситуации, в которых включение жертвы в обстоятельства осуществляется помимо ее воли[1].

Среди личностных качеств большинства жертв мошенничества выделяют легковерность и некритичность, а в 42,5% — корысть, жадность, эгоистичность[2]. Противоправные действия преступника нередко детерминированы неосмотрительным, легкомысленным поведением жертвы. На наш взгляд, существенными факторами виктимности физических лиц являются: состояние алкогольного либо наркотического опьянения, неопытность, самонадеянность, переутомление, замедленная реакция (особенности темперамента), низкий уровень образования.

Криминологическая оценка личности жертвы мошенничества будет полной и объективной при условии выявления роли и значения поведения жертвы в создании виктимогенной обстановки, понимаемой как «жизненная ситуация, складывающаяся в связи с личностными качествами и поведением потенциальной жертвы, когда возникает возможность преступного причинения ей физического, имущественного или морального вреда»[3]. Изучение личностных особенностей жертв мошенничества (физических лиц) с учетом морально-психологических, социальных и иных качеств, их поведения, а также роли в создании виктимогенной обстановки позволяет выделить следующие типы жертв мошенничества в товарно-кредитной сфере.

Потенциальные (провоцирующие) жертвы — лица, виктимность которых обусловлена их образом жизни и моделью поведения, как правило, негативной. Данный тип жертв наиболее характерен для товарно-кредитного мошенничества. Как справедливо отмечают криминологи, жертва и преступник незначительно отличаются, «их общение основано на совпадении примитивных, ущербных интересов и форм проведения свободного времени»[4]. Такие жертвы своими действиями создают наиболее благоприятную обстановку для совершения в отношении них мошенничества. Их поведение является провоцирующим, а к условиям, облегчающим совершение хищения, следует отнести нахождение потерпевшего в состоянии алкогольного опьянения или наркотического возбуждения. Анализ материалов уголовных дел о мошенничестве в товарно-кредитной сфере подтверждает, что 30% потерпевших на момент совершения в отношении них преступления находились в состоянии алкогольного опьянения. Для лица, совершающего мошенничество в товарно-кредитной сфере, внешний вид, поведение жертвы создают «внешнюю привлекательность», зачастую становятся толчком для совершения

---

1 Вандышев В. В. Характеристика виктимологических исследований в государствах Содружества.

2 Ривман Д. В. Виктимология. С. 123.

3 Романов В. В. Криминальная виктимология и виктимологическая профилактика. С. 357.

4 Солодовников С. А. Преступные посягательства на собственность. С. 66.

преступления. Так, из протоколов допроса обвиняемых в совершении товарно-кредитного мошенничества следует, что преступники целенаправленно подбирали потенциальных жертв среди лиц, злоупотребляющих алкоголем, с которыми в одно и то же время ежедневно можно встретиться у продовольственного магазина для совместного распития спиртных напитков. Такие лица быстрее шли на контакт, поскольку основным способом манипулирования (убеждения) являлось предложение заработать деньги для приобретения спиртных напитков. В некоторых случаях мошенники, воспользовавшись состоянием сильного алкогольного опьянения, в котором находились жертвы, завладевали их паспортами, с использованием которых были заключены кредитные договоры[1].

Следующий тип — случайные (ситуационные) жертвы мошенничества в товарно-кредитной сфере, поведение которых следует определить как нейтральное, так как активный выбор осуществляет мошенник, а поведение жертвы лишь дает объективную возможность совершения мошенничества, но не имеет толчкового характера. В отношении случайных, или ситуационных, жертв применялись такие способы манипуляции, как обещание денежного вознаграждения, предоставление в будущем высокооплачиваемой работы. Потерпевшие такого типа отмечают, что мошенник «уговорил» приобрести товар по договору товарного кредита, обещая при этом вознаграждение. Следует отметить, что, как правило, мошенник подыскивал жертв такого типа через своих знакомых. Однако основным способом убеждения таких жертв являлось обещание уплачивать ежемесячные платежи вместо жертвы-кредитополучателя по договору товарного кредита.

Инициативные жертвы становятся таковыми, желая удовлетворить свои потребности любым способом, даже незаконным. Поведение следует характеризовать как не просто негативное, а зачастую преступное. В ряде случаев инициативные жертвы мошенничества, узнав от знакомых о возможности заработка, сами звонили мошеннику с предложением заключить договор от собственного имени с целью получения заработка[2].

Пассивные (некритичные) жертвы мошенничества являются излишне доверчивыми в силу психологических или иных особенностей (престарелые, лица с психическими заболеваниями, а также лица, имеющие низкий интеллектуальный и образовательный уровень). Их поведение следует охарактеризовать как положительное. Так, мошенник уговаривал жертв заключить договоры товарного кредита, воспользовавшись тем, что данные лица не способны правильно понимать характер и значение совершаемых действий, а также правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для заключения договоров.

---

1 Архив суда Ленинского района г. Гродно. Уголовное дело № 11015041377/1-235.
2 Архив суда Ленинского района г. Гродно. Уголовное дело № 11015041377/1-235.

По результатам изученных материалов уголовных дел нами выявлено, что среди жертв мошенничества 26% составляют женщины. Это объясняется гендерными и иными особенностями (состояние в браке, занятость трудовой деятельностью, уровень образования, размер дохода). Возрастная структура жертв мошенничества представлена следующим образом: 17–18 лет — 4%, 19–20 лет — 7%, 21–25 лет — 17%, 26–30 лет — 11%, 31–35 лет — 15%, 36–40 лет — 15%, 40–50 лет — 26%, свыше 50 лет — 5%. Образовательный уровень жертв мошенничества (физических лиц) невысокий: базовое образование имеют 5% потерпевших, неполное среднее — 7%, среднее — 41%, среднее специальное — 45%, высшее — 2%.

В 87% случаев совершенного мошенничества потерпевшие были знакомы с виновными, т.е. доверили свое имущество лицам, с которыми состояли в дружеских или приятельских отношениях. Среди жертв мошенничества родственники мошенников составили 10%, друзья, соседи, знакомые — 75%, наглядно знакомые — 15%.

По материалам изученных уголовных дел о мошенничестве нами составлен криминологический портрет жертвы мошенничества. Это преимущественно гражданин Республики Беларусь, лицо мужского пола (74%), в возрасте от 40 до 50 лет, со средним либо средним специальным образованием, безработный (не учащийся) (35%) либо имеющий рабочую специальность (52%), состоящий в браке (87%), ранее не судимый (90%).

ОСОБЕННОСТЬЮ МОШЕННИЧЕСТВА В ТОВАРНО–КРЕДИТНОЙ СФЕРЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТО, ЧТО ПОТЕРПЕВШИМИ НАРЯДУ С ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ЯВЛЯЮТСЯ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА

Особенностью мошенничества в товарно–кредитной сфере является то, что потерпевшими наряду с физическими лицами являются и юридические лица. Предметом посягательства мошенников в 47% случаев явились кредитные средства банка, в 53% случаев товары, приобретенные в рассрочку. Имущественный вред был причинен собственнику, которым являлось: торговое предприятие — 47%, физическое лицо (гражданин) — 28%, банк — 25%.

Достаточно давно ведутся споры о возможности и необходимости признания юридического лица потерпевшим от преступления. В соответствии с уголовно–процессуальным законодательством Республики Беларусь потерпевшим признается физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим[1] (ст. 49). При расследовании уголовных дел юридическое лицо, в соответствии с уголовно–процессуальным законодательством, не признается потерпевшим от товарно–кредитного мошенничества. Однако при совершении мошенничества в

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

товарно-кредитной сфере имущественный вред причиняется в большинстве случаев именно юридическому лицу. В правоприменительной практике складывается парадоксальная ситуация, когда фактически потерпевшим от мошенничества является юридическое лицо, а следственные органы выносят постановление о признании представителя такого юридического лица в качестве свидетеля.

В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ ПАРАДОКСАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ, КОГДА ФАКТИЧЕСКИ ПОТЕРПЕВШИМ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА ЯВЛЯЕТСЯ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО, А СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ ВЫНОСЯТ ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПРИЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТАКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЯ

Так, по материалам одного из уголовных дел о товарно–кредитном мошенничестве обвиняемый путем обмана представителя ЗАО уговорил своего знакомого заключить договор о покупке мобильного телефона с рассрочкой платежа, заранее не намереваясь выполнять принятые на себя обязательства по погашению рассроченного платежа. Завладев мобильным телефоном, обвиняемый распорядился им по своему усмотрению. В данной ситуации обманные действия совершены как в отношении знакомого, который от своего имени заключил договор купли–продажи с рассрочкой платежа, так и в отношении ЗАО, чьим имуществом в результате мошеннических действий завладел потерпевший. В соответствии с условиями заключенного договора, по истечении 12 месяцев товар переходит в собственность покупателя (абонента)[1]. Следовательно, фактически потерпевшими являются как физическое лицо, которое вынуждено уплачивать рассроченную сумму платежа, так и юридическое лицо, имущество которого похищено. Следуя нормам уголовно–процессуального законодательства, в целях защиты имущественных прав ЗАО этого субъекта (юридическое лицо) уголовно–процессуальных правоотношений можно признать только гражданским истцом при условии подачи в ходе производства по уголовному делу искового заявления и вынесении постановления (определения) о признании его гражданским истцом.

Уголовно–процессуальная защита прав и законных интересов потерпевших посредством гражданского иска в уголовном процессе направлена на устранение гражданско–правовых последствий преступления[2]. Однако следует согласиться с мнением, что «нельзя участие юридического лица сводить к участию в деле лишь в качестве гражданского истца»[3]. Следует отметить, что предъявление гражданского иска в уголовном процессе — это право, а не обязанность участников, что влияет на практику расследования уголовных дел о товарно–кредитном мошенничестве.

---

1 Архив суда Ленинского района г. Гродно. Уголовное дело № 14125210491/1-334.

2 Пыталев Р. М. Гражданский иск в уголовном процессе: предъявление, доказывание, рассмотрение. С. 8.

3 Мытник П. В. Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса. С. 7.

Представитель юридического лица не всегда предъявляет гражданский иск в уголовном процессе, т.к. в случае признания обвиняемого виновным последний в большинстве случаев не имеет возможности возместить материальный ущерб. В большинстве случаев представитель юридического лица в порядке гражданского судопроизводства предъявляет иск непосредственно к лицу, с которым ЗАО заключило договор купли–продажи, и по решению суда взыскивает сумму задолженности и неустойку.

Считаем необходимым применение криминологического термина «жертва» мошенничества как по отношению к физическим, так и юридическим лицам. В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Организацией Объединенных Наций 29 ноября 1985 года, под термином «жертвы» понимаются лица, которым причинен физический, материальный или моральный вред (ущерб) в результате действия или бездействия, нарушающего уголовный закон[1].

Юридическое лицо, являясь жертвой мошенничества в товарно–кредитной сфере, в то же время не признается субъектом уголовно–процессуальных правоотношений при расследовании уголовных дел о мошенничестве, являясь при этом субъектом административных, административно–процессуальных, гражданских, гражданско–процессуальных и хозяйственно–процессуальных отношений. Это приводит к нарушению системности права, принципов уголовного и уголовно–процессуального права. Нормы уголовно–процессуального законодательства следует актуализировать и привести в соответствие с состоянием и динамикой преступности в целом и отдельных видов (групп) преступлений.

Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации признает юридическое лицо потерпевшим наряду с физическим лицом. В соответствии со ст. 42. УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда[2].

Считаем спорным мнение о том, что «юридическое лицо признается потерпевшим при наличии оснований полагать, что ему запрещенным уголовным законом деянием мог быть причинен моральный или имущественный вред»[3]. Моральный вред, в соответствии с гражданским законодательством Республики Беларусь, предполагает причинение физических или нравственных страданий гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие

1 О концепции защиты жертв преступной деятельности.
2 Уголовный кодекс Российской Федерации.
3 Мытник П. В. Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса. С. 15.

гражданину другие нематериальные блага, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством. В связи с этим причинение морального вреда юридическому лицу невозможно, однако противозаконными действиями возможно причинение вреда деловой репутации юридического лица.

Фактором повышения уровня виктимности кредитодателей–юридических лиц в товарно–кредитной сфере, по нашему мнению, является стремление к получению максимальной прибыли за счет увеличения объемов кредитования даже с повышением кредитных рисков. Виктимности юридических лиц способствуют формальный подход к проверке кредитоспособности кредитополучателей, несоблюдение норм законодательства, регулирующего банковские кредитные операции и торговлю товарами в кредит.

В связи с наличием пробелов в действующем законодательстве, создающих трудности в правоприменительной практике, в частности при расследовании дел о мошенничестве, следуя принципу системности права, стоит адаптировать нормы уголовно–процессуального законодательства и внести изменения, устанавливающие процессуальную возможность признать юридическое лицо потерпевшим. Считаем необходимым внести изменения в Уголовно–процессуальный кодекс Республики и предлагаем изложить ст. 49 УПК Республики Беларусь в следующей редакции: «Потерпевшим признается физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим, а также юридическое лицо, которому причинен имущественный вред или вред деловой репутации и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим».

Исследование судебной практики и статистических данных о динамике и состоянии мошеннической преступности позволяет выделить мошенничество в товарно–кредитной сфере в качестве самостоятельного вида преступления, наносящего существенный ущерб товарно–кредитным отношениям, нарушающего имущественные права и интересы государства, физических и (или) юридических лиц. Данный вид мошенничества имеет тенденцию к динамичному росту и гиперлатентности, приобретает рецидивный характер.

Жертвами мошенничества в товарно–кредитной сфере являются: юридические лица (банки, торговые предприятия); физические лица — граждане (лица, не осведомленные о преступных намерениях мошенника, с помощью которых он путем обмана завладевает имуществом юридического лица, причиняя при этом имущественный вред как юридическому лицу, так и гражданину).

Список использованных источников

1. *Архив суда Ленинского района г. Бреста. — Уголовное дело № 1–14/13.*
2. *Архив суда Ленинского района г. Гродно. — Уголовное дело № 11015041377/1–235.*
3. *Архив суда Ленинского района г. Гродно. — Уголовное дело № 14125210491/1–334.*
4. *Барановский, Н. А. Введение в виктимологию: учеб–метод пособие / Н. А. Барановский. — Минск: «БИП–С», 2002. — 120 с.*
5. *Бранчель, И. И. Общая характеристика состояния и динамики преступности в Республике Беларусь по категориям преступлений / И. И. Бранчель, О. В. Благаренко // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — Минск, 2010. — Вып. 2/28. — С. 37–47.*
6. *Вандышев, В. В. Характеристика виктимологических исследований в государствах Содружества / В. В. Вандышев // Правоведение. — 1993. — № 6. — С. 114–117.*
7. *Васильев, В. Л. Юридическая психология / В. Л. Васильев. — СПб.: Питер Пресс, 1997. — 656 с.*
8. *Мытник, П. В. Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / П. В. Мытник; Академия МВД РБ. — Минск, 2001. — 19 с.*
9. *О концепции защиты жертв преступной деятельности: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 января 2006 г., № 74 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь от 26 января 2006 г. — № 5/17152.*
10. *Пыталев, Р. М. Гражданский иск в уголовном процессе: предъявление доказывание, рассмотрение / Р. М. Пыталев. — Минск: Амалфея, 2003. — 240 с.*
11. *Ривман, Д. В. Виктимология / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. — СПб.: «Юридический центр Пресс», 2002. — 332 с.*
12. *Романов, В. В. Криминальная виктимология и виктимологическая профилактика / В. В. Романов // Борьба с преступностью в Беларуси: научные основы и концептуальные решения. — Минск: Право и экономика, 2005. — 403 с.*
13. *Солодовников, С. А. Преступные посягательства на собственность / С. А. Солодовников // Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям (12.00.08) «Уголовное право и криминология» и «Уголовно-исполнительное право». — Москва: ЮНИТИ–ДАНА, 2005. — 128 с.*
14. *Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г., № 295–З [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изм и доп. в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 417–З // Национальный правовой Интернет–портал Респ. Беларусь. — Режим доступа: http://www.pravo.by. — Дата доступа: 21.07.2012.*
15. *Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г., № 275–З [Электронный ресурс]: принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. — Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900275#load_text_none_1_. — Дата доступа: 13.07.2015.*
16. *Уголовный кодекс Российской Федерации: 18 декабря 2001 г., № 174–ФЗ [Электронный ресурс]: принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 г. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/upkrf/11_7.html#p791. — Дата доступа: 13.07.2015.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 18.04.2016.

УДК 3

Я. В. Бардашевич

СТАТУС ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА

Бардашевич Яна Валерьевна *— соискатель Частного учреждения образования «БИП-Институт правоведения», магистр юридических наук, ведущий специалист сектора по уголовным делам Витебского областного суда. Область научных интересов: семейное право, конституционное право. Автор 30 научных публикаций.*

Введение

Особенности правового статуса эмбриона человека, определение значимости и места в правовой системе пока еще не родившегося ребенка — как на уровне восприятия общественности, так и на законодательном — могут быть урегулированы посредством постоянного научно-теоретического и практического совершенствования отечественного и зарубежного опыта в данной сфере[1]. Отсутствует четкое представление о ценностной значимости эмбриона человека, до настоящего момента не разработана база понятийного аппарата, не обеспечена государственная защита жизни ребенка на дородовой стадии его развития, и нет ни положительного, ни отрицательного конкретного законодательного закрепления правового статуса человеческого эмбриона[2]. Содержательная сторона вопроса относительно статуса эмбриона человека в обществе и праве рассматривается только через призму разработанных теоретических концепций, отразившихся и на практике: абсолютистской, либеральной и умеренной.

[1] Аборт как этическая проблема.

[2] Перевозчикова Е. В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека.

Основная часть

Научно-практическая сторона рассматриваемой проблемы видится в необходимости защиты жизни и достойного развития пока еще не родившегося ребенка. При этом говорить о единственно верном избранном решении относительно статуса эмбриона человека в обществе и праве не приходится, так как проблема носит масштабный характер. Имеет смысл говорить о том, какие существуют точки зрения относительно решения данного вопроса. Если попытаться решить проблему с точки зрения наибольшей защищенности эмбриона человека, то уместно считать, что единственно верное и безошибочное решение отражено только в абсолютистской концепции, согласно которой развивающийся эмбрион уже признается человеком[1]. Если определять статус эмбриона человека с точки зрения оптимального положения не для ребенка, а для женщины, уместно применить либеральный подход, согласно которому категорически отрицается факт какой-либо жизни до момента рождения[2]. Следовательно, эмбрион человека считается еще не признанным никем так называемым существом, которое не может до момента рождения именоваться человеком[3]. Такая идея предоставляет любой женщине свободное право на искусственное прерывание беременности, невзирая на тот факт, что при осуществлении аборта прерывается и новая жизнь будущего человека. Однако следует обратить внимание на разносторонность и неоднозначность мировоззренческого подхода к вопросу о правовом статусе эмбриона человека. Не все будущие матери считают аборт приемлемым и одобряют сформировавшиеся современные идеи о так называемой «жизни для себя и собственных интересов»[4]. Если женщина отрицательно относится к прерыванию беременности, отождествляя такие действия не с медицинской услугой, а с противоправным лишением жизни будущего человека, то рационально считать, что разработанная либеральная концепция будет невыгодной не только для эмбриона человека, но и для самой матери. Следовательно, можно сделать вывод, что в обществе и на законодательном уровне вопрос об эмбрионе человека может иметь двойственный характер, вплоть до невозможности однозначного решения. Данную ситуацию отражает либеральная научно-теоретическая концепция, в которой правовой статус эмбриона человека зависит от мировоззрения женщины[5]. По общим основаниям высокая степень свободы закрепляется только за либеральной позицией, согласно которой допустимо производить прерывание беременности без учета каких-либо моральных и биологических особенностей развития эмбриона человека, в то время как сам эмбрион человеком не признается[6]. Однако следует

1 Проблемы определения статуса эмбриона.
2 Право на жизнь и правовой статус эмбриона человека.
3 Медицинский словарь.
4 Периоды родов и их течение.
5 Зайцева А. М. Жизнь человека как объект конституционно-правового регулирования.
6 Литвинцева (Бардашевич) Я. В. К вопросу о ценности эмбриона человека. С. 229.

заметить, что либеральная позиция определения правового статуса эмбриона человека зависит не только от устоявшейся идеи своевольного отношения к будущему человеку, но и от отношения самой женщины к беременности и родам, к воспитанию будущего поколения. Если женщина, будучи сторонницей либерального подхода, на определенном этапе своей жизни поддержит идею о том, что аборт является противоправным умышленным действием против жизни человека, то никакие иные убеждения не смогут повлиять на ее решение родить ребенка. Таким образом, не исключается возможным существование и таких ситуаций, когда приверженцы либеральной концепции становятся сторонниками абсолютистского подхода. Имеется и обратная сторона рассматриваемой ситуации, когда абсолютистская идея перестает играть главенствующую роль в жизни ее приверженцев. Например, те субъекты права, которые всячески пытались поддержать так называемые благосклонные идеи, выступали в защиту жизни эмбриона человека, могут, столкнувшись с реальной ситуацией в своей жизни, отказаться от ранее поддерживаемых взглядов. В таком случае имеет место преобразование идеи абсолютистского подхода в либеральный подход. Вопрос уже ставится не о том, какая идея возымеет главенствующее значение, а о том, насколько четко и устойчиво каждым членом общества будет сформирована для себя та или иная идея, касающаяся вопроса об абортах, защите жизни эмбриона человека. Признанная концепция должна быть не только одобрена, но и пережита, осознанно воспринята и допущена субъектом права к практическому руководству в своей жизни. Если субъектом права поддерживается только абсолютистская точка зрения, то с практической стороны в личной жизни прерывание беременности недопустимо. Независимо от того, удобна данная беременность в наступивший период времени или нет, сторонник избранной концепции должен оставаться истинным ее приверженцем.

Умеренная (градуалистическая) концепция является преобразующей в вопросе установления статуса эмбриона человека, так как осуществляется переход от либерального подхода к абсолютистскому направлению[1]. Специфика именно такой идеи в неопределенной позиции относительно значимости жизни пока еще не рожденного ребенка. То, что данная концепция не имеет своего однозначного решения (даже между приверженцами данного подхода), уже вызывает сомнения в устойчивости такого научно-теоретического направления. Идею сторонников умеренного подхода можно изложить как полузащиту жизни эмбриона человека: факт зачатия не представляет никакой ценности, в то время как достижение определенного периода дородового развития уже значимо и подпадает под защиту в целом. Непостоянство этой концепции объясняется тем, что ее создатели не могут четко обосновать и установить для себя непоколебимые идеи, подлежащие полному

[1] Литвинцева (Бардашевич), Я.В. К вопросу о ценности эмбриона человека. С. 230.

подтверждению и соблюдению. Умеренная концепция по своей природе двойственна. С одной стороны, можно допустить, что такой подход не несет никакой практической значимости; с другой стороны, уместно предположить, что данная концепция есть исключение для двух четко сформированных позиций: либеральной и абсолютистской. Изначально главенствует либеральная идея, не придающая ценности факту зачатия ребенка, затем верховенство приобретает абсолютистская идея, наделяющая значимостью дородовую жизнь. В свою очередь, в результате перехода от либеральной идеи к абсолютистской не сформированы четкие сроки, определяющие период защиты жизни эмбриона человека. Временной интервал, начиная с которого может осуществляться защита пока еще не родившегося ребенка, сторонниками умеренного подхода определяется неоднозначно, то есть в рамках одной концепции не было достигнуто согласие между ее авторами. Минимальные сроки достигали четырнадцати недель после зачатия, максимальный же срок был установлен в тридцать недель. Такого рода позиция демонстрирует, что как таковой надлежащей защиты в целом не существует, так как отсутствует единство идей даже в рамках одной концепции. Существующие исключения в любом правиле всегда приводят к ошибкам, допущенным не только теми субъектами права, которые руководствуются разработанными стандартами, но и непосредственно создателями.

Значение имеет избранная женщиной позиция о моменте наступления правоспособности у человека. Если эта позиция сводится к тому, что правоспособность человека наступает с момента рождения, согласно белорусскому законодательству[1], искусственное прерывание беременности будет расценено как медицинская услуга. Иная позиция предусматривает критичное отношение к абортам и приверженность идее о том, что правоспособность человека должна возникать с момента зачатия. Абсолютистский подход импонирует автору своей представительностью и однозначным решением в пользу новой жизни будущего человека.

ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЕТ ИЗБРАННАЯ ЖЕНЩИНОЙ ПОЗИЦИЯ О МОМЕНТЕ НАСТУПЛЕНИЯ ПРАВОСПОСОБНОСТИ У ЧЕЛОВЕКА

Автором при раскрытии содержательной стороны вопроса о статусе эмбриона человека в обществе и праве с учетом отдельных исключительных моментов была разработана совершенно новая гипотетическая система защиты жизни эмбриона человека, которая отражена в таблице 1.

Данное нововведение состоит из следующих гипотез: ценностной, временной, конфликтной, дестабилизирующей, социальной и консервативной. Смысл ценностной гипотезы отражает ее название: уже с момента зачатия эмбрион человека обладает безусловной социально-правовой значимостью, следовательно, наделяется правом на жизнь. Ценностная гипотеза — это и есть та

[1] Гражданский кодекс Республики Беларусь.

же абсолютистская теория, с той лишь разницей, что ценностная гипотеза не существует сама по себе, обособленно, как абсолютистская, а составляет один из элементов единой гипотетической системы. Если абсолютистский подход касается вопроса только права эмбриона человека на рождение, то ценностная гипотеза закрепляет за матерью еще и обязанность надлежащим образом осуществлять заботу за рожденным ребенком.

Консервативная гипотеза аналогична либеральному подходу и не признает значимость еще не рожденного ребенка. Выдвигается идея о том, что правовая защищенность может наступить только у рожденного ребенка.

Временная гипотеза наподобие умеренного подхода обеспечивает защиту жизни человеческому эмбриону только при достижении определенной стадии его развития. Однако и здесь была выявлена своя специфика, заключающаяся в точном определении сроков, при достижении которых посягательство на жизнь недопустимо. Названные сроки отличаются для зародышевого, эмбрионального и новообразовательного подходов, отраженных на рис. 1.

Зародышевый (первичный) подход устанавливает срок защиты права на жизнь с двух недель после непосредственного зачатия ребенка. Отличие зародышевого подхода от ценностной гипотезы и абсолютистской теории выражается в следующем: при зародышевом подходе защита права на жизнь зачатого ребенка осуществляется с двух недель его внутриматочного развития, ценностная же гипотеза и абсолютистская теория предполагают

Таблица 1.
Гипотетическая система защиты жизни эмбриона человека.

Гипотетическая система защиты жизни эмбриона человека		
Ценностная гипотеза	жизнь эмбриона человека защищается	аборт не осуществляется
Временная гипотеза	жизнь эмбриона человека защищается на определенном временном интервале	аборт осуществляется после достижения конкретного срока
Конфликтная гипотеза	жизнь эмбриона человека защищается, после рождения дополнительно создаются гарантии	аборт не осуществляется
Дестабилизирующая гипотеза	жизнь эмбриона человека защищается, исключение составляют случаи какого-либо серьезного заболевания	аборт осуществляется при серьезных заболеваниях
Социальная гипотеза	жизнь эмбриона человека защищается, исключение составляют случаи какого-либо серьезного заболевания или беременности в результате изнасилования	аборт осуществляется при серьезном заболевании или при изнасиловании
Консервативная гипотеза	эмбрион человека защите не подлежит	аборт осуществляется в любое время

защиту жизни будущего человека уже непосредственно с момента его зачатия. До двух недель с момента зачатия, согласно зародышевому подходу, жизнь ребенка может быть прервана. Благодаря современным медицинским технологиям у любой забеременевшей женщины имеется возможность установить факт зачатия ребенка до двухнедельного периода. Сложности возникают лишь с тем, что не всегда женщина, не планирующая и не желающая заводить детей, сама может предположить о своей беременности.

Следующий подход — эмбриональный, четко регламентирующий, что жизнь эмбриона человека может быть защищена только с восьминедельного периода, после двух месяцев прерывание беременности не допускается. И завершающий подход — новообразовательный, или предноворожденный. В рамках новообразовательного подхода производить аборт разрешено до двадцати четырех недель (до шести месяцев) беременности. Как правило, этот подход делает эмбрион человека практически бесправным.

Конфликтная гипотеза, отраженная на рис. 2, разработана автором для лиц, не достигших совершеннолетия и находящихся в затруднительном социально-экономическом положении, а также для лиц, которые столкнулись с особыми жизненными обстоятельствами. Сама гипотеза основана на идеях, согласно которым прерывание беременности недопустимо, в этом проявляется ее сходство с ценностной гипотезой. Отличительной особенностью конфликтной гипотезы от иных теорий, также выступающих в защиту жизни эмбриона человека, являются отдельно взятые случаи, когда рожденный ребенок может быть на постоянной или временной основе оставлен на воспитание и содержание государству. Итак, гипотеза была выделена, исходя из двух обстоятельств: несовершеннолетие беременной и сложная жизненная ситуация. Для первого случая — несовершеннолетие беременной — было разработано три теории: материнства, отцовства и родительская теория.

Теория материнства имеет такое название, потому что фигурирующим субъектом здесь выступает мать, не достигшая

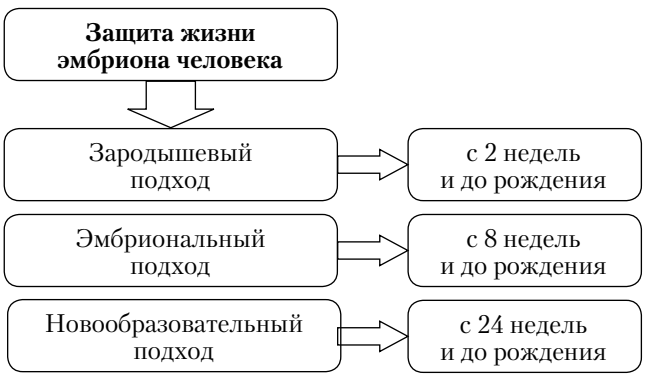


Рисунок 1.
Временная гипотеза защиты жизни эмбриона человека.

совершеннолетия, и судьба ее ребенка зависит от ряда жизненных событий, а также от личного отношения роженицы к детям и семье. В указанной теории возможны различные варианты развития событий, зависящие непосредственно от самой матери. Согласно общему правилу, если совершеннолетние лица (родители матери новорожденного) отказываются взять на воспитание рожденного от несовершеннолетней матери ребенка, он остается на государственном обеспечении до достижения матерью восемнадцатилетнего возраста. За биологической матерью сохраняется право на то, чтобы ребенок знал, кто является его настоящими родителями, право принимать участие в воспитании ребенка, проводить с ним время в выходные и иные свободные от учебы дни. По достижении совершеннолетия мать должна доказать свою готовность к воспитанию ребенка, подтверждением ее является устойчивое социально-экономическое положение и следование нравственным принципам.

Возможны и такие ситуации, когда рожденный ребенок остается на государственном обеспечении без права возврата его биологической матери, с возможностью его усыновления иными совершеннолетними лицами, имеющими белорусское гражданство. Причиной такой ситуации может быть фактический отказ генетической матери от своего ребенка, но только по достижении совершеннолетия. Если письменный отказ поступил от несовершеннолетней матери, он носит временный характер, и по достижении совершеннолетия у матери рожденного ребенка уточняется, изменилось ли ранее предъявленное ей решение.

В рамках теории материнства действует исключение, согласно которому рожденный несовершеннолетней матерью ребенок может быть изначально передан ей на воспитание при условии, что ее финансовое положение стабильно и гарантированы все условия его благополучного развития.

Теория отцовства получила свое название согласно приоритетному положению, закрепленному за фактическим отцом ребенка, если мать по каким-либо причинам не в состоянии воспитывать

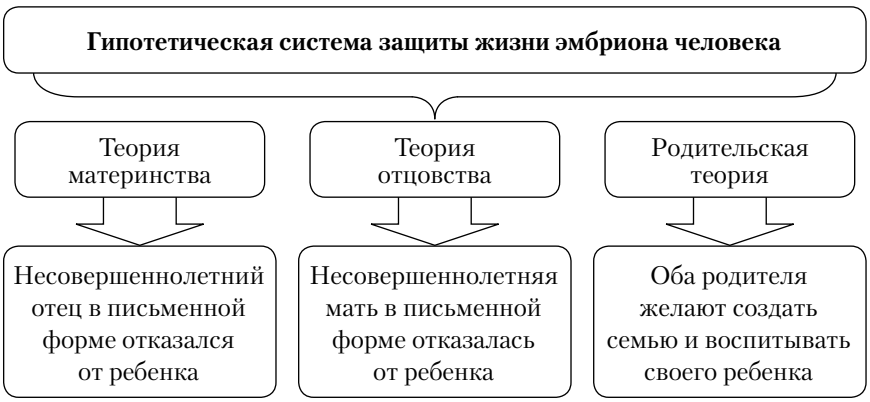


Рисунок 2.
Объект конфликтной гипотезы — несовершеннолетние родители.

ребенка или в целом отказалась от него в письменной форме. Данные научно-концептуальные идеи также, как и в рамках теории материнства, опираются сугубо на ряд вариативных событий. Первый вариант предполагает следующее: рожденный ребенок остается на государственном обеспечении по достижении фактическим отцом ребенка совершеннолетия. За ним сохраняется бесспорное право на то, чтобы уведомить ребенка, что он его отец, право принимать участие в воспитании ребенка, проводить с ним время в выходные и иные свободные от учебы дни. Если по достижении совершеннолетия отец ребенка докажет свою способность — социально-экономическую и нравственную — воспитывать ребенка, то ребенок передается отцу при условии, что мать изначально отказалась от создания семьи с данным мужчиной и имеется письменный отказ от ребенка.

Содержание второго варианта следующее: ребенок остается на государственном обеспечении без права возврата его генетическому отцу с возможностью его усыновления иными совершеннолетними лицами, имеющими белорусское гражданство. Причиной такой ситуации может быть фактический отказ отца от своего ребенка, но только по достижении совершеннолетия. До достижения отцом совершеннолетия его письменный отказ считается временным. Когда отцу исполнится восемнадцать лет, уточняется, изменилось ли ранее предъявленное решение.

В порядке исключения рожденный от несовершеннолетнего отца ребенок может быть изначально передан на воспитание биологическому отцу, если последний имеет постоянное место работы и его материальное положение позволяет содержать и воспитывать ребенка. Данные действия осуществимы только при наличии письменного отказа биологической матери от своего ребенка.

Третья концепция, получившая название **родительская теория**, обусловлена тем, что важнейшую роль при определении судьбы рожденного ребенка играют оба несовершеннолетних родителя. Названная теория, аналогично двум рассмотренным выше, носит разносторонний характер, обусловленный множеством вариантов развития событий. Первый вариант предполагает, что рожденный ребенок остается на государственном обеспечении по достижении его биологическими родителями или одним из них совершеннолетия, если в дальнейшем соответствующие лица намереваются создать семью. Сохраняется право на общение с ребенком, посещение его в воспитательном учреждении, принятие активного участия в воспитании ребенка. Если по достижении совершеннолетия родители или один из них докажут свою готовность к воспитанию ребенка, то последний передается в созданную семью.

Исключением в родительской теории является случай, когда рожденный от несовершеннолетних родителей ребенок может быть изначально передан на воспитание в семью в случае, если данная семья характеризуется как духовно состоявшаяся и материально обеспеченная.

Существенная разница между имеющимися теориями видится в том, что материнская теория разработана для тех ситуаций,

когда отец по каким-либо причинам не желает создавать семейный союз или имеется обоюдное согласие родителена такое решение. Теория же отцовства реализуется на практике только тогда, когда единственным родителем новорожденного является фактический отец. Причины могут быть самые разнообразные: письменный отказ матери от ребенка или иные варианты, при которых младенец остается без матери. Родительская теория применима как к одному, так и ко второму несовершеннолетнему родителю, в результате их обоюдной договоренности о создании семьи устанавливаются обязательства в отношении их ребенка.

Конфликтная гипотеза, отраженная на рис. 3, касается особых обстоятельств, к которым следует отнести смерть одного из родителей. Если в результате родов мать ребенка умерла, то последний должен быть передан родственникам матери или же в семью отца ребенка на воспитание с правом получения ежемесячной государственной материальной помощи ввиду отсутствия одного родителя, в размере не ниже прожиточного минимума на день обращения за такой помощью. В ситуации, когда ребенка берут на воспитание в семью умершей матери, фактический отец сохраняет право на общение с ребенком и бесспорное обязательство оказания материальной помощи в размере не ниже прожиточного минимума ежемесячно. Таким образом, та семья, которая воспитывает ребенка, ежемесячно получает от государства и другого родителя денежные средства по совокупности в двукратном размере прожиточного минимума.

Если у новорожденного ребенка отец умер или признан безвестно отсутствующим или умершим, обязанности по воспитанию и содержанию ребенка возлагаются на его мать, которая на общих основаниях получает от государства соответствующую ежемесячную материальную помощь. В случае, если мать является несовершеннолетней, учитывается ее социально-экономическая, психологическая и нравственная готовность взять рожденного

Рисунок 3.
Направление конфликтной гипотезы — особые обстоятельства.

ребенка на воспитание. Если несовершеннолетняя мать изъявит сильное желание самостоятельно воспитывать своего ребенка и докажет хотя бы с психологической и нравственной стороны, что у нее имеются на то все основания, ребенок может быть передан ей на воспитание. Одновременно выплачивается ежемесячная материальная помощь до достижения ребенком пятилетнего возраста в размере не ниже двукратного прожиточного минимума.

Дестабилизирующая гипотеза учитывает состояние здоровья матери и ее будущего ребенка, в частности следующие варианты:

– беременность предполагает рождение ребенка с определенными аномалиями;

– беременность предполагает угрозу для жизни и здоровья матери;

– беременность опасна как для жизни эмбриона человека, так и для жизни роженицы.

В рамках данной гипотезы искусственное прерывание беременности не допускается, за исключением ситуаций, когда беременность является угрожающим фактором для жизни и здоровья как матери, так и эмбриона человека, и данные обстоятельства не были известны ни беременной женщине, ни ее лечащему врачу. То есть приоритетным фактором выступает отсутствие у женщины сведений о том, что ее беременность может быть опасной для ее здоровья, а также отсутствие каких-либо сведений в медицинской карточке о наличии у нее опасных заболеваний, которые могли бы негативно повлиять на вынашивание и рождение ребенка.

Социальная гипотеза включает в себя социальный, психологический и медицинский подходы. В рамках социального подхода прерывание беременности допустимо лишь при беременности, наступившей в результате изнасилования. Психологический подход предполагает, что будущие родители не готовы к отцовству и материнству, то есть признается психологическая незрелость таких лиц. В таком случае прерывание беременности не осуществляется, ребенок обязательно рождается, возможны варианты, когда при безответственном отношении родителей к будущему поколению новорожденного могут оставить на государственном обеспечении. Медицинский подход устанавливает перечень опаснейших заболеваний, которые могут стать реальной угрозой для жизни как матери, так и будущего ребенка: например, вирусный гепатит, апластическая анемия, краснуха в первые 12 недель беременности, аневризма аорты, стеноз гортани, муковисцидоз, наследственная атаксия, цирроз печени, врожденная митральная атрезия, пузырный занос. Опасность для матери и эмбриона представляют также психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ (исключая табак): синдром Меккеля-Грубера, синдром Эдвардса, синдром Патау; моносомии аутосом полные и частичные; нарушение обмена аминокислот с разветвленной цепью и обмена жирных кислот (лейциноз, органические ацидемии, адренолейкодистрофия); анэнцефалия и подобные пороки развития; голопрозэнцефалия; прозэнцефалия. На основании данных

заболеваний женщина может совершить искусственное прерывание беременности с целью спасения хотя бы собственной жизни, так как при данных диагнозах ни будущего ребенка, ни мать спасти не удается. Тем не менее, всегда имеют место исключения. Даже при опасных заболеваниях возможно сохранить жизнь не только матери, но и ребенку, однако такие случаи носят единичный характер, и предсказать их вероятность не представляется возможным.

Заключение

Предложенная гипотетическая система защиты жизни эмбриона человека, включающая в себя целый ряд научно обоснованных предположений, таких, как ценностная, временная, конфликтная, дестабилизирующая, социальная и консервативная гипотезы, является практическим механизмом обеспечения эмбриона человека гарантиями и правами. Прежде всего, это право на жизнь. Общее между перечисленными гипотезами, за исключением консервативной, видится в том, что идея любой из них — это отдельное направление, основная цель которого — установить правовое положение эмбриона человека. Содержание одних гипотез регламентирует статус эмбриона человека намного позже, чем это удается осуществить в рамках других гипотетических установок. Имеются и такие представления, согласно которым правовой статус эмбриона человека защищается с момента зачатия. Противоположными им являются кардинальные решения, согласно которым жизнь эмбриона человека не подлежит защите вовсе. Итак, из перечисленных гипотез следует выделить четыре группы: первая группа включает в себя ценностную и конфликтную гипотезы, вторая — дестабилизирующую и социальную гипотезы, третья — временную гипотезу и четвертая — консервативную гипотезу. Первая группа предполагает защиту жизни эмбриона человека с момента его зачатия, следовательно, прерывание беременности не осуществляется ни при каких обстоятельствах. Существенная разница между гипотезами первой группы видится в том, что конфликтная гипотеза учитывает такие особенности, как несовершеннолетие родителей зачатого ребенка, особые жизненные обстоятельства, которые не были предложены в пределах ценностной гипотезы. Если ценностная гипотеза обеспечивает только защиту жизни эмбриона человека, то конфликтная гипотеза в качестве дополнительного фактора предусматривает улучшение социально-экономического положения родителей. Вторая группа также предполагает защиту жизни эмбриона человека, однако предусматриваются отдельные исключительные ситуации, при которых допускается искусственное прерывание беременности. В частности, к таковым в рамках социальной гипотезы относят

ПРЕДЛОЖЕННАЯ ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ЖИЗНИ ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА, ВКЛЮЧАЮЩАЯ В СЕБЯ ЦЕЛЫЙ РЯД НАУЧНО ОБОСНОВАННЫХ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ, ЯВЛЯЕТСЯ ПРАКТИЧЕСКИМ МЕХАНИЗМОМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭМБРИОНА ЧЕЛОВЕКА ГАРАНТИЯМИ И ПРАВАМИ. ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЭТО ПРАВО НА ЖИЗНЬ

социальный подход, когда аборт производится по желанию женщины, если данная беременность наступила в результате изнасилования. В рамках дестабилизирующей и социальной гипотезы предусмотрен медицинский критерий, согласно которому беременность прерывается при наличии серьезных заболеваний, угрожающих жизни и здоровью матери. Третья группа в меньшей мере обеспечивает защиту жизни эмбриона человека, в рамках временной гипотезы действуют сроки, согласно которым устанавливается порядок защиты человеческой жизни на дородовой стадии развития. Максимальный срок обеспечения защиты жизни в рамках данной гипотезы устанавливается в зародышевом подходе — с двух недель и до момента рождения. Эмбриональный подход в большей степени ограничивает срок защиты жизни эмбриона человека — с восьми недель беременности и до момента рождения. Минимальный срок защиты жизни эмбриона человека нашел свое отражение в новообразовательном подходе, где данный период исчисляется с двадцать четвертой недели беременности.

Четвертую группу составляет консервативная гипотеза, в полном объеме отрицающая необходимость защиты права на жизнь эмбриона человека. Фактически содержание такой гипотезы сводится к возможности осуществления абортов, невзирая на срок беременности, так как именно в рамках четвертой группы разработана идея, согласно которой право на жизнь может быть только у ребенка, который родился. Консервативная гипотеза не признает значимость эмбриона человека, также как и либеральная теория. Их нетождественность проявляется в том, что консервативная гипотеза выступает одним из элементов единой гипотетической системы в отличие от либерального подхода, который выступает обособленной, самостоятельно сформировавшейся научной точкой зрения. Идеи консервативной гипотезы в рамках гипотетической системы защиты жизни и здоровья эмбриона человека одновременно получили свое частичное отражение в содержании других гипотез: временной, дестабилизирующей и социальной. Консервативные идеи в рамках временной гипотезы проявляются через призму разработанных подходов, составляющих основное содержание данного научного предположения. Например, когда допускается прерывать беременность до установленного конкретным подходом определенного срока: зародышевый подход санкционирует аборт до двух недель от момента зачатия ребенка, эмбриональный подход — до восьми недель беременности и новообразовательный — до двадцать четвертой недели беременности. Становится ясным, что несмотря на факт защиты права на жизнь эмбриона человека все же имеются иные варианты — сроки беременности, когда жизнь еще не родившегося ребенка не подлежит государственной защите. Такое тесное переплетение одной гипотезы отрицательного характера с иными научно-теоретическими взглядами, характеризующимися вариативностью в рамках рассматриваемого вопроса, может быть обусловлено их системной взаимозависимостью.

Нравственная сторона либеральной и умеренной теорий не представляют никакой значимости перед абсолютистской теорией.

Аналогично тому, как временная, дестабилизирующая, консервативная и социальная гипотезы не обладают приоритетом перед ценностной и конфликтной. По мнению автора, не должно быть никаких исключительных случаев, лишающих жизни эмбрион человека. Если на чашу весов ставить исключения и жизнь человека, приоритет должен быть отдан новой жизни.

Необходимо отметить, что предложенные гипотезы, как в принципе и разработанные теории, носят непостоянный характер, отражая искаженную действительность в современном отечественном законодательстве. Безоговорочно, что, когда не только обществом, но и законодателями будут положительно оценены идеи абсолютистского подхода (восприняты предложения ценностной и конфликтной гипотез), исчезнет практическая необходимость в существовании остальных имеющихся концепций и гипотез.

Список использованных источников

1. *Аборт как этическая проблема // Planetadisser [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://planetadisser.com/part/dis_134217.html. — Дата доступа: 23.11.2014.*
2. *Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. — Минск, 2015.*
3. *Зайцева, А.М. Жизнь человека как объект конституционно-правового регулирования: автореф. дис. .. канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.М. Зайцева; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. — Москва, 2009. — 29 с.*
4. *Литвинцева (Бардашевич), Я.В. К вопросу о ценности эмбриона человека / Я.В. Литвинцева (Бардашевич) // Актуальные проблемы современного публичного и частного права: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 9 апреля 2015 г. / Белорусский государственный университет; редкол.: Г.А. Короленок (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2015. — С. 229–230.*
5. *Медицинский словарь // Eslovar [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eslovar.com.ua/meditsinskie_terminyi/page/embrion_Embryo.9677/. — Дата доступа: 06.10.2015.*
6. *Перевозчикова, Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Е.В. Перевозчикова; Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2006. — 26 с.*
7. *Периоды родов и их течение // Medkarta [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://medkarta.com/?cat= article &id=25326. — Дата доступа: 12.11.2015.*
8. *Право на жизнь и правовой статус эмбриона человека // liveinternet [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/volodya/ post111762509/. — Дата доступа: 09.12.2015.*
9. *Проблемы определения статуса эмбриона // Articlekz [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://articlekz.com/article/6166. — Дата доступа: 07.12.2015.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 08.02.2016.

УДК 347.78

К. М. Иванец

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОДНОГО КАДАСТРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Иванец Кристина Михайловна *— магистр юридических наук, аспирант Белорусского государственного университета.*

Введение

Вода является важнейшим компонентом окружающей среды, возобновляемым, ограниченным и уязвимым природным ресурсом, который обеспечивает экономическое, социальное, экологическое благополучие населения, существование животного и растительного мира. Поэтому комплексная информация об имеющихся водных ресурсах, их правильная оценка, учитывая в том числе вредное воздействие на них, имеют решающее значение при принятии управленческих решений. Эта функция в основном реализуется как учет, т.е. систематическое осуществление органами государственного управления, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями «выявления, измерения, сбора, регистрации, интерпретации, обобщения, подготовки и предоставления необходимой для принятия решений информации и показателей»[1]. Учет водных ресурсов – необходимая предпосылка реализации функций государственного управления, поскольку последнее оптимально лишь при наличии соответствующей информации.

[1] Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 843.

Правовые аспекты ведения государственного водного кадастра неоднократно становились предметом изучения в научных работах эколого-правового характера. Так, Болгов М. В. в своих научных трудах рассматривает современные проблемы оценки водных ресурсов и водообеспечения[1]. Законодательство Республики Беларусь в области водных ресурсов и Водную рамочную директиву Европейского Союза исследует ученый Калинин М. Ю.[2], С. А. Балашенко посвятил дефиниции данного кадастра отдельную статью «Кадастр водный государственный» во 2 томе Белорусской юридической энциклопедии[3]. Однако на научном уровне правовое регулирование государственного учета водных ресурсов в Республике Беларусь фактически не анализировалось.

Основная часть

Первый Водный кодекс был принят 27.12.1972 г. Согласно ему, водный фонд на территории Республики Беларусь составляли все водные объекты в установленных границах. В настоящее время Водный кодекс Республики Беларусь составляет правовую основу управления водными ресурсами, обеспечивает условия для осуществления государственной политики в области использования и охраны водных объектов.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВОДНЫЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СОСТАВЛЯЕТ ПРАВОВУЮ ОСНОВУ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ, ОБЕСПЕЧИВАЕТ УСЛОВИЯ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье 4 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З расширяется круг объектов правоотношений, регулируемых Водным кодексом, к ним относятся: воды, водные объекты (их части), право водопользования.

Приоритетным направлением совершенствования государственного управления является реализация предусмотренных Водным кодексом Республики Беларусь механизмов. Так, согласно Водной стратегии Республики Беларусь на период до 2020 года[4], разработанной в соответствии с Водным кодексом Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 года «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь», одним из таких механизмов является ведение государственного учета и контроля за использованием и охраной водных ресурсов по количественным и качественным показателям.

Согласно статье 28 Постановления Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых

1 Болгов М. В. Современные проблемы оценки водных ресурсов и водообеспечения.
2 Калинин М. Ю. Законодательство Республики Беларусь в области водных ресурсов и Водная рамочная директива Европейского Союза.
3 Балашенко С. А. Кадастр водный государственный.
4 Водная стратегия Республики Беларусь на период до 2020 года, 11.08.2011 № 72-Р.

Государств № 27–10 «О модельном Водном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств», учет поверхностных и подземных вод представляет собой систематическое определение и фиксацию в установленном порядке количества и качества водных ресурсов, которые имеются в расположенных на данной территории водных объектах, а также в пределах районов бассейнов водных объектов[1].

В статье 70 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (далее – Закон) закреплено: юридические лица и индивидуальные предприниматели, хозяйственная и иная деятельность которых оказывает вредное воздействие на окружающую среду, в том числе экологически опасная деятельность, виды и количество выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду, виды и величина вредных физических и иных воздействий на окружающую среду подлежат государственному учету, проводимому территориальными органами Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, а также иными специально уполномоченными республиканскими органами государственного управления в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь[2].

Единая государственная система учета вод и их использования обеспечивает систематические наблюдения за режимом водных объектов и учет всех вод единого государственного фонда, обосновывает направления их рационального использования.

ТРАДИЦИОННОЙ ФОРМОЙ УЧЕТА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ЯВЛЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАДАСТР, РАССМАТРИВАЕМЫЙ КАК СИСТЕМАТИЗИРОВАННЫЙ СВОД ДАННЫХ О КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ, ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ

Традиционной формой учета в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов является государственный кадастр, рассматриваемый как систематизированный свод данных о количественных и качественных характеристиках природных ресурсов, их экономической оценке и использовании. Согласно статье 58 Водного кодекса Республики Беларусь, государственный учет водных ресурсов также ведется в виде кадастра, представляющего собой систематизированный свод данных: о водных объектах (их количестве, местоположении, площади или протяженности с учетом классификации водных объектов); о гидробиологических, гидрохимических и гидроморфологических показателях поверхностных водных объектов, об их экологическом состоянии (статусе); о водопользователях, осуществляющих использование вод на праве специального, обособленного водопользования поверхностными

[1] О модельном Водном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств.

[2] Об охране окружающей среды.

водными объектами (их частями) для хозяйственно-питьевых, гидроэнергетических нужд и нужд обеспечения обороны или праве аренды для рыбоводства (по видам и целям водопользования); об объемах добываемой (изымаемой) воды, сбрасываемых сточных вод; о запасах подземных вод; об учете добываемых подземных вод, изымаемых поверхностных вод и сточных вод, сбрасываемых в окружающую среду; о других сведениях об использовании и охране вод[1].

Важно отметить, что в новом Водном кодексе 2014 года впервые установлена норма (статья 57), регламентирующая учет вод и их использования, который совершается юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими хозяйственной и иной деятельности.

Предметом государственного водного кадастра является всестороннее изучение и оценка природных водных ресурсов, их использование по количественным и качественным показателям, регистрация права водопользования и режима хозяйственного использования вод.

Основные принципы функционирования системы государственного учета использования водных ресурсов сводятся к следующему.

Государственный учет подземных и поверхностных вод базируется на данных учета использования поверхностных и подземных вод, предоставленных водопользователями.

Отдельные водопользователи осуществляют первичный учет водопотребления и водоотведения. Согласно Постановлению Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 21 сентября 2007 г. № 75 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения первичного учета использования вод», первичному учету подлежит использование вод промышленными, строительными, транспортными, сельскохозяйственными и иными предприятиями, организациями и учреждениями, юридическими и физическими лицами (в дальнейшем – водопользователи), независимо от их ведомственной подчиненности, источников водоснабжения и приемников сточных вод[2].

Результаты учета представляют в виде отчетов по установленной форме местным органам по регулированию использования и охране вод, которые располагают вычислительными центрами и контролируют правильность ведения отчетности.

Такая организация учета и использования вод значительно упрощает обработку данных, уточняет результаты анализа использования водных ресурсов и способствует более рациональному планированию водопотребления и водоотведения. Полученные материалы используют для составления сборников основных показателей использования вод в стране и водного кадастра. При столь

[1] Водный кодекс Республики Беларусь, 30 апреля 2014 г. № 149-З.
[2] Об утверждении Инструкции о порядке ведения первичного учета использования вод.

эффективной практике работы огромный объем отслеживаемой информации разрознен, отсутствуют web-порталы с первичными данными об окружающей среде.

Государственное управление в области функционирования и охраны водных ресурсов, в том числе формирование направлений ведения государственного учета водного фонда, осуществляет ряд государственных органов: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь (далее – Минприроды) его территориальными органами, совместно с Министерством здравоохранения.

В рамках государственного водного кадастра Республики Беларусь осуществляется ежегодное официальное издание материалов о текущем состоянии водных ресурсов Республики Беларусь. Сбор материалов, их анализ, обобщение и публикацию государственного водного кадастра осуществляет РУП «Центральный научно-исследовательский институт комплексного использования водных ресурсов» (далее – РУП «ЦНИИКИВР»).

В рамках государственного водного кадастра с 1994 г. в РУП «ЦНИИКИВР» ежегодно осуществляется 3 публикации: информационный бюллетень к Международному дню воды, отмечаемому 22 марта, брошюра «Фактическое водопользование и сброс сточных вод в Республике Беларусь» и межведомственное издание «Государственный водный кадастр. Водные ресурсы, их использование и качество вод».

Следует отметить, что конкретное содержание кадастровых работ и сроки их выполнения регламентируются «Технологической схемой ведения государственного водного кадастра Республики Беларусь», утвержденной Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь 23 октября 1995 г.[1]

Организационно-правовые вопросы по ведению государственного водного кадастра в Республике Беларусь определены в Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2010 г. № 345 «Об утверждении Положения о порядке ведения государственного водного кадастра» (далее – Положение)[2].

Важным в формировании государственного водного кадастра является тот факт, что его данные используются для оценки состояния и прогнозирования гидрологического и гидрогеологического режимов вод и качества вод. Так, в статье 16 Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 года № 93-З «О гидрометеорологической деятельности» указано, что гидрологические наблюдения производятся гидрометеорологической службой в целях сбора данных о состоянии рек, озер, водохранилищ, каналов, иных поверхностных водных объектов

[1] Технологическая схема ведения государственного водного кадастра Республики Беларусь.

[2] Об утверждении Положения о порядке ведения государственного водного кадастра.

и болот, необходимых как для ведения государственного учета и мониторинга поверхностных вод, так и ведения государственного водного кадастра[1].

Этот факт говорит о правовой и практической связи гидрометеорологической службы с деятельностью по ведению водного кадастра в Республике Беларусь. Однако функции гидрометеорологической службы в данной области в Положении законодательно не урегулированы.

Подводя итог, можно сказать, что водный кадастр является базисным государственным сводом данных, практическим механизмом контроля и регуляции в сфере потребления воды, а также обеспечивает основу для соблюдения водного, хозяйственного, гражданского и экологического законодательства страны.

На основании проведенного анализа, на наш взгляд, целесообразно:

1. В связи с тем, что в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» не закреплено определение государственного водного кадастра, считаем необходимым дополнить статью 1 данного закона следующей редакцией: государственный водный кадастр представляет собой систематизированный, постоянно пополняемый и при необходимости уточняемый свод сведений о водных объектах, составляющих единый государственный водный фонд, водных ресурсах, режиме, качестве и использовании вод, а также о водопользователях.

2. Дополнить Положение пунктом в следующей редакции:

«Государственная гидрометеорологическая служба:

– координирует, направляет и объединяет все работы по созданию и ведению ГВК;

– разрабатывает совместно нормативно-техническую документацию государственного водного кадастра;

– согласовывает методические указания по ведению государственного водного кадастра, макеты изданий государственного водного кадастра и другие нормативно-технические документы;

– выполняет сводный анализ, увязку и обобщение данных о поверхностных и подземных водах и др.».

3. Создать web-порталы с первичными данными об окружающей среде, а в дальнейшем разработать нормативно-правовой акт, регулирующий порядок формирования данного интернет-ресурса.

[1] О гидрометеорологической деятельности.

Список использованных источников

1. *Балашенко, С. А. Кадастр водный государственный / С.А. Балашенко // Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. / Редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 2. – С. 5–6.*
2. *Болгов, М.В. Современные проблемы оценки водных ресурсов и водообеспечения / М.В. Болгов, В.М. Мишон, Н.И. Сенцова; Рос. Ак. наук, Ин-т водных проблем. – М.: Наука, 2005. – 317 с.*
3. *Водная стратегия Республики Беларусь на период до 2020 года, 11.08.2011 № 72-Р [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.minpriroda.gov.by/ru/new_url_1649710582-ru/ – 2015. – Дата доступа: 27.06.2015.*
4. *Водный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 30 апреля 2014 г., № 149-З: принят Палатой представителей 2 апреля 2014 г.: одобр. Советом Республики 11 апреля 2014 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.*
5. *Калинин, М.Ю. Законодательство Республики Беларусь в области водных ресурсов и Водная рамочная директива Европейского Союза: Рук. для общественности / М.Ю. Калинин; М-во прир. рес-в и охраны окр. среды Республики Беларусь, ОБСЕ. – Минск, 2009. – 159 с.*
6. *Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 26 ноября 1992 г. № 1982-XII. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2016.*
7. *Об утверждении Инструкции о порядке ведения первичного учета использования вод [Электронный ресурс]: постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, 21 сентября 2007 г. № 75: с изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.*
8. *Об утверждении Положения о порядке ведения государственного водного кадастра [Электронный ресурс]: положение Респ. Беларусь, 12 марта 2010 г. № 345-З: с изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / «ЮрСпектр». – Минск, 2015.*
9. *О гидрометеорологической деятельности [Электронный ресурс]: закон Респ. Беларусь, 9 января 2006 года № 93-З: с изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.*
10. *Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.*
11. *О модельном Водном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 ноября 2006 года, № 27–10. – Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic23/text016.htm/. – 2015. – Дата доступа: 27.08.2015.*
12. *Технологическая схема ведения государственного водного кадастра Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, 23 октября 1995 г. № 75: с изм. и доп. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2015.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 11.10.2015.

УДК 343.1

А. М. Северский

РАЗУМНЫЕ СРОКИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОЛДОВЫ

Северский Александр Михайлович *— соискатель кафедры правосудия Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.*

Постановка проблемы

Одной из главных причин задержек в рассмотрении материалов уголовного производства является неявка в судебные заседания вызываемых лиц — участников уголовного производства — и невыполнение постановлений суда о принудительном приводе таких лиц.

Предметом статьи является анализ практики Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) и норм уголовных процессуальных кодексов Украины, Российской Федерации (далее — РФ), Молдовы относительно нарушений сроков расследования материалов уголовного производства и рассмотрения таких материалов в разумные сроки в суде.

Анализ исследований и публикаций

Научные труды, касающиеся предмета статьи, посвящены в основном явке с повинной согласно норм национального законодательства, без учета позиций в Решениях ЕСПЧ. Таковы, например, работы А. В. Бирюкова, А. Р. Михайленко, Н. В. Яджина, В. К. Коломееца, Н. И. Быховеца, М. Г. Флеера, П. Е. Чупыгина,

Е. К. Герасимовой, Б. Б. Булатова. Также вызывают интерес публикации А. Р. Белкина, Н. Н. Ковтуна, М. А. Погорецкого, П. С. Берзина, О. Ю. Костюченко.

Как видим, отсутствуют масштабные научные работы, исследования, анализирующие причины нарушения разумного срока досудебного следствия и судебного разбирательства с учетом позиций ЕСПЧ.

Цель статьи (задание)

Цель данной работы — выявить и показать недостатки уголовных процессуальных норм, регламентирующих разумные сроки в Украине, РФ, Молдове на стадии досудебного следствия и судебного разбирательства, предложить возможные изменения в национальное законодательство данных стран, устраняющие выявленные недостатки.

Изложение основного материала исследования

Украина

17 июля 1997 г. Верховная Рада Украины (далее — ВРУ) ратифицировала Европейскую Конвенцию от 3 сентября 1953 года «О защите прав человека и основных свобод» (далее — Конвенция)[1], поэтому на Украину распространяется юрисдикция ЕСПЧ.

Принятый 13 апреля 2012 года Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее — УПК) в п. 2 ст. 8 и в ст. 8 закрепил, что «принцип верховенства права в уголовном производстве применяется с учетом практики Европейского суда по правам человека», и «уголовное процессуальное законодательство Украины применяется с учетом практики Европейского суда по правам человека»[2].

В УПК Украины не указан срок рассмотрения материалов уголовного производства в суде.

Согласно Анализу осуществления судопроизводства судами общей юрисдикции в 2013 г. (по данным судебной статистики)[3], суды в Украине отложили рассмотрение 90,3 тыс. уголовных дел и уголовного производства, что на 29,2% меньше, чем в 2012, или 42,8% [54,1%] от количества находившихся в производстве. К длительному пребыванию дел на рассмотрении судов, как и в предыдущие годы, приводит неявка в судебное заседание участников уголовного производства.

Для определения разумности сроков уголовного производства значение имеет не только судопроизводство в суде первой инстанции, но и производства в апелляционной и кассационной инстанциях(п. 97 решения ЕСПЧ от 16.09.2010 по делу «Витрук против Украины»[4] и п. 70 решения ЕСПЧ по делу «Мерит против Украины» (Merit v. Ukraine)[5].

---

1 Европейская Конвенция от 3 сентября 1953 года «О защите прав человека и основных свобод».

2 Кримінальний процесуальний кодекс України.

3 Аналіз стану здійснення судочинства судами загальної юрисдикції у 2013 р. (за даними судової статистики).

4 Решение ЕСПЧ от 16 сентября 2010 года по делу «Витрук против Украины».

5 Решение ЕСПЧ от 30 марта 2004 года по делу «Мерит против Украины».

ЕСПЧ не рассматриваются как нарушение разумного срока судебного разбирательства со стороны государства случаи, когда обвиняемый сбежал от органов, ведущих процесс (дело «Vanditelli v. Italia»), обвиняемым применялись процессуальные меры для задержания производства (дело «Beaumartin v. France» от 24 ноября 1994 г.)[1], случаи систематических отводов судей, что не было вызвано необходимостью (дело «Екле против Германии» от 15 июля 1982 г.)[2]. ЕСПЧ исходит из того, что на подозреваемого или обвиняемого нельзя возлагать ответственность за затягивание сроков следствия или судебного разбирательства, если причиной послужило то, что эти лица использовали все формы обжалования, предоставленные им законодательством.

В УКРАИНЕ УТВЕРЖДАЕТСЯ ПОЗИЦИЯ, СОГЛАСНО КОТОРОЙ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ЕСПЧ ПРИЗНАЕТСЯ ОФИЦИАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКОМ ПРАВА

Во исполнение Решения ЕСПЧ от 15.10.2009 г. по делу «Юрий Николаевич Иванов против Украины»[3], которое 15.01.2010 г. приобрело статус окончательного, 23.02.2006 г. был принят, а 30.03.2006 г. вступил в силу Закон Украины «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека»[4], в ст. 17 которого закреплено, что суды применяют при рассмотрении дел Конвенцию и практику ЕСПЧ как источник права. Таким образом, можно констатировать, что в Украине утверждается позиция, согласно которой судебная практика ЕСПЧ признается официальным источником права, невзирая на то, что при правоприменении и правореализации могут возникать проблемы в случае, когда позиции ЕСПЧ и украинского законодателя будут отличаться.

На сегодняшний день отсутствуют зарегистрированные в Верховной Раде Украины проекты законов по обеспечению рассмотрения дел в судах на протяжении разумного срока и о порядке компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок. Это отличает украинское законодательство от молдавского и российского.

Не совсем удачным и понятным решением украинского законодателя является норма(п. 3 ст. 28 УПК), согласно которой одним из критериев определения разумности сроков в уголовном производстве является «способ осуществления следователем, прокурором и судом своих полномочий»[5].

Российская Федерация

Федеральным законом от 30 марта 1998 г. РФ ратифицировала Конвенцию, но не ратифицировала 6-й, 12-й, 13-й протоколы к ней.

---

1 Решение ЕСПЧ от 24 ноября 1994 года по делу «Beaumartin v. France».
2 Решение ЕСПЧ от 15 июля 1982 года по делу «Екле против Германии».
3 Решение ЕСПЧ от 15 октября 2009 года по делу «Юрий Николаевич Иванов против Украины».
4 Про виконання рішень та застосування практики Європейського суду з прав людини. Закон України.
5 Кримінальний процесуальний кодекс України.Єї

Уголовное судопроизводство в РФ осуществляется в сроки, установленные Уголовно-процессуальным кодексом (далее — УПК) РФ[1] (п. 6.1 УПК РФ).

В ст. 1 УПК РФ прямо не прописано применение в уголовном производстве практики ЕСПЧ, в отличие от украинского УПК (ст. 5, 8) и Уголовно-процессуального кодекса Молдовы(п. 8 ст. 7)[2] указана лишь общая формулировка: «принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство». В дальнейшем ст. 1 УПК РФ реализована в главе 49 УПК РФ, где есть неоднократные упоминания о применении Решений ЕСПЧ.

В ЕСПЧ в отношении России нет статистики, связанной с неисполнением судебного постановления в разумный срок (что также гарантируется статьей 6 Конвенции), поскольку суды общей юрисдикции в настоящее время в РФ не отвечают за исполнение судебных постановлений.

Исходя из важности соблюдения процессуальных сроков, Верховный суд РФ 27 декабря 2007 г. принял Постановление № 52 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 13 и от 09.02.2012 г. № 3) «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», в котором Верховный Суд РФ указал, что при применении судами общей юрисдикции Конвенции и Протоколов к ней необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», а также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Результатом влияния решений ЕСПЧ на внутреннее законодательство Российской Федерации явилось принятие Федерального закона от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», а также Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова.

частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой» и принятое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Однако следует сказать и о недостатках. На сегодня в УПК РФ отсутствуют конкретные указания, как следует учитывать срок производства по уголовному делу при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам (время рассмотрения судом надзорных жалоб, проведения проверки или расследования новых или вновь открывшихся обстоятельств). Также необходимо в п. 3 статьи 6.1 УПК РФ более четко изложить формулировку определения разумного срока.

Молдова

12 сентября 1997 г. Республика Молдова ратифицировала Конвенцию, поэтому на Молдову также распространяется юрисдикция ЕСПЧ.

Принятый 14 марта 2003 г. Уголовно-процессуальный кодекс Молдовы в п. 8 ст. 7 закрепил: «Окончательные решения Европейского суда по правам человека являются обязательными для органов уголовного преследования, прокуроров и судебных инстанций». В УПК Молдовы много внимания уделено практике ЕСПЧ. Так, термин «Европейский суд по правам человека» упоминается в кодексе в девяти случаях, в отличие от УПК РФ, где он фигурирует в четырех случаях, в УПК Украины — в двух случаях. В УПК Молдовы, как и в УПК Украины и УПК РФ, не указан момент начала и конца исчисления разумного срока. Также вызывает вопросы в ст. 20 УПК Молдовы такой критерий определения разумных сроков при рассмотрении уголовного дела, как «значимость процесса для заинтересованного лица». Неизвестно, как быть, если уголовное правонарушение совершено в отношении лица, которое в силу своих физических недостатков не может определить степень значимости совершенного в отношении него уголовно наказуемого деяния.

В УПК МОЛДОВЫ, КАК И В УПК УКРАИНЫ И УПК РФ, НЕ УКАЗАН МОМЕНТ НАЧАЛА И КОНЦА ИСЧИСЛЕНИЯ РАЗУМНОГО СРОКА

Результатом влияния решений ЕСПЧ на внутреннее законодательство Молдовы стало принятие Закона № 87 от 21.04.2011 г. «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок». Недостатком данного закона является отсутствие определения понятия «разумный срок», как и отсутствие низших и высших пределов компенсации морального вреда.

Выводы

Отметим схожие проблемы в УПК Украины, РФ и Молдовы, а именно, отсутствие четкого обозначения момента начала и окончания разумного строка.

Чтобы устранить недостатки, для законодательства Украины предлагается следующее.

Необходимо разработать и подать в Верховную Раду Украины проект закона относительно обеспечения рассмотрения дел в судах на протяжении разумного срока и порядка компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок.

Следует также внести изменения в УПК Украины. п. 3 ст. 28 УПК Украины стоит сформулировать так: «достаточность и эффективность действий следователя, прокурора и суда, производимых в целях своевременного осуществления расследования уголовного правонарушения или рассмотрения материалов уголовного правонарушения в суде».

В ст. 28 УПК Украины необходимо сформулировать определение разумного срока так: «Для определения факта нарушения права на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок в отношении лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации, учитывают период времени, начинающийся с момента, когда были внесены ведомости об уголовно наказуемом деянии в Единый реестр досудебных расследований и заканчивающийся моментом вступления в законную силу обвинительного или оправдательного приговора суда, либо постановления (определения) о прекращении уголовного производства.

Участники уголовного судопроизводства имеют право на обращение с заявлением о компенсации за нарушение разумных сроков также в случае прекращения уголовного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования».

Ст. 28 УПК Украины стоит дополнить пунктом 7 следующего содержания: «Заявление об ускорении рассмотрения уголовного дела рассматривается судьей, судом в срок не позднее 5 суток со дня поступления этого заявления в суд. По результатам рассмотрения заявления судья, суд принимают мотивированное постановление, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела, либо заявление отклоняется. Постановление не подлежит обжалованию».

П. 2 ст. 36 «Прокурор» УПК Украины необходимо дополнить следующим: «обращаться к судье, суду с заявлением об ускорении рассмотрения дела».

Для УПК Российской Федерации предлагается следующее.

Необходимо внести изменения в п. 3 статьи 6.1 УПК Российской Федерации, более четко сформулировать определение разумного срока: «Для определения факта нарушения права на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок учитывают период времени, начинающийся с момента, когда в отношении

лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации, постановлено решение о его процессуальном статусе участника уголовного судопроизводства, либо с момента подачи заявления о преступлении лицом, впоследствии признанным потерпевшим по данному уголовному делу, и заканчивающийся моментом вступления в законную силу обвинительного или оправдательного приговора суда, либо постановления (определения) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Участники уголовного судопроизводства имеют право на обращение с заявлением о компенсации за нарушение разумных сроков также в случае прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования».

П. 6 ст. 6.1 УПК Российской Федерации необходимо изложить в такой редакции: «Заявление об ускорении рассмотрения уголовного дела рассматривается председателем суда в срок не позднее 5 суток со дня поступления этого заявления в суд. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное постановление, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела, либо отклоняет заявление. Постановление не подлежит обжалованию».

Ст. 37 «Прокурор» УПК Российской Федерации необходимо дополнить частью 3.1 следующего содержания: «В случае, если дело, находящееся в суде на рассмотрении, длительное время не рассматривается или судебный процесс затягивается, прокурор вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела».

Для УПК Молдовы предлагается следующее:

В ст. 20 УПК Молдовы необходимо исключить пункт «значимость процесса для заинтересованного лица» и сформулировать определение разумного срока следующим образом: «Для определения факта нарушения права на осуществление уголовного преследования и судебного разбирательство дела в разумный срок в отношении лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации, учитывают период времени, начинающийся с момента обращения лица в компетентный орган или возбуждения им по своей инициативе уголовного дела в связи с подготовкой или совершением преступления и заканчивающийся моментом вступления в законную силу обвинительного или оправдательного приговора суда, либо постановления (определения) о прекращении уголовного преследования.

Участники уголовного судопроизводства имеют право на обращение с заявлением о компенсации за нарушение разумных сроков, также в случае прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности уголовного преследования».

Список использованных источников

1. *Аналіз стану здійснення судочинства судами загальної юрисдикції у 2013 р. (за даними судової статистики) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/(documents). — Дата доступа: 03.03.2015.*
2. *Белкин, А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства — шаги вперед или возврат на проверенные позиции? / А.Р. Белкин // Юрист. — 2013. — № 3.*
3. *Европейская Конвенция от 3 сентября 1953 года «О защите прав человека и основных свобод» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_004. — Дата доступа: 03.03.2015.*
4. *Ковтун, Н.Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ / Н. Н. Ковтун // Юрист. — 2013. — № 2. — С. 23.*
5. *Кримінальный процессуальній кодекс Україны [Электронный ресурс]: 13.04.2012, № 4651 VI. — Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4651–17. — Дата доступа: 01.03.2015.*
6. *Про виконання рішень та застосування практики Європейського суду з прав людини [Электронный ресурс]: Закон Україны, 23.02.2006, № 3477-IV. — Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3477–15. — Дата доступа: 03.03.2015.*
7. *Решение ЕСПЧ от 15 июля 1982 года по делу «Екле против Германии» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke. — Дата доступа: 01.03.2015.*
8. *Решение ЕСПЧ от 15 октября 2009 года по делу «Юрий Николаевич Иванов против Украины» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/974_479. — Дата доступа: 01.03.2015.*
9. *Решение ЕСПЧ от 16 сентября 2010 года по делу «Витрук против Украины» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/974_823. — Дата доступа: 03.03.2015.*
10. *Решение ЕСПЧ от 24 ноября 1994 года по делу «Beaumartin v. France» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law: ihrl/2931echr94.case.1/law-ihrl-2931echr94. — Дата доступа: 13.02.2015.*
11. *Решение ЕСПЧ от 30 марта 2004 года по делу «Мерит против Украины». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/980_110. — Дата доступа: 03.03.2015.*
12. *Уголовно-процессуальный кодекс Молдовы [Электронный ресурс]: 14.03.2003, № 122. — Режим доступа: http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=326970&lang=2. — Дата доступа: 01.03.2015.*
13. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pravo.gov.ru. — Дата доступа:13.02.2015.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 05.03.2015.

УДК 338.242; 339.972

В. Л. Гурский

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА СОГЛАСОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕАЭС

Гурский Василий Леонидович *— кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики Частного учреждения образования «БИП–Институт правоведения». Основным направлением научной деятельности является изучение формирования промышленной политики Беларуси в условиях ЕЭП.*

Введение

Потенциальный положительный эффект влияния интеграции на уровень развития стран ЕАЭС оценивается в $ 210 млрд. Дополнительный прирост ВВП для государств-членов к 2030 году может составить 13%,— считают в Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)[1]. В основном полезный эффект предполагается достичь за счет расширения рынков сбыта, снижения трансакционных издержек, повышения инвестиционной привлекательности промышленных предприятий, ориентированных на общий рынок ЕАЭС. Экономическая логика подсказывает, что данные ожидания вполне обоснованы. История формирования экономик бывших союзных республик как единого целого также обусловливает высокую степень их комплиментарности, а значит, повышение уровня промышленного сотрудничества в ЕАЭС имеет объективные исторические и экономические предпосылки.

[1] Прирост ВВП стран ЕАЭС от участия в союзе к 2030 году может составить 13%.

Однако анализ фактических статистических данных по ЕАЭС свидетельствует об обратном. На практике объем взаимной торговли стран ЕАЭС в 13,8 раза меньше, чем их товарооборот с третьими странами, доля взаимного товарооборота стран ЕАЭС составляет 12,6% их общего товарооборота[1]. Для сравнения, доля взаимного товарооборота стран ЕС составляет 60,8%[2]. Взаимный экспорт продукции обрабатывающей промышленности стран ЕАЭС в 2014 году занял лишь 4,6% общего рынка[3]. Наиболее емкие и стратегически важные сегменты общего рынка оказались заняты импортной продукцией. Приведенные данные свидетельствуют о низком уровне текущего состояния торговли, промышленного сотрудничества и кооперации в ЕАЭС. Все это определяет высокую актуальность рассматриваемого вопроса.

В Беларуси государственное регулирование и прогнозирование развития промышленного комплекса изучали С. Ф. Миксюк[4], М. В. Мясникович[5], С. С. Сидорский[6], А. Н. Сенько[7], И. Л. Телеш[8]. Вопросы, связанные с промышленной политикой в процессе интеграционного взаимодействия, рассматривали Н. А. Бровко[9], С. Ю. Глазьев[10], И. Михалевич[11], М. Ю. Ильина[12], А. М. Выжитович, П. А. Ершов[13]. Проблемой согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики занимались Ю. А. Фридман, Г. Н. Речко, О. А. Бияков, Ю. Ш. Блам[14].

Многочисленные публикации по вопросам интеграции стран ЕАЭС в основном касаются возможностей и перспектив, открывающихся для промышленных комплексов стран-участниц при условии проведения согласованной экономической политики в ЕАЭС, однако не углубляются в проблематику практического осуществления данного экономического процесса.

Цель данной работы — провести анализ факторов, способствующих и препятствующих процессу формирования согласованной

---

1 Государства — члены Евразийского экономического союза в цифрах: статистический ежегодник.

2 База данных региональной интеграции.

3 Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Решение Евразийского Межправительственного Совета 8 сентября 2015 г. № 9, г. Гродно.

4 Миксюк С. Ф. Концептуальные и методические подходы к среднесрочному прогнозированию развития промышленного комплекса Республики Беларусь.

5 Мясникович М. В. Государственное регулирование инновационной деятельности.

6 Сидорский С. С. Промышленное сотрудничество в ЕАЭС — мощный фактор экономического развития.

7 Сенько А. Н. Обеспечение экономической безопасности промышленного комплекса Республики Беларусь на стадии его роста.

8 Телеш И. Л. Совершенствование прогнозирования важнейших показателей развития промышленного комплекса Республики Беларусь.

9 Бровко Н. А. Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе.

10 Глазьев С. Ю. Доклад о целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции.

11 Михалевич И. Кооперативный соблазн для евразийской промышленности.

12 Ильина М. Ю. Единое инновационное пространство как фактор реиндустриализации экономик государств — членов ЕАЭС.

13 Выжитович А. М., Ершов П. А. Евразийская интеграция против импортозамещения: противоречия и возможности.

14 Фридман Ю. А. Оценка уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики.

промышленной политики стран ЕАЭС, выявить причины противоречий интеграционных интересов субъектов промышленной политики стран-участниц и определить предпосылки и алгоритм их согласования.

Основная часть

В основе евразийской экономической интеграции, несомненно, заложены принципы взаимной выгоды и комплиментарности экономик, однако различие производственных потенциалов стран, разноскоростной и разноуровневый характер их формирования и развития, невозможность быстрого изменения структуры промышленного производства в стране, а также диалектическая взаимосвязь интеграционных и дезинтеграционных тенденций существенно осложняют процесс[1]. Так, анализ национальных программ развития промышленных комплексов России, Беларуси и Казахстана, проведенный экспертами ЕЭК, показал, что, хотя все они нацелены на создание высокопроизводительных рабочих мест и приоритетное развитие стратегически важных отраслей, во многом совпадают в части методологии решения проблемных вопросов, определения целей и задач, инструментов и механизмов государственной политики в промышленности, однако являются совершенно автономными. Каждая из стран стремится повысить объемы производства и экспорта на общий рынок по аналогичным видам продукции. Страны ЕАЭС, рассматривая рынки друг друга в качестве экспортных, свои национальные рынки стремятся закрыть, в том числе через программы импортозамещения. При этом стремление к формированию общего внутреннего рынка носит декларативный характер. Приоритеты развития промышленных комплексов по отраслям также имеют высокую степень идентичности, хотя различия, предусматривающие разную специализацию на отдельных видах продукции, могли бы стать основой для углубления международного разделения труда, которое, в свою очередь, является необходимым условием развития международной интеграции. Высокую степень пересечения имеет также экспорт продукции за пределы ЕАЭС. Это ведет к нежелательной конкуренции и противостоянию между производителями и, с учетом осуществляемой государственной поддержки соответствующих отраслей, к усилению противоречий между правительствами стран ЕАЭС[2].

Наиболее яркими примерами такого противостояния в промышленности являются ОАО «МАЗ» и ПАО «КАМАЗ», которые являются прямыми конкурентами в секторе грузовых автомобилей, прежде всего на рынке ЕАЭС, так же, как холдинги «Гомсельмаш» и «Ростсельмаш» — на рынке сельхозтехники[3].

---

1 Бровко Н. А. Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе.

2 О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности.

3 Михалевич И. Кооперативный соблазн для евразийской промышленности.

Многочисленные взаимные претензии и разногласия, часто возникающие в практике экономического взаимодействия России, Беларуси и Казахстана, на наш взгляд, демонстрируют серьезные внутренние противоречия самого процесса «интеграции сверху»: заключенные межправительственные соглашения, вполне соответствующие общенациональным интересам стран ЕАЭС, вступают в противоречие или не в полной мере отражают интересы реального сектора интегрируемых экономик. Основные противоречия, возникшие в процессе интеграции стран ЕАЭС на современном этапе, носят не отраслевой, коньюнктурный, а макроэкономический, системный характер и могут быть определены следующим образом:

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ВЗАИМНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ И РАЗНОГЛАСИЯ, ЧАСТО ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРАКТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА, НА НАШ ВЗГЛЯД, ДЕМОНСТРИРУЮТ СЕРЬЕЗНЫЕ ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ САМОГО ПРОЦЕССА «ИНТЕГРАЦИИ СВЕРХУ»: ЗАКЛЮЧЕННЫЕ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ, ВПОЛНЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ СТРАН ЕАЭС, ВСТУПАЮТ В ПРОТИВОРЕЧИЕ ИЛИ НЕ В ПОЛНОЙ МЕРЕ ОТРАЖАЮТ ИНТЕРЕСЫ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ИНТЕГРИРУЕМЫХ ЭКОНОМИК

1. Формализация процесса интеграции через создание большого количества интеграционных объединений, существующих на постсоветском пространстве, и размытость их принципиальных отличий.

2. Явное несоответствие нарастающего количества подписанных межправительственных соглашений («интеграции сверху») и сокращающейся активности экономического взаимодействия стран ЕАЭС («интеграции снизу»).

3. Политический характер многих интеграционных инициатив, несмотря на декларируемые экономические цели.

4. Противоречие интересов национальных производителей, которое выражается в периодически возникающих «молочных», «сахарных» и других торговых конфликтах между Россией, Беларусью и (реже) Казахстаном, с активным использованием нетарифных методов регулирования, несмотря на отсутствие таможенной границы.

5. Неготовность сторон ЕАЭС к свободному экономическому взаимодействию без изъятий и ограничений (по отдельным позициям решение вопроса отложено до 2025 года).

Обозначенные выше проблемы, характеризующие противоречия в интеграционных процессах, являются одновременно и задачами, которые необходимо решить, и исходными факторами формирования согласованной промышленной политики, необходимость которой при усилении противоречий только возрастает.

По своему определению согласование предполагает достижение договоренности между группой заинтересованных лиц по поводу принятия общего решения, проведения совместных

действий[1]. Вместе с тем, как писал еще Ф. Энгельс: «Где нет общности интересов, там не может быть единства целей, не говоря уже о единстве действий»[2].

Естественно считать, что наличие собственных национальных интересов у каждой страны обусловливает возникновение определенных противоречий в проводимых промышленных политиках стран-участниц, причем различные субъекты промышленной политики страны могут инициировать различные, а иногда и совершенно противоположные интересы. Так, ликвидация барьеров во взаимной торговле стимулирует экспорт, однако способствует усилению конкуренции на национальных рынках, что соответствует интересам экспортеров и импортеров, однако противоречит интересам предприятий, ориентированных на внутренний рынок. Причем это в одинаковой мере относится как к промышленной сфере, так и ко всему спектру торгово-экономических отношений в целом.

Исходной основой национальных, а также взаимных интересов в процессе интеграции является стремление максимально полно и эффективно задействовать все имеющиеся факторы производства, а также привлечь недостающие. Как пишет Анисимов О. С., «предпосылки согласования лежат в исчерпанности индивидуальной, автономной, изолированной жизнедеятельности (субъекта — *В. Г.*) и невозможности им *самостоятельно* решить вопросы своего жизнеобеспечения»[3]. Отсюда объективная потребность в углублении интеграции и проведении согласованной промышленной политики будет наблюдаться у тех стран, которые имеют значительный недостаток каких-либо ресурсов (природных, человеческих, научных разработок, рынков сбыта) и надеются привлечь данные ресурсы на более выгодных условиях, либо имеют незадействованные ресурсы (человеческие, производственные мощности) и надеются вовлечь их в производственный процесс в рамках проводимой согласованной промышленной политики.

Анализ факторов, определяющих условия формирования промышленной политики и развития промышленности стран ЕАЭС, показал, что у стран-участниц имеются существенные различия в уровне заинтересованности при формировании согласованной, а тем более единой промышленной политики в ЕАЭС. Отличаются цели и задачи, которые страны-участницы стремятся решить путем формирования согласованной промышленной политики. Глубинными причинами разногласий являются не столько субъективные факторы, нежелание интегрироваться конкретных должностных лиц или конкуренция бизнес-структур, сколько объективно существующие различия в условиях хозяйствования. Большинство факторов, определяющих эти различия, носят именно объективный

[1] Борисов А. Б. Большой экономический словарь.
[2] Маркс К. Революция и контрреволюция в Германии.
[3] Анисимов О. С. Основы общей и управленческой акмеологии.

характер (степень открытости экономики, демографические и природные ресурсы и др.), т.е. не могут быть изменены и унифицированы путем подписания межправительственных договоров.

В свою очередь, и промышленные политики стран-участниц, как и условия хозяйствования (по крайней мере значительная их часть), в различных странах и даже регионах одной страны не могут быть полностью унифицированы из-за различий в количестве и качестве имеющихся факторов производства, природных, демографических, культурно-исторических и др. условий. Более того, согласование интересов субъектов промышленной политики на практике далеко не всегда требует унификации условий хозяйствования, законодательства и проводимой экономической политики. Очевидно также, что унификация государственной промышленной политики, т.е. создание равных стимулов к развитию промышленного производства со стороны государства в различных регионах (например, на Кубани и на Сахалине), не приведет к выравниванию условий хозяйствования и поставит регионы и страны с худшими природно-климатическими и ресурсными условиями в заведомо проигрышную позицию. Напротив, чтобы несколько выровнять привлекательность регионов с точки зрения развития производства, степень государственного стимулирования, а также проводимая промышленная политика должны быть разными. Для привлечения инвесторов на Сахалин или в Ямало-Ненецкий округ необходимо задействовать более мощные стимулы со стороны государства, тогда как Краснодарский край привлекателен и без особых преференций и налоговых льгот. Таким образом, можно утверждать, что степень согласованности промышленных политик зависит не столько от унификации инвестиционного, налогового и пр. законодательства и условий хозяйствования стран-участниц, сколько от возможности согласовывать интересы субъектов промышленной политики.

Не только инструменты промышленной политики, но даже и ее цели в различных регионах и странах ЕАЭС могут и должны быть дифференцированными в зависимости от конкретных условий хозяйствования. Например, при общей направленности промышленной политики России на развитие высокотехнологичной обрабатывающей промышленности совершенно нецелесообразно выстраивать таким же образом промышленную политику в регионах, богатых природными ресурсами, но с малой численностью населения, где работы ведутся в основном вахтовым методом. То же касается и различий в промышленных политиках стран-участниц ЕАЭС. Для Беларуси и Кыргызстана не так актуальна проблема сырьевой направленности экономики, как для Казахстана или России. Зато Россия и Казахстан не испытывают столь остро проблему зависимости национальной промышленности от импорта сырья и энергоносителей. Таким образом, попытка унификации целей, задач, методов и инструментов промышленных политик стран ЕАЭС не будет способствовать улучшению условий хозяйствования и повышению инвестиционной привлекательности стран

и регионов ЕАЭС, но вызовет обоснованное противодействие со стороны региональных властей и бизнес-структур данных стран и регионов.

Однако нецелесообразность унификации промышленных политик стран ЕАЭС нисколько не отрицает целесообразность создания на межгосударственном уровне системы координации и согласования принципов, инструментов и целей развития национальных промышленных комплексов. Необходимо разработать долгосрочную экономическую стратегию, включающую: формирование связей между экономическими субъектами для совместной работы бизнес-структур, государственных и научных учреждений по генерации новых знаний, а также для быстрого и эффективного трансфера знаний и их коммерческого освоения; совершенствование структуры промышленных комплексов стран ЕАЭС за счет управления распределением ресурсов; создание и поддержание конкурентной среды на рынках промышленной продукции; механизмы поддержания конкурентоспособности промышленной продукции стран ЕАЭС на мировых рынках; корректировки рыночных механизмов в случаях, когда они не срабатывают; согласование с социальной политикой. Согласовывать нужно не промышленную политику, а интересы ее субъектов. Повышение уровня согласованности экономических интересов субъектов промышленной политики, во-первых, существенным образом уменьшает трансакционные издержки, обусловленные степенью их взаимодействия между собой, во-вторых, значительно повышает эффективность использования региональных и национальных ресурсов.

Таким образом, согласованность промышленной политики не означает ее унификацию и не должна ограничиваться взаимодействием на уровне правительств. С учетом динамично меняющихся экономических интересов, количественные и качественные характеристики которых постоянно варьируются и зачастую выходят за рамки экономики и противоречат друг другу, не представляется возможным одномоментное согласование интересов всех субъектов промышленной политики. Соответственно, невозможно зафиксировать каким-либо нормативным документом согласование всей промышленной политики ЕАЭС на сколько-нибудь продолжительное время. Механизм согласования промышленной политики будет эффективен только в случае, если он сам и отдельные его элементы будут так же динамичны, способны гибко реагировать на изменения макроэкономической и международной конъюнктуры. Интеграционный опыт Европейского союза показал, что мониторинг и устранение барьеров, изъятий и ограничений является непрерывным процессом, так как изменения норм экономического регулирования происходят регулярно в соответствии с динамично меняющейся конъюнктурой интеграционных процессов[1].

[1] О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

В этой связи при согласовании промышленных политик стран ЕАЭС необходимо сосредоточить усилия на формировании механизма, обеспечивающего перманентное согласование интересов субъектов промышленной политики на разных уровнях. Иными словами, необходим механизм непрерывного поиска и определения субъектов промышленной политики, интересы которых могут быть согласованы, а также постоянного регулирования нормативно-правовой базы, обусловливающей возможность и результативность проведения этими субъектами совместной программы действий, выражающейся в осуществлении совместных проектов, взаимном инвестировании, обмене ресурсами и т.д. Роль государственных структур в этом процессе может быть определена как роль направляющего и координационного центра.

Как пишет И. М. Лемешевский: «Экономический интерес есть отражение в сознании субъекта объективных потребностей, выступает как их осознанная форма»[1]. При этом экономический интерес выражает объективную необходимость удовлетворения потребностей субъектов экономики и выступает как побудительный мотив действий и объективный фактор, определяющий направленность деятельности субъектов экономических отношений.

Известны два основных способа согласования экономических интересов: жесткое субординированное подчинение одних экономических интересов другими (в условиях командно-административной системы); координированное согласование разносторонних интересов всех экономических субъектов на принципах конкуренции и приоритета личной выгоды (в современной рыночной экономике). Каждый вариант имеет свои положительные и отрицательные стороны. Поэтому мы рекомендуем, согласуя интересы субъектов промышленной политики, использовать оба подхода.

Моделирование процесса согласования промышленной политики стран ЕАЭС возможно лишь при наличии определенных критериев, которые могут послужить опорными точками при построении соответствующего алгоритма действий. Проведенные исследования позволяют определить следующие исходные позиции:

– экономические отношения субъектов промышленной политики проявляются через их интересы, которые отражают уровень и динамику их потребностей и побуждают к определенным целенаправленным действиям;

– объектом согласования промышленной политики стран ЕАЭС необходимо определить экономические интересы субъектов промышленной политики;

– экономические интересы по своей сущности объективны и отражают роль и место субъектов хозяйствования в системе экономических отношений, поэтому всегда имеют конкретных носителей (субъектов промышленной политики);

– различия экономических интересов субъектов промышленной политики обусловлены наличием объективных различий

[1] Лемешевский И. М. Экономическая теория.

в условиях хозяйствования (степень открытости экономики, демографические и природные ресурсы и др.), которые не могут быть унифицированы путем подписания межправительственных договоров;

– экономические интересы субъектов промышленной политики образуют сложную, динамично меняющуюся систему взаимосвязанных элементов, соответственно, невозможно зафиксировать согласование всей промышленной политики ЕАЭС на сколько-нибудь продолжительное время;

– степень согласованности промышленных политик зависит не столько от унификации промышленных политик, законодательства и условий хозяйствования стран-участниц, сколько от возможности согласования интересов субъектов промышленной политики;

– часть интересов может быть согласована национальными или наднациональными органами власти в целях повышения эффективности промышленной политики, другая их часть не требует согласования в высоких инстанциях, а нуждается лишь в информационном сопровождении, третьи не могут быть согласованы по своей экономической природе (пересекаются, вступают в противоречия, имеют различный период существования во времени и т.д.), следовательно, процесс согласования требует дифференцированного, селективного подхода.

На основе выработанных критериев нами разработан алгоритм согласования интересов субъектов промышленной политики на разных уровнях в рамках проведения согласованной промышленной политики стран ЕАЭС. Алгоритм включает последовательность элементов, представленную ниже.

1. Разработка и формирование национальных и наднациональных программ развития промышленных комплексов на уровне государств.

2. Формирование и постоянная актуализация базы данных субъектов промышленной политики вместе с подробной характеристикой их ресурсов и возможностей, а также заявленных ими интересов и запросов (формирование базы данных 1). Субъекты промышленной политики делятся на следующие группы:

– президенты стран ЕАЭС;

– Советы министров и министерства стран ЕАЭС;

– администрации регионов стран ЕАЭС;

– научные и учебные учреждения; комитеты по науке и технологиям, по земельным ресурсам и др.;

– технологические площадки, инновационные центры, технопарки;

– администрации свободных экономических зон;

– концерны и холдинги, другие крупные предприятия;

– средние национальные и иностранные коммерческие организации;

– малые предприятия и индивидуальные предприниматели;

– некоммерческие организации, чья деятельность связана с функционированием промышленного комплекса;

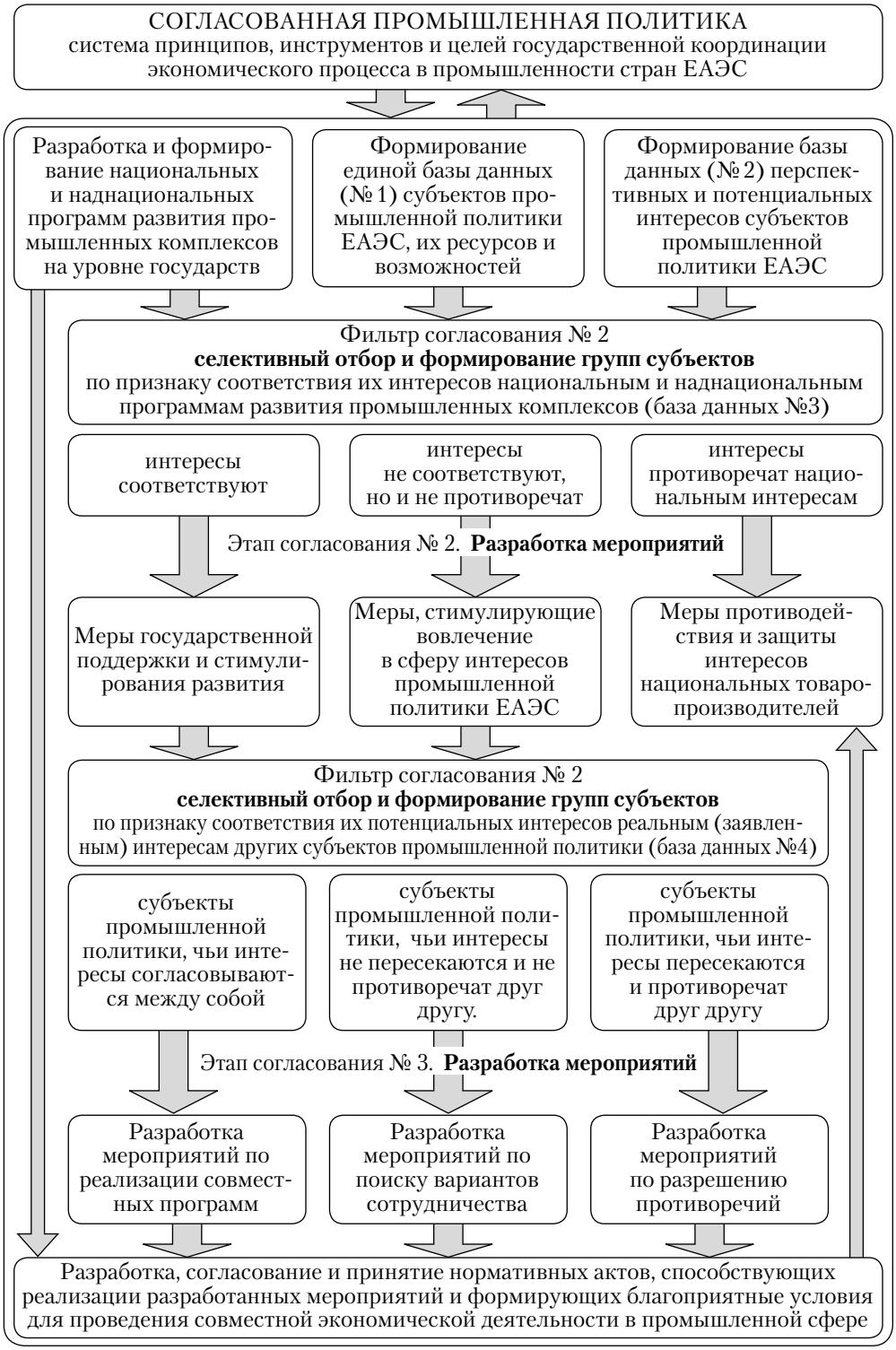


Рисунок 1.
Алгоритм согласования интересов субъектов промышленной политики в рамках проведения согласованной промышленной политики стран ЕАЭС.

– домашние хозяйства и индивиды.

3. Формирование и постоянная актуализация базы данных перспективных и потенциальных интересов субъектов промышленной политики, исходя из стратегических программ развития национальных промышленных комплексов (формирование базы данных 2) и их группировка:

– по субъектам экономических интересов (они же субъекты промышленной политики;

– по видам потребностей (экономических и неэкономических), порождающих экономические интересы в промышленной политике;

– по объектам (материальные, технологические, интеллектуальные, финансовые и др.);

– по временному горизонту (долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные);

– по территориальному признаку (муниципальные, региональные, национальные, ЕАЭС, глобальные).

4. Фильтр согласования 1: соответствие потенциальных интересов субъектов промышленной политики (из базы данных 2) национальным и наднациональным программам развития промышленных комплексов (формирование базы данных 3).

5. Разработка комплекса мер государственной поддержки и стимулирования развития потенциальных интересов субъектов промышленной политики, согласованных с национальными и наднациональными программами развития промышленных комплексов (из базы данных 3), их дополнение, расширение и приведение в соответствие с программами развития промышленных комплексов, а также мер защиты интересов национальных товаропроизводителей.

6. Фильтр согласования 2: определение степени соответствия реальных интересов субъектов промышленной политики, согласованных с национальными и наднациональными программами развития промышленных комплексов (из базы данных 4), друг другу, выборка и формирование групп субъектов промышленной политики, чьи интересы согласовываются между собой, групп, чьи интересы не пересекаются и не противоречат друг другу, и групп, чьи интересы пересекаются и противоречат друг другу (формирование базы данных 4).

7. Разработка конкретных мероприятий по реализации совместных программ в группах субъектов промышленной политики, чьи интересы согласовываются между собой (с привлечением самих субъектов хозяйствования).

8. Разработка конкретных мероприятий по разрешению противоречий в группах субъектов промышленной политики, чьи интересы пересекаются и противоречат друг другу (с привлечением самих субъектов хозяйствования).

9. Разработка конкретных мероприятий по поиску вариантов сотрудничества в группах субъектов промышленной политики, чьи интересы не пересекаются, но и не противоречат друг другу (с привлечением самих субъектов хозяйствования);

10. Разработка, согласование и принятие нормативных актов, формирующих благоприятные условия для проведения совместной экономической деятельности в промышленной сфере.

Каждый из элементов представленного алгоритма не является одномоментным действием, а представляет собой непрерывный, итеративный процесс.

Практическая направленность предложенного алгоритма определяется возможностью, прежде всего, идентифицировать субъектов промышленной политики как носителей определенных экономических интересов и возможные направления, позволяющие повысить уровень согласованности интересов и взаимодействия субъектов. Кроме того, алгоритм позволяет задать тенденцию развития промышленных комплексов стран ЕАЭС, как согласовывая существующие в каждый момент времени интересы между собой, так и приводя их в соответствие с национальными и наднациональными программами развития промышленных комплексов. Причем предполагается, что согласование реально существующих интересов с программами развития будет осуществляться не путем навязывания и принуждения, а путем отбора и поддержки тех интересов, которые им соответствуют.

Основное действие согласованной промышленной политики необходимо направить (и оно само постепенно направляется) на развитие совместных проектов (производств, холдингов, ТНК, ФПГ, технологических платформ и т.д.), при этом активная и продуктивная кооперация в данном направлении возможна только при условии баланса интересов всех сторон проекта, как правительств стран-участниц, так и национальных бизнес-структур. Важное место при формировании согласованной промышленной политики должно отводиться повышению мобильности факторов производства и трансферта инноваций.

Выводы

Таким образом, согласованность промышленной политики не означает ее унификацию и не должна ограничиваться взаимодействием на уровне правительств. С учетом динамично меняющегося множества экономических интересов, количественные и качественные характеристики которых постоянно варьируются, зачастую выходят за рамки экономики и противоречат друг другу, не представляется возможным одномоментное согласование интересов всех субъектов промышленной политики. Соответственно, невозможно зафиксировать каким-либо нормативным документом согласование всей промышленной политики ЕАЭС на сколько-нибудь продолжительное время. Поэтому механизм согласования промышленной политики будет эффективен только в случае, если он сам и отдельные его элементы будут так же динамичны, склонны гибко реагировать на изменения макроэкономической и международной конъюнктуры. Согласовывать нужно не промышленную политику, а интересы ее субъектов. Продуктивная кооперация в данном направлении возможна только при условии баланса

интересов всех сторон проекта, как правительств стран-участниц, так и национальных бизнес-структур. Важное место при формировании согласованной промышленной политики должно отводиться повышению мобильности факторов производства и трансферта инноваций. В этой связи автором разработан и предлагается алгоритм согласования интересов субъектов промышленной политики на разных уровнях в рамках формирования и проведения согласованной промышленной политики стран ЕАЭС. Алгоритм включает последовательность элементов, каждый из которых не является одномоментным действием, а представляет собой непрерывный, итеративный процесс.

Список использованных источников

1. *Анисимов, О. С. Основы общей и управленческой акмеологии (учебное пособие) / О. С. Анисимов, А. А. Деркач.— Москва: Новгород, 1995.— С. 37.*
2. *База данных региональной интеграции [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития.— Режим доступа: http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/projects_cii/index. php?id_4=41398&linked_block_id=0.— Дата доступа: 20.12.2015.*
3. *Борисов, А. Б. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов.— Москва: Книжный мир, 2003.— 895 с.*
4. *Бровко, Н. А. Развитие экономических интеграционных процессов на современном этапе: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Н. А. Бровко.— Бишкек, 2011.— 330 с.*
5. *Выжитович, А. М. Евразийская интеграция против импортозамещения: противоречия и возможности / А. М. Выжитович, П. А. Ершов. // Россия и евразийский мир: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. науч.— практ. конф., г. Новосибирск, 15 мая 2015 г. / науч. ред. С. В. Козлов — Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015.— 362 с.*
6. *Глазьев, С. Ю. Доклад о целях проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции. Москва, 29 января 2013 г. [Электронный ресурс] / База документов.— Режим доступа: http://reftrend.ru/642462.html.— Дата доступа: 20.12.2015.*
7. *Государства-члены Евразийского экономического союза в цифрах: статистический ежегодник [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия.— Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_ akroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2015.pdf.— Дата доступа: 20.12.2015.*
8. *Ильина, М. Ю. Единое инновационное пространство как фактор реиндустриализации экономик государств — членов ЕАЭС [Электронный ресурс] / Ильина М. Ю. // Сайт webeconomy.ru.— Режим доступа: http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&news id=3231&type=news.— Дата доступа: 20.12.2015.*
9. *Лемешевский, И. М. Экономическая теория (в трех частях). Ч. I. Основы. Вводный курс: учеб. пособие для вузов / И. М. Лемешевский.— Минск: ООО «ФУА-информ», 2002.— 632 с.*
10. *Маркс, К. Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс.— Изд. второе.– Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955–1974.— Т. 8: Революция и контрреволюция в Германии.— 705 с.*
11. *Миксюк, С. Ф. Концептуальные и методические подходы к среднесрочному прогнозированию развития промышленного ком-*

плекса Республики Беларусь / С. Ф. Миксюк, И. Л. Телеш // Белорусский экономический журнал. — 2008. — № 1. — С. 36–45.

12. *Михалевич, И. Кооперативный соблазн для евразийской промышленности [Электронный ресурс] / И. Михалевич // Экономическая Газета. — Режим доступа: http://www.neg.by/publication/2015_05_19_19654.html?print=1. — Дата доступа: 20.12.2015.*
13. *Мясникович, М. В. Государственное регулирование инновационной деятельности: уч. пос. / М. В. Мясникович, Н. Б. Антонова, Л. Н. Нехорошева. — Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. — 235 с.*
14. *Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Решение Евразийского Межправительственного Совета 8 сентября 2015 г. № 9, г. Гродно [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Режим доступа: http://www.pravo.by/main. aspx?guid=3871&p0=f91500234. — Дата доступа: 22.12.2015.*
15. *О результатах анализа национальных программ Беларуси, Казахстана и России в сфере промышленности [Электронный ресурс] // Аналитическая справка / Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_ agroprom/dep_prom/siteassets. — Дата доступа: 11.01.2014.*
16. *О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [Электронный ресурс] // Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии / Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_ makroec/dep_razv_integr/siteassets/Аналитический% 20доклад.pdf. — Дата доступа: 20.12.2015.*
17. *Прирост ВВП стран ЕАЭС от участия в союзе к 2030 году может составить 13% [Электронный ресурс] // БЕЛТА — Новости Беларуси. — Режим доступа: http://www.belta.by/economics/view/prirost-vvp-stran-eaes-ot-uchastija-v-sojuze-k-2030-godu-mozhet-sostavit-13–168388–2015. — Дата доступа: 20.12.2015.*
18. *Сенько, А. Н. Обеспечение экономической безопасности промышленного комплекса Республики Беларусь на стадии его роста: дис. ... д-ра эконом. наук: 08.00.05 / А. Н. Сенько. — Минск, 2008. — 245 л.*
19. *Сидорский, С. С. Промышленное сотрудничество в ЕАЭС — мощный фактор экономического развития [Электронный ресурс] / Республика. — Режим доступа: http://respublika.sb.by/obshchestvo-27/article/promyshlennoe-sotrudnichestvo-v-eaes-moshchnyy- faktor-ekonomicheskogo-razvitiya.html. — Дата доступа: 20.12.2015.*
20. *Телеш, И. Л. Совершенствование прогнозирования важнейших показателей развития промышленного комплекса Республики Беларусь: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05 / И. Л. Телеш. — Минск, 2010. — 112 л.*
21. *Фридман, Ю. А. Оценка уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики / Ю. А. Фридман, Г. Н. Речко, О. А. Бияков, Ю. Ш. Блам / Регион: экономика и социология. — 2008. — № 3. — С. 78–96.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 04.03.2016.

УДК 316.323:32

Л. А. Самусева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Самусева Людмила Алексеевна *— кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики Частного учреждения образования «БИП–Институт правоведения», Могилевский филиал. Область научных интересов — проблемы экономики предприятия и информационной экономики. Опубликовано более 80 научных работ.*

Движение к информационному обществу, в котором объектами и результатами труда подавляющей части занятого населения станут информационные ресурсы и научные знания, является доминирующей тенденцией цивилизационного развития. Основу информационного общества составляют информационные и коммуникационные технологии, а главным условием благополучия каждого человека и государства в таком обществе становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации. При этом информационное общество стремится не к производству товарной массы из всех доступных сырьевых источников, а к богатству знаний, получаемых из информационных ресурсов. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания.

В условиях глобализации мировой экономики формирование информационного общества является одним из приоритетов устойчивого экономического развития государств и повышения качества жизни граждан.

Создание и внедрение новых информационно-коммуникационных технологий все в большей степени становится причиной перемен в политической, экономической, социально-культурной сферах. Появление глобальных информационных сетей существенно меняет традиционные модели экономики и бизнеса. Происходит становление «новой экономики», которое характеризуется значительным увеличением доли инновационного продукта и вовлечением в мировую торговлю товаров промежуточного спроса. Все большее значение для успешного экономического развития приобретает «электронная готовность» государства к участию в глобальных информационных сетях.

В связи с относительной новизной данной проблемы научный интерес вызывают не только теоретико-методологические и практические вопросы формирования и развития информационного общества, но и содержание стратегических решений, характеризующих политику государства в этой области. Представляет интерес мировой опыт построения информационного общества, характерные черты его становления, оценка уровня развития, принимаемые государствами меры по повышению эффективности его функционирования.

В Республике Беларусь развитие информационного общества является общенациональной задачей, предполагающей объединение усилий государства, бизнеса и гражданского общества. Действия государства отражаются в соответствующей государственной политике, уровень развития которой определяется прогрессивностью обозначенных целей и задач, соотнесенных с реальными возможностями страны и мировыми тенденциями.

В экономической науке информационное общество рассматривается в качестве одной из теоретических моделей для описания качественно нового этапа современного общественного развития с доминирующей ролью знаний и информации, воздействием информационно-коммуникационных технологий на все сферы человеческой деятельности. Значимость данной категории подтверждается тем, что резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 27.03.2006 г., 17 мая провозглашается Международным днем информационного общества.

Для Республики Беларусь развитие информационного общества является одним из национальных приоритетов и важным направлением государственной политики, которая основывается на сочетании национального законодательства и международных принципов. Практическим воплощением государственной политики в этой сфере являются соответствующие программные документы.

Реально политика развития информационного общества в Республике Беларусь в той или иной мере начала осуществляться с 1991 года и прошла три основных этапа развития.

Начальный этап связан с периодом реализации первой Программы информатизации Республики Беларусь на 1991–1995 гг. и на период до 2000 г., принятой постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 ноября 1991 г. Данная программа

явилась импульсом развития информационного общества в республике. Программой предусматривалась информатизация трех основных сфер: социальной, материального производства и управления. Однако ввиду ограниченности финансовых ресурсов по решению Правительства реализации подлежали только отдельные, наиболее значимые проекты. Государственная политика этого периода была направлена на формирование основ в сфере информатизации.

Как отметил директор департамента информатизации Минсвязи А. А. Ильин, в процессе реализации Программы приоритетными направлениями информатизации были закупка средств вычислительной техники и построение информационных сетей, без акцента на качество оказываемых услуг[1]. Тем не менее, за это время в республике накоплен опыт проектирования, создания и внедрения информационных систем в различных отраслях экономики, социальной сферы и государственного управления. Наиболее активно процессы информатизации осуществлялись в образовании, науке, медицине, социальном обеспечении, правоохранительной деятельности, судебной системе и других сферах. Органы государственного управления приобрели навыки работы с информационными ресурсами и системами, осознали их необходимость и значимость.

Второй этап развития государственной политики соответствует периоду реализации Государственной программы информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 г. «Электронная Беларусь». Данная программа была принята постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2002 г. № 1819 и завершена в 2010 году. Этот этап характеризуется не только всеобщей информатизацией, но и сменой приоритетов от информатизации к выработке комплексной и последовательной информационной политики.

Государственная программа «Электронная Беларусь» структурно и содержательно отличалась в лучшую сторону от предыдущей. Программа предусматривала выполнение 107 проектов, с участием в их реализации свыше 40 исполнителей и выполнялась по заявкам широкого круга государственных органов и организаций[2]. В ходе реализации «Электронной Беларуси» введены в эксплуатацию автоматизированные информационные системы обеспечения деятельности министерств, Администрации Президента Республики Беларусь, Государственного секретариата Совета безопасности, Аппарата Совета Министров, Комитета государственного контроля, Генеральной прокуратуры и др. В рамках Программы осуществлены также проекты в области межведомственного взаимодействия государственных органов, электронной торговли, в том числе международной. Ряд проектов был направлен на оказание услуг в здравоохранении, образовании, а также информационно-справочных услуг.

---

1 Информатизация: завтра твоей страны. Мнение эксперта.

2 Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на период до 2010 г. «Электронная Беларусь».

За 20-летний период (1991–2010 гг.) в результате выполнения государственных программ в республике завершилось формирование основ информационного общества, заложены правовые основы информатизации, получила развитие информационно-коммуникационная инфраструктура, позволяющая оказывать новые телекоммуникационные и информационные услуги на основе технологий широкополосного доступа. Разработан ряд общегосударственных и ведомственных информационных систем, создана национальная система формирования и регистрации информационных ресурсов. Республиканские органы государственного управления, облисполкомы и большинство райисполкомов были представлены в сети Интернет. Республика обладает достаточно развитой собственной информационной индустрией, включающей разработку и производство средств вычислительной и телекоммуникационной техники, а также программного обеспечения.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, дальнейшее развитие информационного общества в Беларуси требовало осуществления ряда мер. В их числе — совершенствование нормативной правовой базы и государственной системы управления в области информатизации и развития рынка телекоммуникационных услуг; ускорение создания инфраструктуры для предоставления государственными органами электронных услуг, в том числе с использованием средств электронной цифровой подписи; расширение представительства государства, бизнеса, общественных организаций в сети Интернет и обеспечение более четкого их взаимодействия в сфере информатизации; принятие мер по повышению уровня компьютерной грамотности государственных служащих и населения в целом[1].

С учетом вскрытых проблем и необходимых действий по их устранению государственная информационная политика Республики Беларусь с 2011 года вступила в третий этап своего развития, который характеризуется комплексностью и последовательностью намеченных мер, направленных на дальнейшее развитие информационного общества. Роль основного инструмента социально-экономического прогресса отводится новым информационно-коммуникационным технологиям, а развитие информационного общества обеспечивается наличием развитого человеческого капитала, высокого научного потенциала, целостной системы государственной поддержки разработки ИКТ.

Основой политики данного этапа является Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174.

Реализация Стратегии осуществлялась в соответствии с Национальной программой ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики

[1] Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года.

Беларусь от 28 марта 2011 г. № 384, а также отраслевыми и региональными программами информатизации. Данную программу можно отнести к программам комплексного характера, нормы которой оказывают влияние практически на все сферы общественных отношений, как в государстве, так и в обществе.

Национальная программа направлена на ускоренное развитие услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий, в том числе формирование государственной системы оказания электронных услуг, и как следствие — на создание условий, содействующих развитию информационного общества на инновационной основе и способствующих повышению качества и эффективности информационных отношений населения, бизнеса и государства[1].

Согласно Программе условиями развития информационного общества определены: ведущая роль государства в координации процесса информатизации, организации научных исследований, создании и развитии человеческого капитала; совершенствование бизнес-климата и развитие конкуренции в сфере ИКТ; формирование национальной информационной индустрии, обеспечивающей производство ИКТ, информационных ресурсов и электронных услуг.

Данная программа явилась логическим продолжением выполненных программ информатизации и отличалась от них, в первую очередь, системным подходом к разработке. В Программе выделено 129 мероприятий и 9 приоритетных направлений развития информационного общества: национальная информационно-коммуникационная инфраструктура; электронное правительство; электронное здравоохранение; электронная занятость и социальная защита населения; электронное обучение и развитие человеческого капитала; формирование национального контента; электронная таможня; безопасность ИКТ и цифровое доверие; развитие экспортноориентированной ИТ-индустрии[2].

По каждому из приоритетных направлений разработаны подпрограммы, имеющие собственные цели, задачи, ожидаемые результаты, набор количественных показателей для оценки эффективности выполнения и перечень научно-технических, организационных и инвестиционных мероприятий. Так, например, подпрограмма «Национальная информационно-коммуникационная инфраструктура» направлена на модернизацию действующих сетей электросвязи и внедрение в республике мультисервисных сетей следующего поколения; подпрограмма «Электронное правительство» — на создание государственной системы оказания электронных услуг; подпрограмма «Электронное здравоохранение» — на повышение качества и доступности медицинских услуг, информированность населения о состоянии собственного здоровья, применении ИКТ при планировании лечебно-профилактических мероприятий; подпрограмма «Электронная занятость и социальная защита населения» — на

[1] Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг.

[2] Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг.

расширение спектра электронных услуг в сфере профессионального пенсионного страхования и индивидуального (персонифицированного) учета, создание электронной службы занятости, а также условий интеграции различных видов социального страхования населения в единую систему взаимодействия; подпрограмма «Электронное обучение и развитие человеческого капитала» — на создание национальной системы электронных образовательных ресурсов и совершенствование инфраструктуры доступа к мировым образовательным ресурсам, а также обеспечение условий, содействующих развитию человеческого капитала и т.д[1].

В Национальной программе впервые были предусмотрены мероприятия по системному развитию региональной информатизации. В ходе их реализации намечено проведение анализа информационной инфраструктуры регионов и разработка основных направлений поэтапного создания информационно-аналитической системы «Электронный регион» для оказания электронных услуг гражданам и организациям. На основании полученных результатов будут определены необходимые мероприятия по информатизации каждого региона.

Объем финансирования Национальной программы составил 3,8 трлн. руб., около 82% из этой суммы (3,1 трлн. руб.) приходится на инвестиции в основной капитал за счет собственных средств организаций Минсвязи. Общий объем бюджетного финансирования Программы равен 712,2 млрд. руб. (около 18%). При этом из республиканского бюджета на выполнение НИОКР и освоение капитальных вложений планировалось направить 175,6 млрд. рублей. Остальной объем бюджетного финансирования в размере 536,6 млрд. руб. составляют инвестиции в основной капитал на развитие и модернизацию инфраструктуры сети передачи данных из средств государственного целевого бюджетного инновационного фонда Минсвязи и государственного целевого бюджетного фонда универсального обслуживания Минсвязи[2].

В целом за пятилетку сумма бюджетного финансирования составляет около 0,06% от ВВП Республики Беларусь. Для сравнения: на реализацию Программы развития информационного общества в Российской Федерации на 2011–2013 гг. и на период до 2020 г. только в 2011 г. было запланировано освоить около 0,26% от годового ВВП, а финансирование Программы развития информационных и коммуникационных технологий в Республике Казахстан на 2010–2014 гг. в расчете на год предусмотрено в размере более 1% от прогнозного значения ВВП.

Осуществление Национальной программы было предусмотрено в два этапа. На первом этапе реализации (2011–2013 гг.) осуществлен комплекс мероприятий по формированию и развитию базовых компонентов инфраструктуры электронного правительства, необходимых для развития государственной системы оказания электронных услуг

1 Информатизация: завтра твоей страны. Мнение эксперта.

2 Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг.

организациям и гражданам. По словам министра связи и информатизации Республики Беларусь С. Попкова, в этот период разработаны и внедрены проекты, предназначенные для развития новых электронных услуг, связанных с таможенным регулированием, осуществлением процедур санации и банкротства, пограничным контролем[1]. Имеются достижения в области здравоохранения, электронной занятости и социальной защиты, электронного обучения, таможенной деятельности и т.д. Мероприятия осуществлялись по большинству реализуемых подпрограмм.

Второй этап (2014–2015 гг.) предполагал реализацию мероприятий, завершающих создание инфраструктуры оказания электронных услуг, взаимодействия субъектов информационных отношений, и переход к работам по интеграции созданных государственных информационных систем с базовыми компонентами инфраструктуры электронного правительства для оказания на их основе государственных электронных услуг.

Важным аспектом реализации Национальной программы является внедрение электронных услуг для населения и бизнеса. В республике уже функционирует единый портал электронных услуг. Для обеспечения работоспособности созданных электронных сервисов, формирования и развития новых учреждено специальное предприятие — Национальный центр электронных услуг, которое на договорной основе предоставляет заинтересованным потребителям более трех десятков востребованных, прежде всего бизнесом, электронных услуг[2].

Для оценки реализации государственной политики предусмотрена разработка в республике Единой системы показателей развития информационного общества (ЕСПРИО) и в соответствии с ней системы мониторинга, анализа и оценки хода ее реализации. Создание ЕСПРИО будет осуществляться с использованием зарубежного опыта, а также опыта статистических и исследовательских организаций республики, и опираться на результаты маркетинговых исследований. В структуре ЕСПРИО должны быть предусмотрены показатели не только в целом по республике, но и на уровне отраслей, облисполкомов и Минского горисполкома.

Ввиду отсутствия общепринятого мирового композитного индекса оценки состояния и развития информационного общества необходимо определять международные рейтинговые позиции, достигаемые республикой, по системам показателей МСЭ и ООН.

Основным показателем успешной реализации Национальной программы и в целом государственной политики развития информационного общества должно стать повышение позиций Республики Беларусь в рейтинге европейских государств по системам оценок Международного союза электросвязи (МСЭ) и ООН (вхождение в тридцатку ведущих стран мира).

---

1 Попков С. Стратегия развития информационного общества Республики Беларусь: результаты и перспективы.

2 Там же. С. 18.

Согласно оценке Комиссии Международного союза электросвязи Республика Беларусь занимает 25-ю позицию по количеству стационарного широкополосного доступа и 23-ю позицию по количеству домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет.

По данным Минсвязи, на начало четвертого квартала 2015 года в стадии выполнения находилось 22 мероприятия Национальной программы. Завершены работы по 38 мероприятиям НИОКР и 20 организационно-техническим мероприятиям. По предварительным оценкам ожидаемый результат показателя подключения к сети Интернет за 2015 г. составит не менее 60% потенциальных пользователей[1].

В результате реализации Национальной программы на 2011–2015 гг. созданы условия для оптимизации административных процедур государственных органов на основе интеграции через ОАИС государственных информационных ресурсов, сформирована единая защищенная система их документооборота. В стадии завершения находятся технологические процессы информатизации учреждений образования. Относительная доля медицинских электронных документов составляет не менее 50%. Все конкурентные виды процедур государственных закупок проводятся заказчиками только на электронных торговых площадках.

Завершение всех осуществляемых мероприятий позволит обеспечить создание современной инфраструктурной основы для организации информационного обмена между участниками экономических процессов: бизнеса, общества и государства.

Продолжением политики развития информационного общества в Республике Беларусь является Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы, которая определяет принципы государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации и основные направления развития информационного общества с учетом совокупности факторов, влияющих на его прогресс.

В числе основных факторов, замедляющих развитие информатизации в стране, в новой Стратегии выделены:

– инертность государственных органов и организаций при решении вопросов информатизации;

– отсутствие мотивации для изменения бизнес-процессов, необходимых при внедрении ИКТ;

– недостаточный уровень инвестиций в ИКТ, как со стороны государства, так и бизнеса;

– слабое использование возможностей государственно-частного партнерства, в том числе в области обучения и исследований[2].

Проект Стратегии разработан на основе базовых результатов НИР «Исследование современных мировых тенденций развития информационного общества и разработка рекомендаций по совершенствованию деятельности в сфере информатизации в Республике

[1] О предварительных итогах реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года...

[2] Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы.

Беларусь на период с 2016 по 2022 годы» (НИРУП «ИППС») и НИР «Исследование и разработка рекомендаций по развитию национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры на период с 2016 по 2022 годы» (ОАО «Гипросвязь») с учетом рекомендаций корейских экспертов национального агентства по развитию информационного общества Республики Корея (NIA).

Стратегия 2016–2022 основывается на приоритетах социально-экономического развития страны, содержащихся в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года и концепции Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы.

Стратегической целью дальнейшего развития информатизации в Республике Беларусь является создание условий, способствующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства Республики Беларусь.

В качестве основных направлений развития информатизации в Стратегии определены: развитие эффективной и прозрачной системы государственного управления, национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, цифровой инфраструктуры бизнеса, онлайнового рынка, банковских услуг; внедрение информационно-коммуникационных технологий в реальном секторе экономики; совершенствование социальной сферы на основе информационно-коммуникационных технологий; развитие национального электронного контента, собственной отрасли информационных технологий; обеспечение цифрового доверия, защита информационных ресурсов и информационно-коммуникационной инфраструктуры; научное обеспечение развития информатизации.

Для координации политики информатизации в республике сформирована институциональная структура государственных органов и организаций, включающая Совет по развитию информационного общества при Президенте Республики Беларусь; оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь; Министерство связи и информатизации Республики Беларусь; Национальную академию наук Беларуси; Государственный военно-промышленный комитет Республики Беларусь; сеть базовых организаций по информатизации.

К 2022 году в результате реализации Стратегии информатизации Республика Беларусь будет способна достичь в соответствии с выбранными направлениями развития следующих результатов[1]:

- позиция в рейтинге по индексу готовности к электронному правительству — вхождение в группу развитых стран (в соответствии с классификацией ООН);

[1] Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы.

- доля административных процедур и государственных услуг, оказываемых в электронном виде,— не менее 75%;
- доля электронного документооборота между государственными органами в общем объеме документооборота — 95%;
- количество наборов открытых данных государственных органов и организаций — не менее 100;
- позиция Республики Беларусь в рейтинге по индексу электронного участия (по методике ООН) — 50;
- количество интернет-пользователей на 100 жителей — 65;
- количество абонентов и пользователей стационарного (постоянного) широкополосного доступа в сеть Интернет на 100 человек населения — 36,5;
- количество абонентов и пользователей беспроводного широкополосного доступа в сеть Интернет на 100 человек населения — 85;
- удельный вес инновационно-активных организаций в общем количестве организаций — 25%;
- доля медицинской документации, предоставляемой в электронном виде,— 100%;
- доля организаций здравоохранения, подключенных к единой корпоративной сети организаций здравоохранения,— 100%;
- доля населения, обеспеченного электронными медицинскими картами,— 100%;
- доля открытых электронных образовательных ресурсов — 80%;
- доля СМИ, доступных посредством сети Интернет,— 100%;
- доля библиотечных фондов в электронной форме в общем объеме библиотечных фондов публичных библиотек — не менее 30%;
- увеличение затрат на научные исследования и разработки в сфере ИКТ — не менее 30% в общем объеме затрат на НИОКР;
- доля валовой добавленной стоимости сектора ИКТ в ВВП — 3,8–4,0%.

Практическим инструментом реализации Стратегии 2016–2022 станет Государственная программа «Развитие цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы».

Обобщая изложенное, следует отметить, что в Республике Беларусь, начиная с 1991 года, разрабатывается и осуществляется государственная политика формирования и развития информационного общества. С 2011 года используется комплексный подход к ее разработке. Государственные решения основываются на глубоких научных исследованиях и рекомендациях зарубежных экспертов. Это позволяет утверждать, что политика Республики Беларусь в области развития информационного общества является последовательной, основана на реальных возможностях страны и соответствует мировым тенденциям.

Список использованных источников

1. *Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на период до 2010 г. «Электронная Беларусь», утв. постан. Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2002 г. № 1819 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.— Минск, 2015.— Режим доступа: http://nmo.basnet.by.— Дата доступа: 22.12.2015.*
2. *Информатизация: завтра твоей страны. Мнение эксперта (Министерство связи и информатизации Республики Беларусь) [Электронный ресурс].— 2014.— Режим доступа: http:// www.mpt.gov.by/ru/ new_page_3_93_14407/.— Дата доступа: 25.01.2015.*
3. *Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг., утв. постан. Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011 г. № 384 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.— Минск, 2016.— Режим доступа: http://nmo.basnet.by.— Дата доступа: 12.12.2015.*
4. *О предварительных итогах реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и проекте Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы: постановление коллегии Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 30.09.2015 № 35 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.— Минск, 2016.— Режим доступа: http://nmo.basnet.by.— Дата доступа: 25.01.2016.*
5. *Попков, С. Стратегия развития информационного общества Республики Беларусь: результаты и перспективы / С. Попков // Веснік сувязі.— 2014.— № 3.— С. 15–18.*
6. *Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь.— Минск, 2016.— Режим доступа: http://nmo.basnet.by.— Дата доступа: 25.01.2016.*
7. *Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года, утв. постан. Совета Министров Республики Беларусь от 09.08.2010 г. № 1174 // Информационный бюллетень.— 2015.— № 2.*

Дата паступлення ў рэдакцыю 16.05.2016.

Б. И. Сидоренко, А. Ф. Свиб

Социум и этнос: русские в Могилеве в свете данных демографической статистики

В статье исследуется роль и место русской этнической группы в демографической структуре, статистических показателях и социальном составе населения Могилева с конца XIX в. и до настоящего времени. На основе анализа данных демографической статистики и сопутствующих ей общественных процессов автор приходит к выводу о корреляции социальных изменений и динамики количественных характеристик русского населения Могилева на фоне социально-экономического и политического развития городского центра более чем за столетний, наиболее драматичный период его истории.

Е. М. Бабосов

Использование теории сложности в современной системе правоведения

Охарактеризованы актуальные направления применения заимствованной из математики и модифицированной с расчетом особенности социальных систем динамики правоведения как сложной социальной системы. Выявлены основные компоненты такого применения в сфере международного, кассационного, трудового, хозяйственного и уголовного права. Показана возрастающая значимость системы образования, в том числе в Частном учреждении образования «БИП-Институт правоведения», в формировании у гражданина правовой культуры.

М. И. Пастухов, Д. М. Пастухова

Правовые аспекты участия Республики Беларусь в Болонском процессе

В статье рассматриваются основные параметры (показатели) Болонского процесса как европейского пространства вузовского образования. В этой связи определяются вопросы, которые предстоит решить Республике Беларусь как новому члену Болонского процесса, в том числе изменения и дополнения в законодательстве.

В. В. Коляго

Критерии оценки деятельности субъектов профилактики правонарушений

Исходя из эмпирических данных и теоретических положений, исследуются вопросы критериев оценки эффективности деятельности различных субъектов, в том числе и органов внутренних дел, по профилактике правонарушений, вносятся предложения по устранению выявленных проблем в рассматриваемой сфере.

Л. Г. Закревский

К вопросу об участии представителей гражданского общества в осуществлении правосудия в Республике Беларусь

Автор анализирует и предлагает соответствующие формы участия представителей гражданского общества в осуществлении правосудия в Республике Беларусь.

И. Н. Дементьева

Социологический мониторинг оценки эффективности государственного управления

Повышение эффективности органов государственного управления как на федеральном, так и на региональном уровне актуализирует проблему поиска и использования новых методологических подходов и решений для ее оценки.

Использование различных критериев и методических подходов для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти предполагает получение разносторонней информации о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества. Такие сведения можно получить только посредством изучения общественного мнения.

Н. С. Пилипенко

Правовое содержание индивидуального трудового спора

В статье рассмотрены подходы ученых к правовому содержанию элементов индивидуальных трудовых споров в трудовом праве. Определяются субъект, объект, субъективная сторона, объективная сторона индивидуального трудового спора. Цель исследования — определить участников индивидуального трудового спора и его содержание.

Ю. В. Михайловская

Криминологическая характеристика жертв мошенничества в товарно-кредитной сфере

Значение виктимологических факторов заключается в том, что выявление степени и характера участия жертвы в преступлении позволяет наиболее объективно изучить весь комплекс криминогенных факторов мошенничества. Научно-практический интерес представляет криминологическая характеристика жертв мошенничества в товарно-кредитной сфере, к числу которых относятся как физические лица (граждане), так и юридические лица (банки и торговые предприятия). В статье проанализированы криминологические особенности личности жертвы мошенничества в товарно-кредитной сфере, выявлены социально-демографические характеристики, такие, как пол, возраст, статус, семейное положение и т.д. По результатам исследования автором сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части признания юридического лица потерпевшим от преступлений.

Я. В. Бардашевич

Статус эмбриона человека и его правовая защита

В статье автором была поставлена четкая задача относительно раскрытия содержательной стороны вопроса о положении эмбриона человека в обществе и праве. Для ее решения изначально было обращено внимание на теоретическую составляющую данной проблематики. Из выделенных научно-теоретических подходов автор создает ряд совершенно новых гипотез, обеспечивающих эмбриона человека гарантиями. Данное нововведение, названное «Гипотетическая система защиты жизни эмбриона человека», включает в себя следующие гипотезы: ценностную, временную, конфликтную, дестабилизирующую, социальную и консервативную. Говорить о единстве разработанной системы защиты права на жизнь эмбриона человека не приходится, и на это имеются соответствующие причины. Одной из основных причин следует назвать разносторонность поставленных целей каждой концептуальной идеей.

К. М. Иванец

Правовые основы ведения государственного водного кадастра в Республике Беларусь

В статье анализируются теоретические подходы и нормы конституционного и экологического законодательства о государственном учете водных ресурсов Республики Беларусь как элементе организационно-правового механизма охраны окружающей среды.
На основе рассмотренных положений законодательства обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в действующее эколого-правовое законодательство, направленных на совершенствование норм учета в области охраны окружающей среды как гарантии конституционного права на благоприятную окружающую среду.

А. М. Северский

Разумные сроки в уголовном процессе Украины, Российской Федерации и Молдовы

В статье произведен анализ влияния практики Европейского Суда по правам человека на уголовное процессуальное законодательство Украины, Российской Федерации, Молдовы относительно нарушений разумных сроков при расследовании материалов уголовного производства и в судебном разбирательстве.
Выявлены недостатки уголовных процессуальных норм, регламентирующих обозначение и применение разумных сроков, предложено решение по их усовершенствованию внесением изменений в национальное законодательство Украины, РФ, Молдовы.

В. Л. Гурский

Моделирование процесса согласования промышленной политики стран ЕАЭС

В статье проводится анализ факторов, препятствующих процессу формирования согласованной промышленной политики

стран ЕАЭС. Выявлено, что основной причиной противоречий является расхождение интеграционных интересов субъектов промышленной политики стран участниц. Сделан вывод о том, что согласованность промышленной политики не означает ее унификацию. Предложен алгоритм согласования интересов субъектов промышленной политики на разных уровнях как непрерывный, итеративный процесс.

Л. А. Самусева

Государственная политика Республики Беларусь в области развития информационного общества

В статье рассмотрены вопросы становления государственной политики Республики Беларусь в области развития информационного общества. Выделены основные этапы ее формирования и практического воплощения. Основное внимание направлено на выявление особенностей содержания государственной политики по анализируемым периодам. Автор приходит к выводу, что, независимо от поставленных целей и задач на конкретный период, государственная политика Республики Беларусь в области развития информационного общества является последовательной, основана на реальных возможностях страны и соответствует мировым тенденциям.

B. I. Sidorenko, A. F. Svib
Society and Ethnos: the Russians in Mogilev in the Light of Demographic Statistics
The article examines the role and place of Russian ethnic groups in the demographic structure, statistical indicators and social composition of Mogilev population since the late nineteenth century to the present time. Basing on the analysis of demographic statistics and related social processes, the author comes to the conclusion about the correlation of social change and the dynamics of quantitative characteristics of the Russian population in Mogilev on the background of socio–economic and political development of the city center for more than a century, the most dramatic period of its history.

E. M. Babosov
Complexity Theory Usage in the Modern Law System
The author characterizes the current trends in the use of borrowed from mathematics and modified the calculation features of the dynamics of social law systems as a complex social system. The article reveals the main components of such application in the field of international, appeal, industrial, economic and criminal law. It also demonstrates the growing importance of the education system, including the Private Educational Institution «Institute of the BIP-Law», in the formation of legal culture of citizens.

M. I. Pastukhov, D. M. Pastukhova
Legal Aspects of the Participation of the Republic of Belarus in the Bologna Process
This article reviews the basic parameters of the Bologna process as European educational space. Thereupon it identifies the issues which Republic of Belarus should deal with as a new member of the Bologna process, including the changes and amendments to the legislation.

V. V. Kolyago
Criteria for Evaluation of Crime Prevention Subjects
On the basis of empirical data and theoretical propositions the author investigates the questions of criteria assessing the effectiveness of the various actors, including the bodies of internal affairs, crime prevention. Proposals are being made to address the problems identified in this sphere.

L. G. Zakrevski

To the Question About Participation Representatives of the Civil Society in Realization of Justice in the Republic of Belarus

The author analyzes and proposes appropriate forms of participation of civil society representatives in the administration of justice in the Republic of Belarus.

I. N. Dementieva

Sociological Monitoring Evaluation of Public Administration Effectiveness

The author analyses and offers corresponding forms participation of the civil society in realization of justice in the Republic of Belarus.

Improving government efficiency at both the federal and regional level actualizes the problem of finding and using new methodological approaches and solutions for evaluation.

Using a variety of criteria and methodological approaches for assessing the effectiveness of executive power is to receive comprehensive information about the processes occurring in the various spheres of society. Such information can only be obtained through the study of public opinion by means of quantitative and qualitative sociological research methods.

N. S. Pilipenko

Legal Content of an Individual Labour Dispute

The article scrutinizes jurists' approaches to legal content of the elements of individual labour disputes in the sphere of labour law. The author gives the definitions of subject, object, subjective and objective side of an individual labour dispute. The objective of the research is to define the participants and the content of the labour dispute.

Yu. V. Mikhailovskaya

Criminological Characteristics of Fraud Victims in Commodity and Credit Sector

The importance of victimological factors is that the identification of the degree and the character of the victim's involvement in the crime makes it possible to study objectively the whole complex of criminogenic factors of fraud. Criminological characteristics of the fraud victims in commodity and credit sector, that are both individuals and legal entities (banks and businesses), arouse theoretical and practical interest. The article analyses criminological features of the personality of the fraud victim in commodity and credit sector, identifies socio-demographic characteristics, such as gender, age, social status, family status, etc. On the results of the research the author formulates proposals for optimization of the criminal procedural legislation concerning the recognition of a legal entity as the aggrieved party of a crime.

Ya. V. Bardashevich

Status of the Human Embryo and its Legal Protection

In the article the author determines a clear task to disclose the content of the issue of the human embryo position in society and law. To solve the problem initially the author drew attention to the theoretical component of this problem. From the dedicated scientific and theoretical approaches the author creates a number of entirely new hypotheses providing guarantees of human embryos. This innovation has been called «hypothetical system of protection of the human embryo life», and it includes the following hypotheses: value, time, conflict, destabilizing, social and conservative ones. There is no developed system of the protection of the right to life of the human embryo due to some appropriate reasons. One of the primary reasons should be called the diversity of the goals of each conceptual idea.

K. M. Ivanets

Legal Bases of Maintaining the State Water Inventory in Republic of Belarus

Theoretical approaches and standards of the constitutional and ecological legislation on the state accounting of water resources of Republic of Belarus, as element of an organizational legal mechanism of environmental protection are analyzed in the article.

On the basis of the considered provisions of the legislation the author states the need of modification and additions in the existing eco-legal legislation directed on improvement of norms in the sphere of the account in the field of environmental protection as guarantees of a constitutional right on favorable environment locates.

A. M. Severski

Reasonable Period of Time in the Criminal Process of Ukraine, the Russian Federation and Moldova

The author analyzes the impact of the European Court of Human Rights on criminal procedural legislation of Ukraine, Russia and Moldova, regarding violations of reasonable terms in the investigation of materials of criminal proceedings and in the court proceedings.
The researcher also identifies shortcomings of criminal procedural rules governing the designation and use of reasonable terms, proposes a solution to improve them by making changes in the national legislation of Ukraine, Russia and Moldova.

V. L. Hurski

Modelling the Process of Negotiating the Industrial Policy of EEU Countries

This article provides analysis of the factors inhibiting the formation of a coherent industrial policy of the EEU. It was revealed that the main cause of conflict is the integration interests divergence of the industrial policy subjects of the member states. It is concluded that the harmonization of industrial policies does not mean its unification. The article proposes an algorithm for the interests coordination of industrial policy subjects at different levels as a continuous, iterative process.

L. A. Samuseva

State Politics of the Republic of Belarus in the Sphere of Information Society Development

The article covers the issues of the state politics establishment of the Republic of Belarus in the sphere of information society development. The main stages of its formation and practical implementation are singled out. Great attention is devoted to the peculiarities of the contents of state politics during the analyzed periods. The author concludes that irrespective of set goals and aims for a definite period state politics of the Republic of Belarus in the sphere of information society development is consistent, it is based on real possibilities of the country and it corresponds to the world tendencies.

Ад рэдакцыі

Рэдакцыя часопіса «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні» запрашае да супрацоўніцтва аўтараў навуковых, вучэбных і метадычных матэрыялаў у адпаведных галінах ведаў. Правілы прадстаўлення матэрыялаў для публікацыі:

1) У часопісе публікуюцца артыкулы на беларускай і рускай мовах памерам да 1 аўтарскага аркуша (40 000 знакаў з прабеламі).
2) Рукапіс артыкула падаецца раздрукаваным у двух экзэмплярах (шрыфт 14 пт., праз два інтэрвалы), з подпісам аўтара на апошняй старонцы, а таксама ў выглядзе электроннага файла на дыскеце ці дыску ў фармаце «rtf» ці «doc».
3) Ілюстрацыі (фатаграфіі, малюнкі, табліцы, схемы) дадаюцца ў выглядзе асобных файлаў, выкананых у адпаведных фарматах.
4) Спасылкі на выкарыстаныя крыніцы прыводзяцца ў тэксце ў дужках. Спіс выкарыстаных крыніц змяшчаецца ў канцы тэкста і афармляецца ў адпаведнасці з Інструкцыяй па афармленню дысертацыі, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацыі (Пастанова ВАК РБ № 2 ад 22.02.2006). На першай старонцы артыкула павінен быць прастаўлены індэкс УДК.
5) Да артыкула таксама дадаюцца:
   - інфармацыя пра аўтара (аўтараў): месца працы, пасада, вучоная ступень, вучонае званне, кантактныя тэлефоны, галіна навуковых інтарэсаў, галоўныя тэарэтычныя ці практычныя дасягненні;
   - фатаграфія аўтара (у лічбавым фармаце, з пашырэннем «.jpg»);
   - анатацыя на рускай і англійскай мовах памерам 100-150 слоў.

Паштовы адрас:
220004, г. Мінск, вул. Караля, 3, БІП – Інстытут правазнаўства.
E-mail: seipd@yandex.ru.

Адрас рэдакцыі:
220093, Мінск, 2-гі Пуцеправодны зав., д. 1.